

Обманные практики
и доверительные отношения

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Отдел исторической антропологии и истории
повседневности**

Обманные практики и доверительные отношения

**Поведенческие стратегии в меняющихся
социокультурных условиях Европы
(Средние века и Новое время)**

Коллективная монография
под редакцией
О.И. Тогоевой и
О.Е. Кошелевой

Москва
2018

УДК 94
ББК 63.3
О 191

Коллективная монография подготовлена в рамках поддержанного
РФФИ научного проекта № 16-01-00154

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г.А. Попова
кандидат исторических наук М.В. Земляков

**Обманные практики и доверительные отношения.
Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных
условиях Европы (Средние века и Новое время) /** Под ред.
О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. – М., ИВИ РАН, 2018. – 259 с.

ISBN 978-5-94067-493-1

Коллективная монография представляет итоговые результаты работы над научным проектом «Стратегии обмана и доверия в меняющихся социокультурных условиях Европы». Обман как образ действия людей, от ребенка до государственного деятеля, пронизывает все общества, обман в нем неизбежен, а иногда и необходим. С ним борются, от него бегут, им восхищаются, от него стараются защититься. Различные стратегии лжи и обмана, применявшиеся людьми в разные времена и в разных ситуациях, но вместе с тем и доверия, стали основными исследовательскими проблемами монографии.

Сборник предназначен для историков, источниковедов, культурологов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94067-493-1

В оформлении обложки использован фрагмент картины Питера Брейгеля Старшего «Фламандские пословицы» (1559).

© Коллектив авторов, 2018
© Институт всеобщей истории РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как защищались от обмана и защищали доверие (Вместо введения) (О.Е. Кошелева)	5
Обоюдоострое доверие	
Глава 1. Можно ли доверять военному противнику? Символика дара в «Мистерии об осаде Орлеана» (О.И. Тогоева)	25
Глава 2. Обещания правителя и доверие придворного: конфликт во Франции XV в.(Ю.П. Крылова)	37
Глава 3. «Доверять не следует обманывать»: ведение дневника как новая практика самоопределения в английской культуре XVII в. (на примере дневника С. Пипса)(А.В. Стогова)	53
Глава 4. Доверие и недоверчивость в жизни торговцев Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в.(Т.Г. Яковлева)	88
«Обман, везде обман!»	
Глава 5. Ревизия гипотезы о гибридных грамотах (П.Ш. Габдрахманов)	107
Глава 6. Как нас обманывают публикации исторических источников(И.Н. Данилевский)	128

Глава 7. Дипломатическая стратегия по наследству: Генрих (VII) Штауфен и его отец <i>(А.Б. Герштейн)</i>	155
Глава 8. Миф о легковерии «средневековых простецов»: чудеса преображения святых даров <i>(Ю.Е. Арнаутова)</i>	187
Глава 9. Обманные стратегии успеха при дворе <i>(Ю.П. Крылова)</i>	198
Глава 10. Профессиональные обманщики: французские средневековые фальшивомонетчики в кругу коллег и клиентов <i>(О.И. Тогоева)</i>	212
Глава 11. Коннотации лжи и правды в различных формах вежливости <i>(О.Е. Кошелева)</i>	229
Глава 12. Обман при получении торговых документов в пореформенной России <i>(Т.Г. Яковлева)</i>	239
Наши авторы	257

КАК ЗАЩИЩАЛИСЬ ОТ ОБМАНА И ЗАЩИЩАЛИ ДОВЕРИЕ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)*

Обман как образ действия людей, от ребенка до государственного деятеля, пронизывает все общества, обман в нем неизбежен, а иногда и необходим. С ним борются, от него бегут, им восхищаются, от него стараются защититься. Различные стратегии лжи и обмана, применявшиеся людьми в разные времена и в разных ситуациях, могли нанести существеннейший ущерб тем, на кого обман был нацелен. Клевета, предательство, мошенничество, двурушничество, нарушение обещаний – все это было опасным оружием, которое часто пускал в ход не враг, а человек, которому доверяли. Естественно, что ради безопасности от него общество вырабатывало самые разные и порой весьма хитроумные средства защиты. Они важны для всех и каждого и требуют специального изучения и глубокого осмысления, поскольку меняются вместе с историческими изменениями в обществе и культуре. Главным испытанным и неизменным на протяжении веков защитным средством от обмана является только одно – недоверие (как личное, так и официально выраженное). Оно культивируется в самых разных формах, начиная с детства, когда родители, желая обезопасить своих детей, внушают им «Никому не доверяй». Недоверие перестало быть оскорбительным. Но общество, лишённое понятия «доверие», начинает существовать по тюремным правилам: «Не верь, не бойся, не проси». Жить в таком социуме тяжело.

Обман обычно строится на сконструированном для его успешной реализации доверии-ловушке, которое отличается от доверия, честно заслуженного. Последнее предполагает длительные и серьезные индивидуальные усилия человека по завоеванию доверия в своем ближнем кругу, это сулит ему выгоды, зачастую большие, чем обман. Личные стратегии у людей разные. Одни их основывают на обмане и, как правило, всегда сами боятся обмана, что и выдает их как лживых людей. Другие стараются честным образом завоевать доверие окружающих и

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-01-00154-ОГН.

обычно страдают излишней доверчивостью, становясь легкой добычей всякого рода проходимцев. Однако, в конечном счете, обе линии поведения имеют целью получение выгоды. То, какая из них доминирует в том или ином коллективе, в значительной мере определяет его лицо.

Английский исследователь Дж. Хоскин, справедливо позиционирующий тему доверия как одну из важнейших для историков, первую главу своей книги назвал «Страна максимального недоверия. Советский Союз в 1930 годы»¹. В ней он, например, пишет: «Отравленная атмосфера вызвала у населения, особенно у молодежи, никогда не знавшей другого мира, постоянную и всепроникающую паранойю. Как вспоминал позже молодой рабочий, все приписывалось врагам: «В школе говорили: “Смотрите, как (враги) не хотят, чтобы мы жили при коммунизме, – видите, заводы взрывают, трамваи с рельсов сталкивают, людей убивают, – все это дело рук врагов народа”. Нам столько вбивали это в головы, что мы разучились думать самостоятельно. Мы везде видели “врагов”². В результате обычный повседневный обмен мыслями, надеждами, чувствами стал практически невозможен. Некоммуникация заморозила человеческие отношения. Дети росли в уверенности, что это нормально»³.

Конечно, ситуация, описанная здесь, не является естественной. Но все было гораздо сложнее. Доносительство процветало в российском обществе благодаря тому, что его открыто поощряло правительство, начиная с петровских времен⁴, и появилось недоверие людей друг к другу в процессе общения в России отнюдь не в сталинскую эпоху. Тем не менее, доносительство и чувство недоверия к ближнему при Петре были нивелированы более мягкой правительственной политикой вплоть до прихода к власти большевиков. Хоскин, однако, не замечает, что приведенная им цитата свидетельствует не только о недоверии (оно относилось к неким врагам, находившимся вне данного социума), но и о феноменальном *доверии* к тем, кто проповедовал подобные идеи, абсолютном доверии большинства населения к

---

¹Хоскин Дж. Доверие. История. М., 2016. С. 19.

²Дж. Хоскин ссылается на книгу Орландо Файджеса: *Figs O. The Whisperers: Privatelife in Stalin's Russia*. L., 2007. P. 274.

³Хоскин Дж. Указ. соч. С. 26.

⁴См. об этом подробнее: Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 1999.

партии и правительству. Более того, можно привести множество примеров того, как люди обсуждали самые опасные темы, доверяя друг другу. В данном случае не имеет смысла спорить, чего было больше в советском обществе – доверия или недоверия – таких весов просто не существует. Однако на примере, приведенном выше, ясно видно, как в обществе распределяется доверие и недоверие, предполагающее предательство, подвох, обман. Окружающие делятся для любого человека на «своих», которым можно доверять, и на «чужих», к которым испытывается недоверие. Эти группы, как мы увидим, могут формироваться по разным принципам – и по родственным связям, и по профессиональным, и по идеологическим, и по многим другим. Когда человек дорожит «своей» социальной группой, он постарается никого из нее не обманывать и не предавать, даже если по сути своей он является обманщиком. Потому, что как только члены его сообщества узнают о совершенном им проступке, его изгонят. Конечно, это – не более чем схематичная мыслительная конструкция, и жизнь гораздо разнообразнее, тем не менее подобная схема работает. И, применяя ее, мы увидим, что взятое лишь для примера советское общество 1930-х гг. было гораздо сложнее в плане существования доверия/недоверия между отдельными индивидами, группами и государством. Сегодня можно найти множество свидетельств тому, что люди гораздо меньше, чем в то страшное время, доверяют друг другу даже в отсутствие тоталитарного режима. Это происходит в результате автономности существования индивидов, утраты малых социальных групп, родственных связей.

***

В Средние века и Новое время в каждой социальной группе существовала своя специфика спроса на доверие и формы его выражения. В дворянской среде «честность» имела значение не только внутри самой группы, но являлась залогом доверия между слугой и господином, в купечестве действовала система передачи друг другу денег и товаров на основе доверия, в семье и кругу родных – единой хозяйственной ячейке – доверие ее членов также было условием общего благополучия. В древнерусском языке слово «искренний» с XI в. означало одновременно и «близкого», «родного» (от «искрь» – близко, рядом), и «чисто-сердечного», открытого человека. Библейское изречение «копая

ров искрѣнему, во нь сам въпаде(т)»⁵ говорило о роковых последствиях, которые мог повлечь за собой обман ближнего: такой человек оказывался изгоем в своем роду. Значение слова «порядочный» тоже указывало на принадлежность к одному социальному «ряду», на близость по социальной группе.

Формы доверия складывались в разных социальных стратах также, как и в родственных группах на основе продолжительной совместной деятельности и общения. Таким образом, в обществах с разной социальной структурой существовали свои конфигурации форм доверия. Например, один из исследователей появления феномена доверия в XVI в. пишет об аристократии следующее: «Что касается ощущения доверия друг к другу среди знати, то это доверие должно было исходить из знакомства с людьми, с которыми издавна обменивались благами и услугами. Не удивительно, что такие отношения укреплялись также и в битвах, как мы это уже видели»⁶.

Если среди «своей братии» заведомая ложь и обман, невыполнение обязательств, подлог и клевета оказывались недопустимы, то при общении с чужими, «другими», они были возможны. В такой ситуации обман принимал форму хитрости и осторожности. Для «униженных», бедных, простых людей он являлся одной из основных защитных стратегий. Изучая французскую народную сказку, Роберт Дарнтон пришел к выводу, что обман и плутовство представлены в ней в качестве главной доблести человека. «Обман, – писал он, – вообще служит прекрасной жизненной стратегией. Более того, это единственная стратегия, доступная “маленьким людям”, которым приходится смиряться с существующим порядком вещей и по возможности использовать его»⁷.

Подобное «обманное» поведение стало со временем называться «подлостью», своим названием отсылая к привычкам, принятым на вооружение в низших слоях общества. С этим по-

---

⁵ Копаящий ров ближнему своему, сам в него и впадет.

⁶ “Insofar as nobles felt trust in one another, it must have been trust in their familiarity with the people with whom they had long exchanged ordinary goods and services. Not surprisingly, such relationship were often also hardened in battle, as we have seen” (*Neuschel K. Word of Honor. Interpreting Noble Culture in Sixteenth-Century France. Ithaca; L., 1989. P. 197–198, переводимой – О.К.*).

⁷ Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. 2002. С. 76.

нятием произошло то же, что и со словом «искренность», ибо оно утратило явную связь с социальной группой и перешло в область нравственных понятий: «подлыми» в русском языке XI–XVIII вв. называли тех, кто принадлежал к низам общества («под» синоним к существительному «низ»), и только в Новое время «подлый» приобрел значение «бесчестный».

Обман как защитная стратегия от «чужих» практиковался, например, как в Средние века, так и в раннее Новое время касательно иноземцев, попавших в Россию. Доверительные отношения с ними, осложненные культурными и религиозными различиями, строились с особым трудом, и многие иностранцы отмечали, что русские не знают «чести». В свою очередь, приезжие, нанимавшиеся на службу к российскому государю, обязательно предоставляли за себя поручителей в Иноземском приказе, привозили с собой рекомендательные письма от известных знатных особ. Без этого о службе в Москве не могло быть и речи.

***

Как показывает история, наиболее эффективным средством защиты от обмана является *категорический императив* (в его понимании Кантом), сформировавшийся в личной и общественной картине мире человека. В психике индивида работает механизм, который делает категорически невозможными определенные поступки, полагая, что они нанесут ему серьезный вред. Категорический императив, работавший против обмана, в Средние века основывался на боязни греха и Страхе Божьем. В светском же варианте он возник в рамках сложного понятия личной чести⁸. «Честь человека, – писал Ж.-Ж. Руссо, – не во власти другого; честь эта в нем самом и не зависит от общественного мнения; защитой ей служит не меч и не щит, а честная и безупречная жизнь, и бой в таких условиях не уступит в мужестве всякому другому бою». Лицо, видевшее себя «человеком чести» (*l'homme d'honneur*), предполагало неприятие для себя обмана и обязательное исполнение своего честного слова. Нарушение чести (в которое входит совершение обманного поступка) вызывало дуэль. Однако, «человек чести» появился в результате из-

---

⁸ Подробнее о формировании понятия чести в России см.: Кошелева О.Е. Честь и порука – гаранты доверия в XVI–XVIII вв. / Электронная публикация ГИИМ, 2013: www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau

менений в культуре и ментальности людей постепенно, начиная с эпохи Ренессанса. «Честь» дворянина теперь стала зависеть от его правильного воспитания, при котором ложь и обман исключались из поведения. «Первый порок, который надлежит стараться искоренить в молодых людях, есть ложь. Этот порок поистине недостойный и неприличный молодому благородному человеку и презирается по справедливости великими людьми», «Ложь [...] это такой подлой и низкой порок, что все благородные люди гнушаются оным»⁹, – писали в различных наставлениях для юношества.

Понятие о дворянской чести как одной из высших ценностей, которой следует руководствоваться в поведении, внушалось детям в кадетских корпусах. По воспоминаниям выпускника такого заведения С.Н. Глинки, ученики с воодушевлением внимали таким наставлениям: «Храните честь, честность и благородство души, и Вы будете счастливы внутренним убеждением своей совести»¹¹. Из стен Кадетского корпуса выходили переводные сочинения, в которых например, говорилось: «Рождением мы все равны, одна только добродетель в состоянии сделать различие в наших состояниях»¹². Поскольку образование и воспитание получали в основном дети дворян, то и добродетель оказывалась свойственной (или традиционно приписывалась) преимущественно им.

Именно в это время складывалось мнение о том, что люди недворянского происхождения не имеют чести. Характерно приведенное в воспоминаниях последней четверти XIX в. К. Мартынова высказывание старого генерала (т.е. человека, воспитанного в начале века), которое показалось мемуаристу некоей отсталостью от времени. Генерал объяснял, что мешает ему принимать участие в деятельности выборных органов власти или коммерческих учреждениях, где присутствовали и представители купечества, следующим образом: «Мы воспитаны в

---

⁹ Воспитание детей, как физическое, так и нравоучительное, описанное господином де Мезою, доктором португальским и 16-летним практиком в Копенгагене, пер. с фр. М.Г. СПб., 1780. С. 105.

¹⁰ Училище юных девиц леПренс де Бомонт. М., 1784. С. 105.

¹¹ Глинка С. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания / Сост. В.М. Бокова и Н.И. Цимбаев. М., 1991. С. 57–58.

¹² Воспитание детей, как физическое, так и нравоучительное, описанное господином де Мезою. С. 11.

кадетских правилах – “честь прежде всего””. Разве это доступно кулаку? Разве он поймет, что честь есть стимул всей жизни? Ему нужны только деньги, а как их достать – безразлично – только бы достать. Где же тут может быть точка соприкосновения между нами?»¹³.

Тем не менее, если мы обратимся к текстам, вышедшим из купеческой среды, то увидим, что и в этой среде существовали понятия, связанные с честью, с соблюдением своего честного слова. Впрочем, в купечестве говорили скорее о *репутации*, нежели о чести, которая имела несколько иные смыслы. Сибирский купец Н. Чукмолдин, перебравшийся в 1872 г. в Москву, четко описывал систему доверия и недоверия в разных кругах купечества, там, где ты – свой, и где – чужой. «В Тюмени, – вспоминал Чукмолдин, – бывало, нужны деньги на неделю, на две, близкий человек одолжит их, если только они у него есть, на слово, без всякого документа и расписки. Наоборот, если есть свободные деньги у меня, я также дам их на время близкому человеку. И деньги всегда возвращались в назначенный срок сполна, по крайней мере в нашем кружке. Мне не помнится случая, где бы взаимное одолжение породило какой-либо спор и неудовольствие. Здесь же (в Москве. – О.К.) господствовали совсем иные обычаи и нравы. Я мог давать деньги, одоляя другого, но я всегда рисковал их потерять. Если же понадобился бы мне заём, хотя бы на два-три дня, никто мне денег не давал, уверяя, что их или у него нет, или требовал документы и проценты... Я стал, конечно, осторожнее, сдержаннее, так сказать, тоже себе на уме, но также и потерял значительную долю доверия к людям, какая была воспитана во мне сибирской жизнью и существовавшими там между людьми отношениями... Скоро я понял, что сибирская система доверия здесь, в Москве, решительно неприменима, и если я не хочу постепенно разориться, то надо чутко сторожить всякое поползновение на мой карман московского промышленного человека»¹⁴.

В каждой профессиональной среде репутация, порождавшая доверие, становилась необходимой и выгодной. Деловая этика инженеров, подрядчиков и строителей, основанная на тех же

---

¹³ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С. 50.

¹⁴ Чукмолдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень, 1997. С. 182–183.

жизненных принципах, на их честности и доверии к рабочим, давала им больше заказчиков и приоритетов, нежели обман клиентов и прочие хитрости. Как пишет С.А. Экштут в статье об инженерере Перцове: «Качественную работу мог выполнить лишь обустроенный и сытый работник. А чуждающийся взятки подрядчик с кристально чистой деловой репутацией отпугивал от себя аферистов и прощелыг, чем избегал дополнительных финансовых рисков. Честность, в конечном итоге, оказывалась выгодным делом. Деловая репутация важнее прибыли. Эта ценность не успела укорениться в России. Если бы ей удалось прижиться на рубеже XIX–XX веков, то ход отечественной, да, пожалуй, и мировой Истории был бы иной. Увы, не сбылось...»¹⁵.

***

Понятия чести и репутации в сложных конфигурациях пересекались в различных сословиях, профессиях, политических партиях и союзах: вопрос доверия к человеку, ставшему «своим» в одном таком союзе, но остававшемуся «чужим» в другом, заставлял людей принимать непростые решения. Корпоративные понятия чести и репутации, защищая от обмана среди себе подобных, всегда обнаруживали и обнаруживают ахиллесову пяту – абсолютную доверчивость, которую легко использовать во вред, хотя и с большими рисками. Выразительным примером подобной «ловушки» является работа советской разведки, завербовавшей в 1930-е гг. сотрудника Министерства иностранных дел Великобритании. К изумлению советской стороны, от него сразу же начала поступать лавина секретных документов. Дипломат Роберт Сесил, также работавший в МИД в это время, вспоминал, что лондонский МИД был неким подобием клуба оксфордских и кембриджских выпускников, «который занимался конфиденциальным делом на основе принципа чести, пребывая в странной уверенности в том, что джентльмены не читают корреспонденцию, которая адресована не им. Поскольку предполагалось, что не-джентльмены выпалываются как сорная трава в ходе процесса строгого отбора, конфиденциальность в МИД основывалась на доверии». Для обеспечения безопасности документов не существовало никакой процедуры, даже младший

---

¹⁵Экштут С.А. Рыцарь «безоткатного» производства // Родина. 2018. № 4. С. 40–45, здесь С. 45.

секретарь (который и был завербован разведкой) имел свободный доступ ко всем секретным документам, сейфов не было, шкафы и столы не запирались. «Правилами безопасности пренебрегали настолько, что даже документы с грифом «секретно» можно было вынести из офиса, чтобы поработать над ними дома. Тогда не требовалось никакого разрешения, и, поскольку министерство иностранных дел работало на доверии, не было в то время ни унижительных обысков, ни проверок на выходах из здания, которые бросали бы тень подозрения на честь дженгельменов-дипломатов»¹⁶.

Значительное размывание социальной структуры общества, реликты которой еще в XX в. встречались в консервативной Великобритании, радикально повлияли на функционирование системы формирования доверия и защиты от обмана. Социолог Н.Н. Козлова отмечала, что в советский период «социальные отношения утрачивают “прозрачность”, ясность, доверие человека к человеку утрачивается... Люди ощущают, что общество и его символы абстрактны»¹⁷. С постепенным снижением значения понятий чести, честности, репутации, способы защиты от обмана превращаются в обыски, проверки, коды, замки, которые как раз и появились в лондонском МИД после предательства одного из его служащих. В настоящее время в этой сфере, конечно, максимально используют различные высокотехнологические средства, однако область их применения все же достаточно узка и не может предотвратить обман и мошенничество вне технически достигаемого уровня.

***

Понятие личной чести на российской почве стало активно использоваться приблизительно с середины XVIII в. и закончило свое существование вскоре после 1917 г. вместе с дворянским сословием. Феномен появления «личной чести» как особой ценности, вокруг которой формировалось поведение людей, включающее обман, значительно изменило российское общество, сделав его более свободным от мучительного поручительства за других (о чем будет сказано ниже) и более ответственным за себя. Жизнь в целом стала в этот период достойнее и комфорт-

---

¹⁶ Цит. по: Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 221–222.

¹⁷ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996. С. 209.

нее для существования, поскольку нормы дворянского поведения влияли и на другие слои населения, хотя те имели и свои собственные представления о честности.

К каким же практикам защиты от обмана прибегали в России в более ранние времена? Их рудименты сохраняются в государственной системе и по сей день. Это поручительство и клятва (присяга), которые в отличие от честного слова или устной рекомендации, регулируются законодательно.

Система поручительства за другого человека была известна еще со времен Киевской Руси¹⁸ (она называлась «порукой»), используется она в судебной системе и по сей день. Поручительство в разных формах обнаруживало свое существование во всех случаях, где так или иначе возникал вопрос возможного обмана и доверять фигурантам было небезопасно. Поручитель требовался при каждой торгово-предпринимательской сделке, при заключении любого договора: при купле-продаже, при найме квартиры, при составлении подрядной записи, при займе, при найме на работу, при бракосочетании, при принятии сана, при выполнении государственной службы, а также в судебном процессе и прочее, и прочее. Сегодня традиционные свидетели на свадьбе, ныне не несущие никакой ответственности за молодоженов, ранее были поручителями за то, что при заключении данного союза не имеет места прецедент двоебрачия. При обнаружении обмана они бы понесли за него ответственность. Поручитель должен был отвечать и перед потерпевшим, и перед судом, и перед государством вместо того лица, за которое он поручился, в случае его обмана или исчезновения, а сам обманщик – перед Богом и своей совестью. Такая полномасштабная система поручительства могла успешно функционировать только в том случае, если было легко отыскать поручителя, а необходимые для этого условия в России, безусловно, имелись: система прикрепления подданных к определенному месту жительства без права самовольного перехода такому поиску благоприятствовала и работала в связке с системой поручительства.

Порука связывала всех членов общества и с государством, и между собой. За недостойное и преступное поведение одного должен был ответить другой, следовательно, именно он был в

---

¹⁸Dewey H., Kleimola A. Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. P. 180–191.

первую очередь заинтересован в том, чтобы подобные проступки предотвратить: так организовывался эффективный социальный контроль. Он же заставлял людей постоянно оценивать друг друга с точки зрения возможности или невозможности доверия.

Система поручительства – не только малоизученная¹⁹, но и не оцененная в своем значении для доиндустриального российского общества – проходила через жизнь каждого человека, который, так или иначе, мог оказаться и в роли поручителя, и в роли того, за кого ручались. Поручители были обязательными участниками судебных разбирательств: в Соборном Уложении 1649 г. отмечены все юридические казусы, в которых они требовались. В гражданском иске до того, как начать расследование, судьи давали ответчику определенный срок на поиск за себя поручителей. Таким образом, система поручительства оказывалась организующим фактором и в судопроизводственном процессе.

Поручительство оформлялось через «поручную запись», которая составлялась при нескольких свидетелях. Однако в быту часто обходились устной договоренностью, заключенной, впрочем, также в присутствии свидетелей.

В судебных разбирательствах власти всегда обращали внимание на то, чтобы поручитель был человеком уважаемым и не бедным, если речь шла о денежных вопросах. Примером может быть такой случай из петровского времени. Молодая вдова обвинялась свекровью в растрате наследства мужа на сумму 1061 руб., ответчица представила за себя нескольких поручителей, но выйти из тюрьмы с их помощью не смогла. Суд постановил держать ее под караулом «для того, что поручики по оной ответчице небольшие люди, и малознакомые, и непрожиточные, и верить в таком большом иске некому»²⁰.

---

¹⁹Проблемой поручи основательно занимались американские исследователи Хорас Дьюи и Энн Клеймола, см.: *Dewey H., Kleimola A. Suretyship and Collective responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1970. Vol. 18. P. 337–354; Eidem. From the Kinship group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1982. Vol. 30. P. 321–335; Dewey H. Russia's Debt to the Mongol in Suretyship and Collective Responsibility // Comparative Studies of Society and History. 1988. Vol. 30 (2). P. 249–270.*

²⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1587 (Записная книга Канцелярии Расправных дел. 1715–1717 гг.). Л. 67 об.

Все акции купли-продажи требовали поручительства, вплоть до торговли на рынке. С обязательным участием состоятельных свидетелей оформлялись и денежные займы. Рассказ о такой ситуации имелся даже в чтениях из Пролога на 31 октября, в «Слове о Федоре купце, иже взимая злато у жидовина, дав поручника образ Христов...». Купец, потерпев кораблекрушение, вынужден был занять деньги, но не смог на чужбине найти за себя поручителя. Тогда он обратился к изображению Христа, сказав: «Сий образ Христа Бога моего всего честнейши имею и паче живота моего, сего поставляю типоручника». Иисус исполнил миссию поручителя, вернув сполна долг Федора²¹. Так, роль поручителя, которой не погнушался и Христос, в его лице получала высокий образец для подражания.

Благонадежность человека также требовала поручительства. Когда в городе или селе появлялся чужой человек, местные жители должны были немедленно выяснить, кто он такой, и узнать, на кого он может сослаться как на своих поручителей. Этого не только требовало Соборное Уложение 1649 г., сами жители стремились не иметь дела с неизвестными и, как следствие, подозрительными людьми²². «Жилецкая порука» в Московской Руси была необходима посадскому человеку, если он отправлялся по делам в другой город. Приезжий должен был быть представлен хозяином дома, в котором он остановился, десятскому, тот представлял его пятидесятскому, а последний – сотскому²³. Люди, нанимавшиеся в чужой дом на работу, также составляли с хозяином документ – «жилую запись», которая включала в себя имена поручителей. Если работник сбежал, не отработав деньги (их обычно платили авансом) или прихватив хозяйское добро, убыток компенсировали поручители. При венчании, когда происхождение брачующихся было неизвестным, они тоже не могли обойтись без поручителей. В этом случае особенно часто встречалась «ложная порука» подкупленных свидетелей. Можно перечислить и многие другие ситуации в

---

²¹Державина О. Древняя Русь в русской литературе XIX века. Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей. Пролог. Избранные тексты. М., 1990. С. 231–233.

²²Kivelson V. Bitter slavery and pious servitude: Muscovite Freedom and its Critics // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. S. 115.

²³Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах. М., Т. 3. С. 424–425.

торговле, промыслах, посольских делах и т.д., где требовалась порука: и никто не погрешит против истины, сказав, что она нужна была везде.

Заявление, что «в жизни делового человека нет большей опасности, как поручительство за другое лицо», сделанное совсем в другую эпоху американским миллионером Эндрю Карнеги²⁴, оказывается справедливыми и для более ранних времен. И в России, как и в прочих странах, роль поручителя всегда была рискованной. Она могла привести к финансовому разорению, к содержанию в тюрьме и даже к гибели. Человек, согласившийся дать за другого поруку, фактически становился заложником честности этого другого. Русские люди, ручаясь за кого-либо, возможно, поминали изречение из библейской книги Иисуса Сирахова сына: «Не поручайся больше силы своей, но если уж поручился, то заботься и отдавай»²⁵.

Упоминания людей, которых подвели те, за кого они ручались, в документах встречаются постоянно. Сбежавших должников, например, никогда не разыскивали, а сразу требовали денег с поручителей. А уж те могли сами искать своих беглецов и требовать с них компенсации – «да убытки их по суду и по сыску»²⁶.

Словарь В.И. Даля содержит множество пословиц на тему поруки: «Порука-мука», «Тот печалься, кто ручался», «То поручится, тот и помучится», «Ручаясь за друга, предаешься врагу», «Порука – впредь наука» и другие. Все они отражают горький опыт и муки поручительства. Они же находят свое подтверждение и в документальных материалах. Например, рядовое судебное дело содержит рассказ о том, как на московском рынке одна женщина продавала соболью шапочку, а другая захотела ее купить, но сказала, что прежде ей необходимо посоветоваться с мужем. Она привела продавщицу к своему двору, вывела из него за себя поручительницу – старуху, назвавшуюся ее родственницей, – взяла шапку и скрылась за воротами. Вскоре оказалось, что двор – проходной, а покупательница – сбежавшая мошенница. Но в руках разгневанной продавщицы осталась старуха, ко-

---

²⁴ Карнеги Э. История моей жизни. М., 1997. С. 129.

²⁵ «Не поручайся выше силы своей, и аштепоручишися, то пьдсися яко и въда-
яи» (Изборник 1076 г. М., 1965. С. 346).

²⁶ Соборное уложение // Российское законодательство X–XX в. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 126. Гл. 10. Ст. 155.

торая, видимо, за деньги поручилась за случайного человека. Эта длинная и грустная история закончилась смертью поручительницы (от потрясений и побоев)²⁷.

Проблемы более высокого уровня и значения, чем рыночные разборки, отражены в письме взявшего на себя поручительство стольника Н.П. Мельницкого – российского посланника в Крыму с 1682 г. Мельницкий писал князю П.И. Хованскому о том, что, занимаясь разменом пленных, он по его приказу «поручился хановым ближним людям по стольнике по князь Андрее Григорьевиче Ромодановском (находившемся в татарском плену. – *О.К.*) в окупных деньгах во штитысечахлевках... что было ему те откупные деньги шесть тысяч левков в Крым нынешнего сто девяностого году (1682 г. – *О.К.*) на Богоявлениев день. А тех, государь, откупных денег и по се число в Крым не присылавал... А мне, убогому, в Крыму за те деньги от хана чинится великая теснота и убытки». Далее Мельницкий объяснял причину того, что он взял на себя эту поруку: «А поручился я по нем, князь Андрее, ищучи твоей, государя моего, к собе милости, также чаючи и от них (от князей Ромодановских. – *О.К.*) к собе всякого добра, а оне оказали такую ко мне милость, за сроком многое время тех денег не присылавали»²⁸. Иначе говоря, не доверие к Ромодановскому привело Мельницкого к решению поручиться за него перед ханом, а «приказ» князя Хованского (видимо, неофициальный, т.е. просьба, которую нельзя было не выполнить) и надежда на то, что за свое деяние он получит отплату княжеской «милостью». В этом письме отразился процесс складывания вокруг значимой персоны круга ее «клиентов» («приятелей»), имеющих более низкие чины и небольшое влияние. Видимо, находясь внутри такой системы отношений, невозможно было отказаться от просьбы о поручительстве.

Эти и многие другие примеры говорят о том, что поручительство далеко не всегда являлось результатом доверия к человеку. Но бывали и казусы иного рода, например, случаи добровольной поруки общины за своих членов, оказавшихся в беде.

---

²⁷ См. подробнее: Кошелева О.Е. Снова Рыбников: обман и доверие // НОМО HISTORICUS. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Книга 2. М., 2003. С. 151–170.

²⁸ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Под ред. Г.Г. Лукьянова. М., 1905. С. 72.

Такова история стрелецкого пятидесятника из Тюмени Н. Захарова, которому было предъявлено самое страшное из обвинений: он якобы говорил «непристойные слова про великого государя». Во время следствия, которое вел воевода, к нему обратилась вся служилая верхушка Тюмени – казаки и стрельцы. Они заявили, что Захаров «доброй человек, преж сего никакого дурна и пороку за ним не было», в чем все и поручились. Сибирский приказ в Москве, получив сообщение об этом, решил Захарова не наказывать и оставить его в пятидесятниках²⁹ – случай беспрецедентный.

Таким образом, причины, по которым люди брали на себя груз поручительства, различны: «по приказу», «за мзду» и добровольное желание.

Чтобы найти добровольных поручителей, необходимо было иметь в среде ближних кредит доверия и слыть честным человеком. Поэтому система поруки, с одной стороны, противоречила понятию личной чести как ответственности только за себя самого, а с другой – заставляла ценить честность и высокую репутацию.

Постепенно порука стала оскорбительной для людей, воспитанных в понятиях чести. Теперь «порукой» являлась их личная честность – «внутреннее качество дворянина, отличающее его как нравственного человека и слугу Отечества»³⁰.

***

Как и поручительство, клятва в современном обществе имеет ограниченный, но важный характер: это военная присяга, клятва Гиппократов, клятва свидетелей в суде и т.д. В средневековый же период клятва получила более широкое распространение как защитная стратегия от обмана. Она использовалась в суде в том случае, если ни у одной из тяжущихся сторон не было ни свидетелей, ни улики³¹. Тогда истец и ответчик приводились в церковь и клялись на Евангелии в том, что говорят правду (так называемая «очистительная присяга»). Таким образом, они сами себя передавали на Божий суд. Клятва этого типа относилась к уже

---

²⁹ Акишин О. Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 19.

³⁰ Рейфман И. Ритуализированная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002. С. 42.

³¹ Dewey H., Kleimola A. Promise and Perfidy in Old Russian Cross-Kissing // Canadian Slavic Studies. 1968. Vol. 2. № 3. P. 327–341.

прошедшим событиям и была допустима. Клятва же, относившаяся к будущему, с церковной точки зрения, не являлась возможной, ибо считалось, что человек не может отвечать за свои будущие поступки, ведь «человек предполагает, а Бог – располагает». Исключение составляли две особые формы – церковный обет и служебная присяга. Присяга давалась на верность выполнения своих служебных обязанностей, в том числе на преданную службу государю, а потому измена присяге сурово каралась. Такое нарушение считалось одним из тяжких грехов. В 1680–1681 гг. российские дворяне, страдавшие от злоупотреблений при земельном межевании, видели возможность их прекратить через привод межевщиков к присяге. Об этом они просили государева указа, и Боярская Дума такое решение приняла, однако патриарх выступил против, опасаясь того, что межевщики «могут погубить свою душу, преступив через крестное целование»³².

В социальной иерархии люди более высокого и более низкого социального статуса вступали в различные формы отношений: хозяина и слуги, патрона и клиента. Верность и преданность – главные качества слуги, которые контролировать было достаточно трудно. Государям все подданные присягали на верность³³, нарушение присяги каралось законом. Опасаясь отъезда в Литву служивших ему князей, великий князь Московский не полагался на их верность клятве, но дополнительно требовал подписей сотен людей в качестве поручителей за ее соблюдение. Так, за князя Михаила Глинского, сделавшего попытку «отъехать» в Литву, было получено после выпуска его из тюрьмы поручительство. Поручители подтверждали: «И где ся князь Михайло за нашею порукою денет, куды отъедет или збежит, ино на нас, на подручниках... которые в сей подручной грамоте подручилися... вся подрука пять тысячърублев» (1527 г.). Поручительство давали и за других князей: «А отъедет он за нашею порукою в Литву... ино на нас, на поручниках... взятидесять

---

³² См. об этом подробнее: *Седов П.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в., СПб., 2006. С. 480–481.

³³ Подробнее см.: *Стефанович П.* Давали ли служилые люди клятву верности в Средневековой Руси? // Мир истории. Российский электронный журнал. 2006. № 1: <http://www.historia.ru>.

тысечьрублевденягъ и наши поручниковы головы во князь Ивановы головы место» (1562 г.)³⁴.

Спускаясь ниже по социальной лестнице, мы обнаружим, что верность государеву делу всех служилых людей подкреплялась не только присягой, но и порукой. Поручители несли ответственность за стрельцов: «А не учнут они быти в стрельцах... и государево хлебное жалованье вдвое назад, и наши поручниковы головы в их головы место» (1594 г.)³⁵. Или, к примеру, за «даточных людей» (солдат): «Будет которые даточные люди с государевой службы сбежат, и их поручиковы головы в их головы место» (1678 г.)³⁶. Точно так же, нанимая во двор к себе слугу, любой хозяин требовал за него поручителей. При этом между «старинным» слугой и работником наемным существовала большая разница. Первый являлся как бы частью семейного круга хозяина, здесь он был малым, но «своим» членом коллектива, он исполнял обязанности в обмен на кров и другие общие для всех блага, и на его верность можно было рассчитывать. Наемный же работник ждал денежной оплаты за труд, и его ничто не связывало с хозяином. Именно от таких слуг более всего и ожидали воровства и обмана, за них требовались поручители. В случае же слуги высокого ранга – дворецкого или горничной – необходима оказывалась и рекомендация, за их честность ручались (т.е. ставили на кон свою честь) прежние хозяева или иные уважаемые люди. Впрочем, к XVII в. в Европе и к XVIII в. в России «старинных» слуг оставалось уже мало. А потому характерен диалог из романа Фиделис Морган, действие которого происходит в Лондоне конца XVII в.: «“Неужели больше не существует такого понятия как верность слуг?” – спросила графиня. “И что Вы думаете?” – “Думаю, что мир стоит на краю пропасти и что любое общество, где инстинкт самосохранения берет верх над преданностью другим, обречено на страдания и ненависть”... Графиня прекрасно знала, что старые патриар-

---

³⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 429, 476.

³⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2. С. 101.

³⁶ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. VIII. С. 120.

хальные отношения между слугами и хозяевами вышли из моды, и нисколько этого не одобряла»³⁷.

***

Таким образом, на крайне разнообразные стратегии обмана во все времена существовало не так уж много, и при том весьма сложных для исполнения, ответных защитных средств. Накопленный исторический опыт позволяет нам сегодня использовать их в комплексе, добавляя все новые и новые технологии. Вот почему необходимы, на наш взгляд, современные исследования на исторической основе, позволяющие проанализировать современное состояние общества с точки зрения того, почему, несмотря на все усилия человека, обман умножается, а доверие – падает.

---

³⁷Морган Ф. Неестественный свет. М., 2002. С. 226–227, 243.

ОБОЮДООСТРОЕ ДОВЕРИЕ

**«ОБМАН, ВЕЗДЕ
ОБМАН!»**

ГЛАВА 1

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ВОЕННОМУ ПРОТИВНИКУ? СИМВОЛИКА ДАРА В «МИСТЕРИИ ОБ ОСАДЕ ОРЛЕАНА»*

12 октября 1428 г. произошло одно из важнейших событий Столетней войны, определившее дальнейший ход длительного противостояния Англии и Франции. В этот день войска Генриха V осадили Орлеан, окружив его практически со всех сторон и лишив связи с неоккупированной территорией. Взятие города означало бы практически полное поражение французских королевских войск, поскольку южнее у них уже не имелось столь хорошо укрепленных крепостей и для англичан открывался путь за Луару – к Буржу и Пуатье, где располагался в то время двор дофина Карла (будущего Карла VII), а также в Гиень¹. Как писал впоследствии один из верных советников наследника престола, архиепископ Амбрена Жак Желю, положение дел осенью 1428 г. казалось настолько тяжелым, что «не было никакой надежды на то, что господин король сможет отвоевать свои земли при помощи людей. Силы его врагов и их приспешников росли по мере того, как силы его сторонников уменьшались»². Тем не менее, дофин и его приближенные, понимавшие значение битвы за Орлеан для последующего хода войны, предпринимали все возможные меры по укреплению обороны города, на помощь которому сразу же были направлены отряды наемников – гасконцев и итальянских арбалетчиков. В начале февраля

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001. С. 315–316; DeVries K. Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999. P. 57–68; Contamine Ph., Bouzy O., Hélyar X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012. P. 76–82.

² “Unde de pauper abatur ex patientissimus, adeo quod vix tenuem nedom pro domo sua, sed pro persona, victum habebat, et regina; resque sic ducta est quod nulla erat apparentia per auxilium humanum dominum regem suadominiare recuperare posse, crescente continue inimicorum et sibi non obedientium potestate, ac remissione juvenum in sillicorum qui partem suam foverant” (*Jacobi Geluministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensis dissertatio* // Laneryd' Arc P. Mémoires et consultations en faveur de Jeanne d'Arc. P., 1889. P. 565–600, здесь P. 571).

1429 г. к ним присоединилась тысяча шотландских лучников, поступивших на службу к Карлу³. С этого момента четырехтысячному войску англичан противостояли около двух с половиной тысяч солдат гарнизона и трехтысячное ополчение горожан, которые со дня на день ожидали также отряды Шарля де Бурбона, шедшего к ним на подмогу. У французов, таким образом, появились все возможности снять осаду с Орлеана и перейти в наступление. Однако судьба распорядилась иначе. Узнав, что на помощь англичанам отправилось подкрепление во главе с Джоном Фальстофом, французы выдвинулись навстречу противнику, надеясь застать того врасплох, разбить на голову и захватить обоз с продовольствием, в котором отчаянно нуждались защитники города. Однако сражение, состоявшееся 12 февраля 1429 г. и названное Битвой селедок⁴, оказалось проиграно, что решительным образом изменило соотношение сил под Орлеаном⁵.

Уверенные в своей скорой победе, англичане продолжили попытки овладеть городом, постоянно предпринимая вооруженные атаки на его стены и сжимая осадное кольцо. Однако всего через десять дней после разгрома французского войска в Битве селедок произошло событие, которое, на первый взгляд, совершенно не соответствовало сложившимся обстоятельствам. 22 февраля 1429 г. Уильям де ла Поль, граф Саффолк (1396–1450), один из военачальников англичан, с полного согласия своих соратников, Джона Тальбота и Томаса Скейлса, вместо того, чтобы организовать новую атаку на Орлеан, послал главе его защитников, Жану, Бастарду Орлеанскому (1402–1468), подарок и в тот же день получил от него ответное подношение. Этот внезапный обмен дарами был описан сразу в двух источниках, имевших местное происхождение, – в «Дневнике осады Орлеана» и в «Мистерии об осаде Орлеана»⁶, а потому, очевид-

---

³ Шотландцев прислал Яков I Стюарт, дочь которого Маргарет была только что просватана за сына Карла, Людовика (будущего Людовика XI); его супругой она стала в 1436 г.

⁴ Название это было дано битве потому, что в английском обозе находилась в основном соленая рыба.

⁵ Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982. С. 134–137; Contamine Ph., Bouzy O., Hélyar X. Op. cit. P. 90–102.

⁶ О возникновении этих двух текстов см. подробнее: Тогоева О.И. Кодекс Fr. F. IV. 86 (РНБ) и круг орлеанских источников о Жанне д'Арк второй половины

но, имел место в действительности. Тем не менее, его символический смысл и мотивы действующих лиц разгадать оказывается весьма непросто.

***

В «Дневнике осады Орлеана» мы находим очень короткую запись, передающую лишь самую суть произошедшего: здесь перечислены дары, которыми обменялись противники, но не указаны цели, которые они преследовали, и не рассказывается о последствиях этого контакта⁷. «Дневник» представляет собой *хронику* осады, свидетельство если не очевидца, то его ближайшего потомка, а потому с некоторой долей вероятности мы можем предположить, что данный рассказ соответствует реальности⁸. В «Мистерии об осаде Орлеана» представлено более художественное и, как следствие, более детальное описание интересующего нас эпизода, включающее развернутые диалоги и монологи всех участников событий⁹. Однако, и этот текст также не дает нам никаких подсказок относительно истинных мотивов графа Саффолка. С одной стороны, английский военачальник

XV–XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2016. Вып. 35. С. 385–401.

⁷ “Le mardyprochainensuivant, vingtdeuxiesme de février, le conte de Suffort et les seigneurs de Talebot et d’Escallesenvoyèrent par unghérault pour présent au bastartd’Orléans un plat plain de figues, roisins et dattes, en luipliant qu’illuipleustenvoyer à celluyconte de Suffort de la pane noire pour fourreruneroobe. Cequ’ilfeistvolentiers, car illuienvoya par le héraultmesmes; de quoy le conteluyseuttres grant gré” (Journal du sièged’Orléans, 1428–1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429–1431 / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896.P. 53).

⁸ Обмен дарами между военными противниками являлся, насколько можно судить, не таким уж редким явлением в эпоху Средневековья. Достаточно вспомнить тесные контакты, установившиеся при осаде Акры в 1191 г. междуСалах ад-Дином (Саладином) и Ричардом I, которому султан присылал фрукты, лед, а также мясо на прокорм ловчих птиц английского короля: AsbridgeT.Talkingtotheenemy: theroleandpurposeofnegotiationsbetweenSaladinandRichardtheLionheartduringtheThirdCrusade // JournalofMedievalHistory. 2013. Т. 39 (3). Р. 275–296, здесь Р. 279–280. Я благодарна С.И. Лучицкой (ИВИ РАН) за указание на эту статью.

⁹ Le Mistere du siege d’Orleans / Ed. critique de V.L. Hamblin. Genève, 2002. Р. 442–448.

хочет захватить город¹⁰, с другой, отправляет своему главному противнику дары. Если верить автору «Мистерии», Саффолк хочет убедиться, насколько «добр и куртуазен» Бастард Орлеанский¹¹. Но зачем ему это нужно? Возможно, он хочет начать переговоры о перемирии, тем более, что, по его же словам, английские солдаты устали от бесконечной осады, ветра и дождя¹²?

Чтобы попытаться разгадать намерения сторон, стоит более внимательно присмотреться к самим дарам, которыми они обмениваются. Понятно, что само принесение дара – знак, выражающий доверие и стремление мирного сосуществования¹³.

---

¹⁰ В «Дневнике» описанию сцены с обменом дарами предшествует запись от 20 февраля. В ней сообщается об очередной атаке англичан на городские стены, которая была успешно отбита орлеанцами: “Ledimancheaprezeutunetrèsgrosseetforteescarmouse, ettantquelesAngloyssaillirentdeleurrostetbastilles, portèrentseptestandars, etfirenttantqu’ilzenchassèrentetrecullèrentlesFrançoisquilesestoientallezassaillirjusquesauchampTurpin... Maizilzfurentbienrecuillis de canons, coulevrines et autretreaitque on leurgeta de la villeincontinent, tantesspessementqu’ilzs’enretournèrent à grant haste dedans leurrost et bastilles” (Ibid.). Обратимвниманиюна то, что атака англичан происходитсянавоскресенье — день, в которыйлюбыевоенныедействиятеоретическибылизапрещеныцерковью: Michaud-Fréjaville F. A. Orléans, six siècles de commémoration // Histoire du Christianisme. 2008. № 43. P. 68–71. В «Мистерии» решениюСаффолкаотправитьБастардудлюдосфруктампредшествуетречьприсутствующегонавстречанглийскихвоеначальниковДжонаФальстофа, предлагающегопредпринятьещединштурм: “Avoir les nous fault en ung plan, / faire saillir de leurtanriere, / apres, leurclorre le chemin, / sans qu’irecouvrentleurbarriere” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 444).

¹¹ “Et pour congnoistreleurmaniere, / savoir s’isontdoux et courtois” (Ibid., курсивой. – О. Т.).

¹² “Nous sommescomme en uehalles / icy, au vent et a la pluye; / nozbesoignes se portent malles, / se de brief on y remede” (Ibid. P. 442–443). Любопытно, что те же самые причины завершить поход и овладеть в конце концов Иерусалимом (усталость рыцарей, дождь и ветер) указывали средневековые авторы при описании обстоятельств третьего Крестового похода: Markowski M. Richard Lionheart: badking, badcrusader? // Journal of Medieval History. 1997. Т. 23 (4). P. 351–365, здесь P. 356. Я благодарна С.И. Лучицкой (ИВИ РАН) за указание на эту статью.

¹³ Литература о символике дара как в традиционных обществах, так и в более поздние эпохи поистине необозрима. Краткий экскурс в данную проблематику см. в: Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / Отв. ред. Г. Альтхоф и М.А. Бойцов. М., 2016. С. 8–28.

Обмен дарами символизирует взаимное уважение и желание наладить диалог. Следует, однако, при этом учитывать, что наши дарители находятся в состоянии войны друг с другом, а потому сама идея обменяться дарами в данном случае может быть интерпретирована как желание начать переговоры, завершить конфликт, заключить мир¹⁴. Важно также помнить, что противники – люди одной и той же европейской культуры позднего Средневековья, со схожими воспитанием и образованием, а также с близким социальным статусом¹⁵. Поэтому сомнения в том, что один из них может *не понять* скрытый смысл того или иного действия своего визави и, в частности, не разгадать символику приносимых даров, возникнуть у нас не должны.

Что же они дарят друг другу? Первым дарителем выступает граф Саффолк, показывая тем самым свою *личную* заинтересованность в исходе всего предприятия. Он посылает Бастарду Орлеанскому блюдо с виноградом, фигами и финиками¹⁶. Речь идет, конечно, не столько о материальной, сколько о символической ценности подобного подношения¹⁷. Какие намерения Саффолка должны продемонстрировать подаренные им фрукты, какое воздействие оказать на Бастарда Орлеанского?

Символика винограда, фиг и фиников – прежде всего, безусловно, библейская и в высшей степени положительная¹⁸. Все эти фрукты – как в Ветхом, так и в Новом Завете – являются символами спасения, изобилия и благословения Божьего. Там, где они

---

¹⁴ Там же. С. 15–16.

¹⁵ Руководитель защитников Орлеана являлся незаконнорожденным сыном Людовика, герцога Орлеанского (1372–1407). После убийства отца в 1407 г. он получил известность как Жан Бастард Орлеанский и воспитывался Валентиной Висконти, вдовой герцога. После того как его сводный брат Карл, герцог Орлеанский (1394–1465), оказался в плену после битвы при Азенкуре в 1415 г., именно Жан возглавил партию арманьяков – сторонников дофина Карла, на службу к которому он поступил в 1417 г. и оставался одним из самых преданных его военачальников и советников. В благодарность за верность Карл VII даровал Бастарду титул графа Дюнуа: *Wagner J. A. Encyclopedia of the Hundred Years War*. Westport; L., 2006. P. 175–176; *Contamine Ph., Bouzy O., Hélyar X. Op. cit.* P. 674–676.

¹⁶ “Au Bastard d’Orleans je envoys, / ung plat plain de raisins et figues / et de tater” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 444).

¹⁷ Альтхоф Г., Штольберг-Риллинген Б. Указ. соч. С. 24–25.

¹⁸ Оположительных коннотациях продуктов питания как даров см., в частности: *Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present*. 2008. T. 199. P. 41–70.

растут, земля плодородна и пригодна для жизни¹⁹; там, где они вянут и не вызревают, людям грозит голод²⁰. Господь наказывает непослушный Израиль тем, что лишает его винограда и смокв (фиг), которые в книге пророка Осии прямо названы «подарками»²¹. Блюдо с фруктами, которое посылает в осажденный Орлеан граф Саффолк, таким образом, на первый взгляд, несет в себе исключительно положительный смысл. И это, безусловно, *личный дар* – от одного военачальника другому, более того, от одного противника другому, от нападающего – обороняющемуся. Но выражает ли этот дар только *личное отношение* Саффолка к Бастарду? Скорее, речь идет о более глобальных вещах – о предложении мирных переговоров между англичанами и французами, т.е. о «государственном» акте обмена дарами²². Ибо, согласно той же Библии, виноград и смоквы – символы мира, прекращения войны²³.

---

¹⁹ «Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор, в землю, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, в землю, где масличные деревья и мед» (Втор. 8: 7-8); «И пришли в Елим; там [было] двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев, и расположились там станом при водах» (Исх. 15: 27).

²⁰ «И для чего вывели вы нас из Египта, чтобы привести нас на это негодное место, где нельзя сеять, нет ни смоковниц, ни винограда, ни гранатовых яблок, ни даже воды для питья?» (Числ. 20: 5); «Засохла виноградная лоза и смоковница завяла; гранатовое дерево, пальма и яблоня, все деревья в поле посохли; потому и веселье у сынов человеческих исчезло» (Иоил. 1: 12).

²¹ «И опустошу виноградные лозы ее и смоковницы ее, о которых она говорит: “это у меня подарки, которые надарили мне любовники мои”» (Ос. 2: 12).

²² О различии между личным и «государственным» даром: *Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б.* Указ.соч. С. 25.

²³ «И будет Он судить многие народы, и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копья свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Господа Саваофа изрекли это» (Мих. 4: 3-4); «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (3 Цар. 4: 25). Подробнее о даре как символе заключительного этапа переговоров, непосредственно предшествующего достижению окончательного согласия между сторонами, см.: *Bijsterveld A.-J. The Medieval gift as agent of a social bonding and political power: a comparative approach // Medieval Transformations / Ed. by E. Cohen and M. de Jong. Leiden, 2001. P. 123–156; Friedman Y. Peacemaking: percep-*

В ответ Бастард – причем, что важно, по просьбе самого же Саффолка – присылает черную ткань (или, возможно, черный мех), необходимый графу, чтобы утеплить только что заказанный новый костюм²⁴. Это очень качественный и дорогой подарок, также несущий положительную символику, поскольку он в полной мере соответствует высокому рангу того, кому он предназначается: в октябре-декабре 1428 г., после гибели Томаса Монтегю, графа Солсбери, Саффолк единолично командует английскими войсками под Орлеаном²⁵. Бастард, принимая фрукты, не может не ответить на просьбу – ведь в таком случае его сочтут проигравшим, побежденным²⁶. Так что он посылает «самую лучшую и красивую» ткань (или меха), являвшиеся для любого правителя средневековой Западной Европы (и не только для них) ценным «государственным» подарком²⁷.

Этот обмен дарами действительно вроде бы подчеркивает добрые намерения сторон, доверие и уважение, которое они ис-

---

tions and practices in the Medieval Latin East // *The Crusades and the Near East: cultural histories* / Ed. by C. Kostick. L., 2011. P. 229–257, здесь P. 244–245.

²⁴ “Etluymanderayqu’im’envoye, / s’iluyplait, de la panne noire / pour fourrer, comme je voudroye, / unerobbeque je fais faire” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 444). Старофранцузское слово *panne* означает как материю, так мех: *Greimas A.-J.* Dictionnaire de l’ancien français jusqu’au milieu du XIVe siècle. P., 1988. P. 468–469; *Godefroy F.* Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle. 10 vol. P., 1891–1902. T. 5. P. 721–722. Во втором случае речь, очевидно, должна вестись о мехе соболя – действительно черном и высоко ценимом в средневековой Европе: *Пастуро М.* Черный. История цвета. М., 2017. С. 56.

²⁵ Как отмечает Мишель Пастуро, пережив период сугубо негативного восприятия в X–XIII вв., черный цвет с конца XIV в. становится крайне модным оттенком в одежде. В XV в. как английский, так и французский и бургундский дворы предпочитают носить именно черное. Отныне и до середины XVII в. этот цвет ассоциируется со знатностью, достоинством и высокой моралью. То же самое – и даже в большей степени – относится и к меху соболя, позволить себе который могли лишь очень богатые люди: Там же. С. 38, 56, 59, 68, 72–78.

²⁶ *Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б.* Указ. соч. С. 13–14.

²⁷ “De la panne, ne doubtemie, / luy en envoyeray de bon cuer, / de noire comme y me supplie, / tout de la plus belle etmeilleur” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 446, курсив мой. – О.Т.). О дорогих тканях и мехах как важных дипломатических дарах см.: *Гарнье К.* Дар, власть и честь. О формах и функциях обмена дарами в отношениях между монголами и европейцами в XIII в. // На языке даров. С. 74–94, здесь С. 84–86; *Бережная Л.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в. // Там же. С. 226–251, здесь С. 231.

пытывают друг к другу²⁸. Однако, ни к каким мирным переговорам этот внезапный и в высшей степени куртуазный жест не приводит. «Дневник осады Орлеана» сообщает нам далее о поступлении в город давно ожидаемого обоза с провиантом²⁹. В «Мистерии» же в следующей сцене разворачивается очередное обсуждение англичанами необходимости нового сражения с французами и скорейшего завершения осады³⁰. Иными словами, эпизод с дарами в обоих наших источниках не имеет не только пояснений, но и продолжения и, как следствие, оказывается вроде бы совершенно лишним.

***

И здесь зарождается сомнение. Действительно ли речь идет исключительно о *дружеском* жесте, о *доверии* между противниками, о чем вроде бы должны говорить нам преподнесенные ими друг другу подарки? Ведь в некоторых случаях дар может также служить знаком *принуждения* одной стороны другой, он может являться выражением отношений *зависимости* или же служить *принижению* одной из сторон через насмешку или же через обман³¹.

Если мы проанализируем символику принесенных графом Саффолком даров более внимательно, окажется, что их трактовка в Библии является *двойственной*, предполагающей как позитивную, так и негативную их оценку. Дело в том, что виноград, смоквы и финики означают здесь не только спасение (достаток, плодородие, мирную и спокойную жизнь), но и падение, изгна-

---

²⁸ Английский герольд, вернувшийся из Орлеана, сообщает, что Бастард оценил дар Саффолка как «изящный и куртуазный», что он благодарит за него и посылает в ответ ткань (мех) «наилучшего качества, какое только можно найти»: “Siareceuvostrepresent, / commegracieuxetcourtois, / chierseigneur, envousmercyant, / ainsiquevouslepovezvois;/ quedelapannevousenvoye / noire, commeledemandez, delameilleurlquisoitenvoye” (LeMisteredusieged’Orleans.P. 447, курсив мой. – О.Т.).

²⁹ Запись от 25 февраля 1429 г.: “Levendredyvingtcincquiesmejourd’icelluymoys, arrivèrentdedansOrléansneufchevauxchargiezdeblez, harengsetautresvivres” (Journaldusièged’Orléans.P. 53).

³⁰ “Messeigneurs, y nous fault pencer / de parfairenostreentreprise, / de jour et de nuyt, pour penser / comment cesteville sera prise” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 448).

³¹ Альтхоф Г., Штольберг-Риллинген Б. Указ.соч. С. 8; Гарнье К. Указ. соч. С. 74–76; Далеvский З. Вручение даров или уплата дани? Польские князья при императорском дворе (XI–XII вв.) // На языке даров. С. 63–73, здесьС. 64.

ние из Рая и даже смерть, поскольку, согласно некоторым экзегетам, Адам и Ева вкушали в Эдемском саду не яблоко, но какой-то из этих фруктов (у каждого автора, естественно, свой)³². Иными словами, дар Саффола можно рассматривать не только как знак доверия и стремления начать мирные переговоры, но и как прямой и недвусмысленный намек на то, что осажденные орлеанцы потерпят поражение и будут изгнаны из своего города: «И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, *съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои*, на которые ты надеешься»³³. Подтверждением такой интерпретации дара, преподнесенного Саффоком, являются реплики, которые автор «Мистерии» вкладывает в уста ближайших соратников графа – Томаса Скейлса и Джона Тальбота. Для первого из них отсылка герольда с фруктами в осажденный Орлеан является «всею лишь забавой»³⁴, для второго – «шуткой»³⁵.

Бастард Орлеанский, похоже, также отлично понимает двусмысленность присланного ему дара, поскольку и в его ответном жесте скрывается двойная символика. Сомнительная зна-

---

³²Ross L. Medieval Art. A Topical Dictionary. Westport; L., 1996. P. 96–97; Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols. N.Y., 2002. P. 116, 124; Maris G.A. Tree and Its Fruit. A Book about Symbolism. N.Y., 2004. P. 43–44. Ср.: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили *смоковые листья*, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7, курсив мой. – О.Т.). О восприятии пищи (в том числе фруктов) в традиционных и раннехристианских обществах как синонима не только спасения, но и падения, страданий и смерти см., в частности: Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 75–77, 91, 152, 176–177. Таже двойственность сохранялась в символизме фруктов и в раннее Новое время: Mundy E.J. Gerard David's "Rest on the Flight into Egypt": Further Additions to Grape Symbolism // Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art. 1981–1982. Vol. 12. № 4. P. 211–222; Bedaux J.B. Fruit and Fertility: Fruit Symbolism in Netherlandish Portraiture of the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art. 1987. Vol. 17. № 2/3. P. 150–168, здесь P. 166–168.

³³Иер. 5: 17 (курсив мой – О.Т.). См. также: «И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их. И истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и *все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист – со смоковницы*» (Ис. 34: 3–4, курсив мой – О.Т.).

³⁴«C'est biendit, conte de Suffort, / en celan'estqu'esbatement!» (Le Mistere du siege d'Orleans. P. 444).

³⁵«Le preigne en bienou autrement, / comme ilvoudra, en farcerie» (Ibid.).

чимость черной «ткани» проявляется через обыгрывание самого слова *panne*, которое может переводиться как «знамя» или как «косица гонфанона»³⁶. Если это так – становится более понятно, почему Саффолк*требуется* именно такой дар в обмен на преподнесенные им фрукты. Отослать *свое* знамя (или его часть) военному противнику означает сдаться на милость победителя³⁷, признать его превосходство. Именно с этой целью император преподносит собственный стяг папе римскому в «Константинове даре»³⁸, предводители крестоносцев в XII–XIII вв. украшают своими полотнищами стены захваченных ими в Святой земле городов³⁹, а Генрих Бабенберг передает в сентябре 1156 г. семь знамен Фридриху I Барбароссе в знак отказа от претензий на Баварское герцогство⁴⁰.

Во всяком случае, так, вероятно, полагает создатель (или последний редактор) текста «Мистерии», развивая излишне краткий и не совсем понятный пассаж из «Дневника осады» и вкладывая в уста Бастарда Орлеанского реплики, отчасти поясняющие, с точки зрения автора, суть его поступка. Жан, принимая фрукты и вручая английскому герольду пресловутую «ткань» (*panne*), заявляет, насколько ему жаль, что он не может лицезреть перед собой Уильяма Саффолка и Джона Тальбота, а также Томаса Скейлса и Уильяма Гласдейла лично⁴¹. Он добавляет, что мечтал бы устроить пир с их участием⁴². Идет ли речь о

---

³⁶ Greimas A.-J. Op. cit. P. 468–469; Godefroy F. Op. cit. T. 5. P. 721. Я благодарна своим коллегам А.П. Черныху и К.А. Елохину (Центр гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН) за консультации по данному вопросу.

³⁷ Cirlot J.E. Op. cit. P. 108; Бойцов М.А. Вексиллологические традиции средневековой Европы // Signum / Отв. ред. А.П. Черных. М., 2013. Вып. 7. С. 14–75, здесь С. 36–38, 48–51.

³⁸ Бойцов М.А. «Константинов дар» и его аналоги – на Западе и Востоке Европы // На языке даров. С. 132–154, здесь С. 137, 142.

³⁹ Так, при решающем штурме стен Акры в ходе третьего Крестового похода одним из первых на укреплениях города оказался герцог Леопольд Австрийский, установивший на них свой флаг. Однако Ричард I Львиное Сердце был возмущен этим поступком и потребовал сорвать стяг и водрузить вместо него свой – как руководителя осады города.

⁴⁰ Бойцов М.А. Вексиллологические традиции. С. 48, 50.

⁴¹ “Et au bon conte de Suffort / cestepanne cy porteras, / et a luy et a Tallebot; / de par toy les remercyras, / a eulx me recommanderas, / au seigneur d’Escallesaussi, / pareillement a Glasidas, / desirantqu’ifussent icy” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 446–447).

⁴² “Dyleurquec’estbien ma pensee / de les festoyera Orleans!” (Ibid.P. 447).

празднике, знаменующем заключение перемирия? Возможно. Но так же возможно и другое прочтение этих слов: черная «ткань», переданная в подарок военачальникам противника, способна не только подчеркнуть достоинство ее получателей, но и предназначаться для траурных одежд⁴³. Иными словами, пир, о котором столь восторженно рассуждает Бастард Орлеанский, вполне может оказаться поминальным – устроенным в память о павших в сражении с французами англичанах. Таким образом, Саффолк, Тальбот, Скейлс и Гласдейл наденут траур по своим погибшим товарищам.

Автор «Дневника», конечно, никаких подобных намеков не делает. Однако он сообщает, что через пять дней после обмена дарами в Орлеан прибывает обоз с провиантом – и не с английской, а с французской стороны⁴⁴. Таким образом, даже если переговоры о перемирии и возможной сдаче Орлеана и планировались англичанами (и фрукты были действительно посланы ими в знак того, что могут получить осажденные и голодающие французы, оставь они город), то прибытие продовольствия внушает Бастарду и его соратникам надежду, предоставляет им некоторую временную передышку и дает силы для того, чтобы и дальше держать оборону. Вот почему задуманные, возможно, переговоры так и не начинаются, и едва налаженная коммуникация прерывается...

А затем наступает весна 1429 г., и орлеанцы получают наконец-то не только съестные припасы, но и военную помощь. Двадцать девятого апреля в город вступает отряд во главе с Жанной д'Арк⁴⁵, а четвертого мая подходит основное королевское войско, собранное дофином Карлом и ведомое маршалом де Бусса-

---

⁴³ О двойственном понимании черного цвета в первой трети XV в. прямо говорилось, к примеру, в «Сицилийском гербовнике» 1430 г.: «Хотя черный цвет кажется печальным, он *благороден и исполнен добродетели*... Некоторые черные ткани стоят так же дорого, как драгоценные алые сукна... И даже если бы черный использовался только для траура, этого было бы достаточно, чтобы он занял почетное место среди цветов, ибо *черное в знак траура носят государи и знатные дамы*» (Цит. по: *Пастуро М.* Указ.соч. С. 77, курсивной. – *О.Т.*).

⁴⁴См. прим. 30.

⁴⁵ “Le vendradysuivant, vingtneufviesme du mesmesmoys, vinrent dedans Orléans les nouvellescertainscommant le royenvoyoitpar la Sauloignevivres, pouldres, canons et autreshabillemens de guerre, soubz le conduit de la Pucelle, laquellevenoit de par nostre Seigneur pour avitailler et reconforter la ville, et faire lever le siège” (Journal du siège d’Orléans. P. 74–75).

ком и сиром де Ре⁴⁶. В тот же день французы одерживают первую долгожданную победу: под их внезапным (занявшим всего три часа) натиском сдается форт Сен-Лу, при помощи которого англичане контролируют движение по правому берегу Луары⁴⁷. Шестого и седьмого мая следуют столь же удачные штурмы форта Огюстен и предмостной крепости Турель. И, наконец, восьмого мая 1429 г. английские войска окончательно уходят из-под стен города, и осада оказывается полностью снята⁴⁸.

Таким образом, эпизод, описанный в «Дневнике осады Орлеана» и в «Мистерии об осаде Орлеана», остается все же в каком-то смысле проходным. Как представляется, для обоих авторов он становится поводом продемонстрировать, что диалог между военными противниками возможен, что в какой-то момент они могут проявить друг к другу доверие. Однако в то же самое время у подобного жеста легко может обнаружиться «двойное дно». О его наличии будут догадываться обе заинтересованные стороны, каждая из которых – исходя из идентичных культурных представлений – постарается обернуть ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, именно так оказывается способен интерпретировать подобный «казус» не только историк, но и современник событий...

---

⁴⁶ ПомнениюсамоиЖанны, войскосоставляло «десятылидвенадцатьтысяччеловек» (Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P.Tissetet Y. Lanhers. 3 vol. P., 1960–1971. Т. 1. P. 78). По оценкам современных историков, в нем было не более четырех тысяч, за которыми двигался обоз с продовольствием: *Райцес В.И.* Указ.соч. С. 131–132.

⁴⁷ “Et s'enallèrentassaillir la bastille Saint Loup... en la fin la prindrent les François par force, et tuèrentcens et quatorzeAngloys, et en retindrent et amenèrent-quarenteprisonniers dedans leurville; maisavantabatirent, brulèrent et démolirent du tout celle bastille, outrès grant couroux, dommaige et desplaisir des Angloys” (Journal du siècle d'Orléans. P. 81–82).

⁴⁸ “L'eurepassée, se mirent les Angloys à chemin, et s'enalèrentbienrengez et ordonnez dedans Meungsur Loire, et levèrent et laissèrenttotalement le siège, qu'ilzavoienttenudevantOrléansdeppuis le douziesme jour d'octobre mil quatrecentvingthuytjusques à cestui jour” (Ibid. P. 89).

Глава 2

ОБЕЩАНИЯ ПРАВИТЕЛЯ И ДОВЕРИЕ ПРИДВОРНОГО: КОНФЛИКТ ВО ФРАНЦИИ XV В.*

В паре концептов – обман и доверие – нас обычно больше занимает обман. Это неудивительно, поскольку он многолик, непредсказуем, а для читающего источники как далекого прошлого, так и совсем недавнего, нередко еще и захватывающ. Разнообразие обманных практик не поддается перечислению и изменяется в зависимости от эпохи, общества, социальной группы и конкретного индивида. Обман вездесущ. Нет сферы, куда бы он ни проникал. Вряд ли кто поспорит, что обман – неперемнная часть нашей повседневности.

Однако противоположная сторона обмана, его «оппонент» – доверие – не всегда сразу нами осознается. Его «присутствие» в коммуникационном процессе подчас не заметно (если только герой, например, нарративного или судебного текста, напрямую об этом не заявляет). В отличие от неисчислимого многообразия обманных практик доверие, как представляется на первый взгляд, определить просто: оно либо есть, либо его нет¹. Невозможно доверять каким-то особым способом или наполовину². Между тем, обман не существует без доверия, поскольку именно доверие становится основанием для обмана³. В очевидной ситуации недоверия человек просто не решится на обман, поскольку он все равно не удастся. В то же время феномен «доверия» шире проблематики «обмана и доверия». Если обман не может осуществиться без доверия второй стороны, то доверие

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ Подробно о различиях доверия, веры, доверчивости, уверенности и пр. см.: Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002. С. 11–43.

² Любопытно отметить, что в современном словаре синонимов русского языка к слову «доверие» существует 7 синонимов, а к «обману» – 70 (не считая синонимов к этим словам). Лексическая ситуация лишь подтверждает существующие закономерности, о которых идет речь.

³ Кошелева О.Е. Снова Рыбников: обман и доверие // *Homohistoricus*: К 80-летию со дня рождения Ю.Л.Бессмертного / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 2003. Т.2. С. 152–170, здесь С. 152–153.

само по себе не означает, что во взаимоотношениях двух сторон непременно должен произойти обман.

В любом обществе многие практики основаны на доверии – в том числе там, где обман традиционно не имеет места быть⁴. К примеру, мы, не слишком задумываясь, доверяем общественному транспорту, хотя не имеем понятия, кто за рулем; или деньгам, которые, по сути, лишь разноцветные бумажки (а то и просто «верим на слово», если идет речь о безналичном расчете). Однако же обмана не происходит – нам удастся добраться до места назначения или обменять нечто существующее лишь на чипе банковской карты на нужные вещи. Вообще понятие доверия представляется чрезвычайно сложным для исследования. И в этом оно кардинально отличается от концепта обмана. Обман «происходит» во времени, о нем можно рассказать и зафиксировать в источниках, смакуя подробности. Что можно сказать о доверии? В лучшем случае услышать жалобу: «А я-то ему доверял!». Доверие с трудом поддается формулировке⁵.

Проблемы доверия в последнее время активно разрабатываются представителями всех общественно-гуманитарных наук: социологами, психологами, политологами, философами, экономистами. Большинство специалистов относят понятие доверия к явлениям Нового времени, когда формулировались ранние политические теории (Локк и др.)⁶. Экономисты полагают, что доверие имеет развивающуюся природу и от его уровня в обществе зависит развитие и благосостояние современных государств⁷.

Историки до недавнего времени мало уделяли внимания анализируемым проблемам. Особенно это касается ранних периодов, в частности, эпохи Средневековья. Медиевисты изучением доверия практически не занимались⁸. В частности, Сюзан Рей-

---

⁴ Вынужденный в том или ином случае характер доверия – особая тема, на которой мы не будем сейчас останавливаться. См., к примеру, о ежеминутном проявлении доверия в повседневной жизни: *Штопка П.* Доверие – основа жизни. М., 2012. С. 21–26.

⁵ См. прим. 1. Там же автор постоянно возвращается к вопросу об определении доверия, используя апофатический метод.

⁶ *Селигмен А.* Указ. соч. С. 28.

⁷ *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

⁸ Как исключение, следует упомянуть коллективную работу *Vertrauen. Historische Annäherungen.* / Hs. U. Frevert. Göttingen, 2003.

нольдс в статье «Доверие в средневековом обществе»⁹ пытается лишь нащупать подходы к теме, сомневаясь, вместе с тем, что доверие в это время вообще возможно изучать. При этом она все же призывает не оставлять попыток исследования этого неуловимого феномена.

Проблему определения понятия – что, собственно, мы пытаемся найти – усложняет вопрос семантики. Вероятно, феномен существовал с древнейших времен, но если само понятие «доверие» сформулировали лишь в Новое время, то как прежде называли то, что мы сейчас именуем доверием? Если в понятиях «вера» и «доверие», на первый взгляд, смысл очевидно различается, то насколько он будет проявлен в выражениях «Я ему верю» и «Я ему доверяю» и тем более «Я в него верю»? Различали ли средневековые сочинители и их читатели эти нюансы? При анализе феномена доверия лексическая база источника, связанная с эпохой, жанром и языком, может иметь, таким образом, немаловажное значение.

***

Для изучения феноменов обмана и доверия богатным материалом являются придворные источники. Они нередко изображают пространство позднесредневекового двора как место всеобщего обмана, где все обманывают всех и где не выжить без обмана¹⁰. Социальная коммуникация при дворах Средневековья – интересный феномен, пока недостаточно изученный. Обманые практики являются одним из аспектов этих взаимоотношений. Возникает, однако, вопрос: если при дворе процветает обман и все о нем знают, почему он вообще реализуется, почему реципиент в данном процессе продолжает снова и снова верить недостоверной информации и попадаться на обман? В этом смысле текст «Обманутого при дворе», анонимного сочинения второй половины XV в., – весьма интересный объект для анали-

---

⁹Reynolds S. Trust in Medieval Society and Politics // Reynolds S. The Middle Ages without Feudalism: essays in Criticism and Comparison on the Medieval West. 2012. Pт. XIII. P. 1–15. Я благодарю П.Ю.Уварова за возможность ознакомиться с этой статьей.

¹⁰ См.: Крылова Ю.П. Двор как «королевство обмана» в позднесредневековой Франции // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / Отв. ред. О.И. Тогоева и О.Е. Кошелева. М., 2016. С. 95–110.

за, поскольку его главный герой, попавший в юности ко двору некоей госпожи по имени Дама Двор (DamelaCourt), проводит там, судя по всему, большую часть жизни, «кормясь» лишь обещаниями вместо жалования, но при этом полностью доверяя всему, что она говорит. Мы остановимся, таким образом, на одном из аспектов внутрипридворной коммуникации – вопросе доверия подчиненного своему господину.

При чтении этого сочинения меня не оставлял вопрос: почему герой столько лет верил обещаниям своей госпожи, что она его благодетельствует? В этих уверениях с ее стороны и полного доверия (а может быть, и доверчивости?) с его стороны прошли многие годы, поскольку к концу сочинения придворный, представленный аллегорическим образом Обманутого (L'Abuzé), оказывается уже старым и больным. И что вынуждает его через многие годы утратить это незыблемое доверие, а не просто удалиться от двора, продолжая верить госпоже, признав при этом, что его попытка сделать придворную карьеру провалилась?

Главный герой, он же рассказчик, ведет свое повествование не для будущего гипотетического читателя. У него есть слушатель-единомышленник. Это случайный прохожий, встреченный им на дороге, который поинтересовался его судьбой. Прохожий, как оказывается, – тоже придворный, и он также, как и Обманутый, «за 15 или 20 лет извлек мало выгоды» (*peuproffité*)¹¹ от службы при дворе. Собеседники говорят на одном языке, полностью понимая и сочувствуя друг другу. Предполагается, что случай Обманутого – не единичный, раз первый встречный подтверждает все сказанное им. На каком же основании люди, вращающиеся при дворе, пытающиеся сделать там карьеру, верят обещаниям правителя и его окружения? Причем речь идет не об одноразовой акции, а именно о постоянном, ни на чем, как кажется на первый взгляд, не основанном доверии. Известно, что доверие не является постоянной величиной – психологической или социальной константой. Его формы и действие меняются весьма существенно во времени¹². Ситуация, достойная доверия в прошлом, вполне может вызвать лишь подозрение сегодня, и то, что персонаж много лет верит своей госпоже, не получая

---

¹¹L'Abuzéen court / Ed. par R. Dubuis. P., 1973. P.9–10 (далее. – L'Abuzé).

¹²Hosking G. Trust and Distrust: a Suitable Theme for Historians? // Transactions of the Royal Historical Society. 2006. № 16. P. 95–116, здесь P. 106.

подтверждения своему доверию, нашему современнику может показаться странным.

***

Попробуем разобраться в этом парадоксе. Начнем с первых дней карьеры главного героя. Молодой человек появляется при дворе и несколько месяцев болтается по разным службам, в том числе на кухне. С какой целью – не совсем понятно: то ли желает познакомиться и понять, как функционирует придворная система, то ли ему дают какие-то мелкие поручения, то ли это и вовсе необходимый автору литературный ход. Последнее предположение, похоже, имеет веские основания под собой, поскольку первый придворный этап жизни героя описывается автором слишком поверхностно и общо, будто он не слишком знаком с тем, как устраиваются новоприбывшие на службу¹³.

В конце концов молодого человека представляют одной даме, которая снабжает его маленькой лошадкой и доверяет приглядывать за двумя собаками и птицей. Такая, на первый взгляд, неказистая служба представляется еще одним своеобразным литературным приемом автора. Хотя встреченный Обманутым на дороге придворный обнаруживает у него «благородную статью» (*assezd'onnestestature*)¹⁴, в своем рассказе тот сообщает, что был хорошо воспитан в молодости и мог бы подвизаться по торговой части¹⁵. Какого же происхождения наш герой? Знать не имела права заниматься торговлей, не будучи лишенной из-за этого благородного звания. Но делает ли само пребывание человека в придворной среде благородным настолько, что это отражается в его «стате»? Упоминание о собаках и птицах представляется, таким образом, очередным «замечанием следов» со стороны автора, прием, к которому он не раз обращается в своем сочинении. В «Романе о Розе» Жан де Мен иронизирует над теми, кто заводит «собак и птиц, чтобы быть похожим на благородных»¹⁶.

---

¹³ Я благодарю Г.А.Иванову (РГАДА) за любопытное наблюдение, что еще один из литературных героев – рыцарь Круглого стола Гарет Белоручка, – прибыв анонимно ко двору короля Артура, тоже начал карьеру с работы на кухне. См. *Мэлори Т.* Смерть Артура. М.-СПб., 2005.

¹⁴ L'Abuzé, P.4.

¹⁵ Ibid. P. 10–11.

¹⁶ *Guillaume de Lorris et Jean de Meun.* Le Roman de la Rose. P., 1992. P. 980. Vv. 18863–18864 (цит. по: Aurell M. La noblesse occidentale à la fin du Moyen Age:

Возможно, наш аноним специально сделал на этой детали акцент, найдя столь незатейливое дело для героя.

Вскоре ему назначается жалование¹⁷, однако не понятно за что, поскольку персонаж по имени Время намекает в какой-то момент, что можно было бы уже попросить и должность у госпожи. В ответ на это два придворных завсегда, которые и уговорили когда-то главного героя отправиться ко двору – Обман (*Abuz*, что можно перевести и как Зablуждение) и Самоуверенность (*Folcuider*) – убеждают его, что не нужно быть навязчивым и что в начале службы следует довольствоваться «красивыми, мягкими и изящными обещаниями»¹⁸. Пока герой размышляет об этом, его видит хозяйка и заводит с ним разговор. Она очень с ним любезна, поскольку, как сообщает умудренный опытом герой, вспоминая об этих событиях, ее любезность совершенно ничего ей не стоит¹⁹. Как ни в чем не бывало, она осведомляется: заплатили ли ему уже жалование? Узнав, что нет, она заявляет, что не позволит ему служить ей и жить за свой счет и требует управляющего заплатить ему. Тот выдает ему деньги за два месяца вместо девяти. Приняв разыгранный спектакль за чистую монету, герой, тем не менее, чрезвычайно доволен и мечтает о подарках, которые он получит от нее в будущем²⁰. Мечтания героя имеют под собой некоторые основания. Жалования при реальных европейских дворах, как полагают исследователи, были весьма небольшими для поддержания приличного образа жизни, а потому правители привлекали придворных разного рода дарами²¹. В то же время герой, по его словам, честно служит своей госпоже (хотя нам и неизвестно, как именно) и рассчитывает на соответствующую ответную реак-

---

bilan historiographique et perspectives de recherche // *Memoria y civilización. Anuario de Historia*. 1998. №170. P. 97–110, здесь P. 102).

¹⁷ Автор подробно объясняет, что его месячное жалование включало платье, проживание и питание для его собак: “Me fut par elle ordonné une certaine somme de deniers par mois. Et, en icelle ordonnance, estoit ma monteure comprise, avec logis pour ma personne et provision pour mes chiens” (L’*Abuzé*. P. 48–49). На предыдущей странице герой говорит о порученных ему чужих собаках.

¹⁸ Ibid. P. 50–51.

¹⁹ Ibid. P. 51.

²⁰ Ibid. P. 53.

²¹ Корзинин А.Л., Шишкин В.В. Государев двор России и королевский двор Франции в XIV–XVI вв.: сравнение несравнимого? // *Canadian-American Slavic Studies*. №50. 2016. P. 399–438, здесь P. 430.

цию – не столько на само по себе вознаграждение трудов, сколько на исполнение взаимных «партнерских» обязательств, принятых по традиции между сеньором и вассалом.

Он продолжает верить всему, что говорит ему госпожа, даже в тот момент, когда встречается через какое-то время на дороге шута, который объясняет ему, что на празднике дураков тот бы выиграл приз, поскольку нет ничего глупее верить обещаниями не искать покровителя, который бы оказывал ему протекцию при дворе²². Весьма характерно, что эта важная во всех смыслах встреча помещена автором ровно в середине сочинения. Однако герой не прислушивается к удачно встреченному, в соответствии с принципами волшебной сказки, доброму помощнику, и кардинального перелома в его поведении не происходит.

С течением времени терпение Обманутого иссякает, чего, как ни странно, нельзя сказать о его доверии словам хозяйки. Он упорно продолжает являться к ней и просить вспомоществование. Его речь обрастает все новыми доводами и жалобами. Он уже не грезит о богатстве, а просит хотя бы выплатить то, что издержал на службе. Ответные жереплики госпожи не меняются, она рефреном повторяет: «Подождите до завтра». Обманутый просить займы у близких друзей, но они отказывают ему под самыми благовидными предложениями. Расстроенный поведением приятелей, он недоумевает, почему они так себя ведут? Ведь между ними была любовь и большая дружба (*l'amouretgrandeacointance*), он когда-то сам одалживал им денег. Униженный отказами, оскорбленный герой восклицает: «При дворе нет доверия!»²³.

В этот важный момент он должен был, казалось бы, перестать верить всем окружающим и своей госпоже в том числе; понять, что в действие вступили другие правила игры, среди которых центральная роль отводится благосклонности правителя к тому или иному придворному. Однако в поведении главного героя опять ничего существенно не меняется. Появившийся очень кстати персонаж по имени Обман (напомню, что его имя можно перевести и как Заблуждение) советует, что если подать госпоже прошение с описанием всех своих злоключений, то она непременно обеспечит его необходимым²⁴. Что Обманутый и

---

²²L' Abuzé. P. 62–63.

²³Ibid. P. 85.

²⁴Ibid. P. 88–89.

делает после некоторого раздумья. Говорящее аллегорическое имя этого персонажа – хотя он и имеет разные функции в тексте – намекает нам на активную роль именно главного героя. Иными словами, он сам продолжает заблуждаться и обманываться: он все еще надеется быть услышанным Дамой Двор, которая по какой-то причине никак не может выплатить ему обещанное. Ведь если он честно выполняет свои обязанности, она как его сюзерен должна в свою очередь выполнить свои. Перед нами же обратное – аллегорическая правительница ведет себя как настоящий абсолютный монарх уже Нового времени. Олицетворявший в XVII в. этот образ Король-солнце не видел зависимости между исполненной службой и вознаграждением за нее, а одним из важнейших качеств собственных служащих считал бескорыстие. Служить королю было, с его точки зрения, честью. Просить же у него что-либо или проявлять неудовольствие могло оказаться просто опасно. Если монарх хотел продвинуть кого-то по службе, он предпочитал, чтобы это было его собственной инициативой, а не кстати высказанная просьба могла лишь испортить все дело²⁵.

Вопреки тому известному факту, что при дворе служили по-сменно, наш литературный герой, похоже, пребывает здесь постоянно. При Людовике XIV придворным, проживавшим с ним под одной крышей, было просто неприлично высказывать неудовольствие²⁶. Однако Обманутый мыслит категориями даже не современной ему эпохи, а более давней. Влюбившись в одну из дам, он «забывает» о дарованной ему привилегии присутствия при утреннем и вечернем туалете правительницы, а также при ее трапезе. Через 200 лет замеченное королем отсутствие придворного, наделенного такой высокой возможностью приблизиться к персоне властителя, могло существенно понизить шансы на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Именно это мы и наблюдаем в судьбе главного героя. Круглосуточное же пребывание при дворе дает шанс, что правитель выделит того или иного человека из толпы, и его карьера начнет активно развиваться²⁷. Во время очередного словесного препирательства с госпожой Обманутый говорит: «Для меня диковинное

---

²⁵Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 362–363, 355–356, 367.

²⁶Там же. С. 417.

²⁷Там же. С. 416.

чудо быть в этом униженном состоянии на службе день и ночь и только за доверие вам (*pourseulementvousavoircreu*). Если вы не услышали о моих нуждах, значит я *трудился тщетно* (*jelaboureenvain*)»²⁸. В сознании героя еще отсутствует такая категория, как честь служить при дворе. Представляется немаловажным, что вместо идеи службы (когда вассал был обязан службой сеньору) и глагола *servir* — «служить», появляется идея работы, труда, неких специально приложенных усилий, которые должны быть вознаграждены (здесь используется глагол *labourer*). Вассал не может тщетно служить, это его обязанность, но она компенсируется взаимностью со стороны сеньора. Однако при дворе становится все больше людей, а неразумная расточительность и щедрость правителей прошлых времен, свидетельствующая о сакральности и связи с божественными силами, уходит в небытие. Зеркала, обращенные государям, учат теперь распоряжаться своими ресурсами экономно и разумно²⁹. А потому отныне сеньору нужно угодить и понравиться³⁰. Только тогда появляется реальный шанс воспользоваться его дарами и милостью.

Важным аспектом становится внешний вид придворного, появляется своеобразный дресс-код, согласно которому одеваться не по моде при дворе не пристало. Именно этому учат Обманутого местные завсегдатаи³¹. Одеваться роскошно и богато нужно не только ради сеньора, чтобы усладить его взгляд и заслужить таким образом благосклонность. Это выгодно придворному и для завоевания выигрышного реноме в кругу себе подобных. Одна из аллегорических героинь этого сочинения — Безумная Роскошь (*FolleBobance*) — объясняет Обманутому, что его достойный наряд должны видеть все. Так они будут знать, что он в милости у Дамы Двор³².

***

Слушающий исповедь Обманутого прохожий задает ему вполне закономерный вопрос, который возникает и у современного нам читателя: почему же тот не покинул двор, если все для

---

²⁸Ibid. P. 79–80.

²⁹Бойцов М.А. Власть правителя // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я.Гуревича. М., 2003. С. 82, 89–90.

³⁰L'Abuzé. P. 26–27.

³¹Ibid. P. 27, 48.

³²Ibid. P.58.

него так неудачно складывалось? Их современники не раз прибегали к метафорам тяжелой зависимости, живописуя порядки при дворе. Ален Шартье говорил о «смертоносном рабстве»³³, Жан Мешино – об «истинном рабстве»³⁴. И если раньше, в конце XIV в., ЭташДешан, свидетельствуя о том же самом, заявлял, что покидает ненавистное место греха³⁵, то к XVII в. мнения кардинально поменяются, и будут считать «почетную зависимость – лучше самой сладкой свободы»³⁶.

Покинуть двор сложно. Вопрошающий Обманутого ведь тоже не оставляет этот круг, хотя сам при встрече сообщает, что ничего не смог приобрести там. Наш же герой оправдывается тем, что был захвачен «всеми удовольствиями». Да и сама госпожа изредка его подбадривала: ласково смотрела, куртуазно беседовала, обещая помочь, как только сможет, посылала иногда что-то со своего стола. Этим он и жил. При воспоминаниях его не оставляет возмущение: «Обещания моей дамы и вкус ее коварства уничтожил меня, мою честь и репутацию(*corpsetbruitetfame*). Безумен тот, кто так доверится»³⁷. Его негодование свидетельствует о том, что он так и не принял правил игры, существующих при дворе, а пытался жить по каким-то прежним, устаревшим нормам, которые оставались и остаются для него абсолютно актуальными. Даже пережив всю эту историю, он так и не принял случившееся, считая, что произошедшее с ним было несправедливо. Новый тип поведения правителя в разрастающемся все шире кругу жаждущих его благодеяний стал для героя «Обманутого при дворе» неприятным сюрпризом, в который он не хотел верить. Он потерял при дворе все: «время и богатство, всякую радость и забаву, силу, красоту, разум и молодость – из-за того, что слишком легко доверился»³⁸.

---

³³ Chartier A. Le curial / Hrsg. von F. Heuckenkamp. Halle a. S., 1899. S. 5.

³⁴ Цит. по: Неклюдова М.С. «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М., 2014. С. 66.

³⁵ «Adieu, court, je telesse» (Oeuvres complètes de Eustache Deschamps / Publ. par de Queux de Saint-Hilaire. P., 1878. T.1. P. 232, Autreballade №114).

³⁶ Так говорилось водной из придворных проповедей правления Людовика XIV (1676 г.): Блюш Ф. Указ. соч. С. 356.

³⁷ L'Abuzé. P. 96.

³⁸ Ibid. P.98.

Несколько раз Обманутый напрямую говорит о доверии или о том, что поверил своей госпоже³⁹. В четырех обнаруженных мной конкретных случаях он использует производные двух слов: *croire* и *fier*⁴⁰. Их смысловые различия в тексте практически не ощутимы, чтобы рассуждать о том, почему автор использовал тот или иной глагол. Впрочем, в нашем случае и не представляется целесообразным пытаться анализировать данное словопотребление, поскольку все выявленные выражения встречаются в поэтических частях прозиметра, и в трех случаях из четырех стоят в конце строки. Таким образом, автор мог просто подобрать слово, подходящее под размер и рифму стиха, вместо того, чтобы использовать понятие, содержащее тонкий оттенок соответствующего душевного переживания.

О каком же доверии говорит герой? Можно ли считать это доверчивостью? Очевидно, что здесь речь не идет о нравственной характеристике персонажа как человека наивного и простодушного. Скорее, следует говорить о присущей ему иной системе ценностей, нежели та, что была принята – а точнее, видимо, начала утверждаться – в придворной среде. Главный герой сочинения – чьи злключения, без сомнения, были близки автору – имел некие изначальные установки, основанные на имеющемся опыте, которые он считал традиционно принятыми и даже незыблемыми. В социуме той или иной эпохи всегда есть вещи, которые по обыкновению считаются само собой разумеющимися, когда не стоит выбора: доверять или нет. Как уже говорилось, мы, не особенно задумываясь, доверяем транспорту, банкам или своим близким. Так же и главный герой «Обманутого при дворе» существует в своей системе социальных установок, которую он до последнего считал общепринятой. У него имеется сформированное прежде в его среде представление о том, что

---

³⁹“Pour seulement vous avoir creu” (Ibid. P. 79); “En Court n’y point de fiance” (Ibid. P. 85); “Fol qui ainsi se fie” (Ibid. P. 96); “Par croire trop legierement” (Ibid. P. 98).

⁴⁰Этимологически они происходят от разных латинских слов – *credo* и *fido/confido* – но с практически неувидимым различием значений: оба переводят и как «верить», и как «доверять» (Gaffiot F. Dictionnaire latin français. P., 1934. P. 440; 385, 666; Bréal M., Bailly A. Dictionnaire étymologique latin. P., 1885. P. 50). Не углубляясь в этимологию, любопытно отметить, что слово *credo* возводит к индоевропейским корням, которые когда-то образовывали сочетание «давать сердце». На этом основании можно предположить, что *credo/croire* является семантически более сильным глаголом.

сеньор обязан поддерживать и помогать людям, которые ему служат. От государя любого уровня ожидалось справедливое правление в соответствии с традициями⁴¹ (хотя ситуации бывали разные, но в принципе так было принято). Неисполнение обязанностей сторонами могли вести к разрыву в рамках системы вассально-ленных отношений.

Однако, текст «Обманутого при дворе» был создан в переломную эпоху. Вторая половина XV в. – время существенных изменений в политическом и общественном устройстве во Франции, когда начинают закладываться основы абсолютизма. Политические мыслители этого времени пишут об обязанности во всем подчиняться правителю, ссылаются на принцип «что угодно государю имеет силу закона»⁴². Именно в это время, при Людовике XI, понятие вассалитета начинает вытесняться понятием подданства, когда права остаются за властью, а обязанности – за подданными⁴³. Человек нового времени, Филипп де Коммин мало интересуется в «Мемуарах» доверием подданных персонам правителей, хотя и подмечает в целом, что «доверие и верность у нас невелики»⁴⁴. Был ли актуален этот вопрос в принципе, если окружение принцев «было готово на все, лишь бы понравиться своим господам»⁴⁵? Важнее для него оказывается доверие «власть предрежащих» между собой и по отношению к нижестоящим. И если в первом случае, по его свидетельствам, задают тон «постоянные подвохи и подозрения»⁴⁶, то во втором – смена настроений сеньора. Потеряв все и будучи изгнанным со двора властителя, можно через месяц вернуться в еще большем фаворе⁴⁷. Секрет отношения государя к своим подчиненным раскрывает нам сам король Людовик XI, разговор с кото-

---

⁴¹ Reynolds S. Op. cit. P. 3.

⁴² Малинин Ю.П. Политическая борьба во Франции во второй половине XV в. и становление раннеабсолютистской доктрины // Малинин Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев, А.Ю. Карачинский, В.В. Шишкин. СПб., 2008. С. 426–444, здесь С. 436–437. Хотя понятие абсолютной власти восходит еще к римскому праву: Копосов Н.Е. Абсолютизм // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2005. С. 38.

⁴³ Малинин Ю.П. Указ. соч. С. 438.

⁴⁴ Коммин Ф. де. Мемуары / Под ред. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 64.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 20.

рым передает Коммин. Тот говорил, что «слишком хорошая служба иногда губит людей, и что большие услуги оплачиваются большей неблагодарностью...самая большая удача для человека – это когда государь, которому он служит, оказал ему какую-нибудь большую милость с малыми затратами, поскольку он окажется ему весьма обязан, и что это совсем не то, как если бы он сам оказал государю столь большую услугу, что тот чувствовал себя сильно обязанным, ибо государи, естественно, больше любят тех, кто у них в долгу, нежели тех, кому они должны»⁴⁸. Можно ли было представить себе в эпоху вассально-ленных отношений, что доблестная служба сеньору лишь вредит их взаимоотношениям? Вероятно, в анализируемом тексте «Обманутого при дворе» мы встречаемся с непониманием и неприятием новых веяний, рождающихся во властных структурах.

***

Все вышесказанное возвращает нас к давно, казалось бы, закрытой проблеме авторства этого сочинения. После неудачных попыток связать «Обманутого при дворе» с именами короля Рене Анжуйского или Шарля де Рошфора новых гипотез не выдвигалось⁴⁹. Однако поднимаемый в текстовопрос доверия сеньору, столько актуальный для главного героя, а значит и для автора, может освежить, как представляется, данную дискуссию.

Что же нам удалось выяснить? Прежде всего, мы поняли, что сочинитель пытается скрыть свою личность и социальное положение. Он не знает, с чего начинается придворная карьера, но при этом постоянно пребывает при дворе. Можно предполо-

---

⁴⁸ Там же. С. 123.

⁴⁹ В XVIII–XIX вв. текст издавался за ныне отвергнутым авторством Рене Анжуйского. Именно он значится автором в трех рукописях и самом раннем печатном издании (1479 г.): *DubuisR. Introduction // L'Abuzé. P. XXIV–XXXI*. Специалисты выдвигали разные гипотезы «за» и «против» этой версии, однако слабость всех точек зрения, на мой взгляд, в том, что большинство сторонников и противников авторства короля Рене пытались анализировать текст и события жизни племянника Людовика XI буквально: совпадают ли факты биографии Рене и Обманутого, соответствует ли стиль текста прочим сочинениям Рене, в то время как автор(ы) был не столь прямолинеен, чтобы доподлинно пересказывать историю своей жизни, и явно более сведущ в литературных играх, чем мы можем себе представить. Что касается Шарля де Рошфора, то претензия на его авторство подкрепляется лишь возможной опиской переписчика одной из рукописей.

жить, что он находится вблизи правителя по праву рождения, а не службы. Кроме того, оказывается, что у нашего обнищавшего героя есть собственное окружение, поскольку в ответ на очередной совет госпожи подождать с выплатами, он восклицает: «И как я проживу это время, я и мои бедные люди?»⁵⁰. Автор – литературно одарен. Он умеет создать и драматический эффект, и, судя по всему, разбирается в куртуазной литературе, поскольку бесконечные диалоги с Дамой Двор построены по принципу любовного спора⁵¹. В то же время он, возможно, не слишком интересуется антикуриальными текстами, написанными как раз зачастую обиженными придворными⁵². В большинстве своем авторы, критикующие нравы, царящие в этой среде, оставляют за рамками рассуждений персону самого правителя, неистово бичуя лишь его порочное окружение. В случае же с Обманутым больше всего достается именно его госпоже, в то время как аллегорические пороки проходят фоном, лишь изредка подавая «дружеские» советы герою. В подобных текстах даже крайне обиженный двором автор не может позволить себе нелестные высказывания в лицо правителю. Несмотря на осведомленность нашего сочинителя в литературе его времени, создается впечатление, что он, похоже, не читал Эсташа Дешана, Филиппа де Мезьера, Алена Шартье, писавших, что служба при дворе плохо вознаграждается⁵³. Если этот топос был известен не позднее XIV в., то почему автор посвятил все свое сочинение одной теме: требованию к правителю «рассчитаться по долгам»? Возможно, перед нами человек не слишком молодой, поскольку он придерживается явно устаревших нравов и представлений. Повествование действительно ведется от имени пожилого героя, состарившегося на придворной службе.

---

⁵⁰L' Abuzé. P. 78.

⁵¹Евдокимова Л.В. Проза и стихи во французских прозиметрах XV века // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии. М., 2001. С. 290–327, здесь С. 307.

⁵²См. подробнее: Крылова Ю.П. Обиженные и оскорбленные. Авторы французских антикуриальных сочинений XV в. // Кому благоволит Фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время / Отв. ред. Ю.П.Крылова. М., 2015. С. 65–81.

⁵³Цит. по: Vincent-Cassy M. Les péchés de la cour de Charles VI // La Cour du Prince. Cour de France et cours d'Europe, XIIIe–XVe siècles / Ed. par M. Gaude-Ferragu, B. Laurieux et J. Paviot, P., 2010. P. 339–358, здесь P. 350.

И, наконец, существенный фактор – проблема доверия. Для формирования недоверия, по мнению психологов, требуется опыт и время. Герой видит вокруг придворных, богатеющих милостями правительницы. Да и его самого она постоянно подбадривает обещаниями, не давая закрасться сомнению. Проведя много лет при дворе, герой продолжает верить, что ситуация вот-вот изменится и что раз госпожа должна ему за службу, то она выплатит ему когда-нибудь. Он явно не понимает, что может быть по-другому, он свято верит во взаимность условий службы. Его бесконечные громкие возмущения во второй части текста тому свидетельство, и до самого конца он не может успокоиться. У него не рождается недоверие на основе приобретенного опыта. Подобная ситуация кажется тем более странной, что в это время были расхожими поговорки, характеризующие такое положение вещей как вполне заурядное, например: «Большому доверию – большое разочарование»⁵⁴. Герой же не внемлет словам госпожи, которая в конце концов объясняет, что времена уже давно другие. Люди при дворе постоянно меняются: одни появляются, другие исчезают, и ей нет до этого никакого дела⁵⁵. Автор же явно живет прежней системой ценностей. Если использовать понятие «габитуса», то можно сказать, что установки героя и стоящего за ним неизвестного нам сочинителя остаются прежними, как бы ни менялись условия жизни – его собственные и в окружающей его среде.

Однако в контексте данного сочинения, учитывая все остальные факторы, доверие героя, а точнее автора, может свидетельствовать, как представляется, о родственных связях сочинителя и правителя, стоявшего за образом Дамы Двор, облаченных в литературные формы. Если предположить, что речь идет о семейных связях, то Обманутый перестает казаться недалеким че-

---

⁵⁴“A grandefiancegrandefaillance” (Proverbesfrançaisantérieurs au XVe siècle / Ed. par J. Morawski. P., 1925. №503). Эта поговорка встречается в мистерии середины XV в., написанной для постановки на сцене, т.е. рассчитанной на широкую публику: LeMistèreduVielTestament / Publ.parJ. deRothschild. P., 1885.T.5. P. 43 (цит. по: <http://www.atilf.fr/dmf/definition/fiance>). Встречается похожая сентенция и у Кристины Пизанской в «Морализованных пословицах»: «От большого доверия очень часто приходит большое зло» (Thesaurusproverborummediaevi:LexikonderSprichwörterdesromanisch-germanischenMittelalters / Hrsg. vonBeg.S.Singer.Band 11.Berlin; N.Y., 2001.S. 409).

⁵⁵L’Abuzé. P. 109.

ловеком, живущим в выдуманном мире, а его поведение обретает логику. Его поступки соответствуют авторскому отношению к правителю не столько на уровне «овеществленного доверия» к его статусу, сколько вероятными семейными связями, т.е. ситуацией, при которой априори не существует подозрений, а вопрос возможного недоверия просто не поднимается. И тем тяжелее герою принять «коварство» его госпожи и смириться. Ведь измена кровным узам переживается более всего.

Считается, что в межличностных отношениях доверие завоевывается очень сложно, а теряется мгновенно. Среди жеродных действует обратный закон: доверие существует изначально, а теряется долго и мучительно. Думается, что именно за этим может скрываться ответ на поставленный в начале вопрос: почему рассказчик не утрачивал доверие к своей госпоже, несмотря на, казалось бы, неопровержимые основания для этого.

Средневековые тексты, и особенно нарративные, с существенной дидактической составляющей, иногда раскрываются нам с самой неожиданной стороны. Поставив вопрос о доверии, мы не только смогли обнаружить смену мировоззрений в придворном обществе во второй половине XV в., но и наметить новые пути в поисках таинственного автора, пытающегося скрыть биографические обстоятельства за литературным вымыслом. История обмана и доверия действительно еще не написана, но трудно не согласиться, что на этом пути нас ожидает еще много интересных открытий⁵⁶.

---

⁵⁶Кошелева О.Е. Указ. соч. С. 169.

Глава 3

«ДОВЕРЯТЬ НЕ СЛЕДУЕТ ОБМАНЫВАТЬ»: ВЕДЕНИЕ ДНЕВНИКА КАК НОВАЯ ПРАКТИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА С. ПИПСА)*

Проблематика обмана и доверия занимает особое положение среди возможных исследовательских интересов, поскольку непосредственно затрагивает собственно позицию историка. Обман – это высказывание, выстраивающее заведомо ложные связи с действительностью. Как отмечает Эндрю Хедфилд, размышляя о культуре лжи в раннее Новое время, даже если небольшой процент сохранившихся источников содержат обман, это может поставить под сомнение все наши знания о прошлом¹, а учитывая склонность человечества ко лжи, осознанной или неосознанной, такое предположение более чем вероятно. И посему, делает вывод ученый, любой историк нуждается в *теории* лжи для того, чтобы проводить какое бы то ни было исследование: «Мы должны думать о том, когда люди могут лгать, почему они лгут, какую ложь они могут изобрести, чтобы быть в состоянии изучить свидетельства и решить, как люди себя вели. Одной только теории истины недостаточно, чтобы подкрепить наши архивные изыскания»². Доверие отнюдь не представляется ему естественным, что неудивительно, поскольку все современное гуманитарное знание построено на критике. В рассуждениях Хедфилдаэксплицитность, очевидность лжи и уверенность ученого в ее присутствии неразрывным образом связаны с кризисом механизмов доверия. Исследователь связывает проблематизацию лжи, свойственную современной культуре, с распространением интернета и новых средств коммуникации, изменивших способы производства, бытования и верификации информации³.

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹Hadfield A. Lying in early modern culture // Textual practices. 2014. Vol. 28. № 3.Р. 339–364, здесьР. 340.

²Ibid. P. 343.

³Ibid. P. 342.

Однако не менее важно выявить и другие источники этого интереса, имеющие отношение к проблематике человека как субъекта действия и высказывания, а также к переопределению статуса и принципов формирования знания, в особенности – знания гуманитарного, в культуре постмодернизма. Не случайно в рассуждениях Хедфилда изучение феномена лжи оказывается непосредственным образом связано с желанием преодолеть скептицизм в отношении собственного положения ученого-исследователя.

Сходный интерес и изменения свойственны и самой культуре раннего Нового времени, которой посвящено его исследование. В этот период появляется множество текстов, так или иначе посвященных проблеме природы лжи, отношению к ней и способам, позволяющим отличать ее от истины и находить истину среди обмана, свидетельствующих о недостаточности или неудовлетворительности тех объяснений, которые уже имелись в культуре. Еще один исследователь феномена обмана в культуре Средневековья и раннего Нового времени, Даллас Денри, отмечает неуверенность и нестабильность как важнейшие ощущения зарождающейся культуры Модерна, актуализировавшие размышления о лжи и изменившие отношение к ней⁴. И, что не удивительно, в качестве объяснения этого явления историки упоминают факторы, по сути своей схожие с тем, что можно наблюдать сегодня: изобретение книгопечатания, изменившее статус информации и культурные практики ее производства и передачи (в том числе – манипулирования); формирование научного метода получения и верификации информации; трансформация структуры общества и моделей поведения в связи с серьезными социально-экономическими изменениями, а также представлений о поведении людей в обществе в контексте новых естественно-научных и социально-философских концепций.

Действительно, если посмотреть на культуру XVII в. в целом, то станет очевидным, что тема обмана занимает в ней ключевое место, хотя и трактуется очень по-разному. С одной стороны – обман как искусство, мастерство создавать достоверные иллюзии. Самыми яркими, известными и при этом очень непохожими проявлениями такого социально и культурно одобряемого об-

---

⁴*Denery D.G. The Devil Wins: A History of Lying from the Garden of Eden to Enlightenment. Princeton, 2015.P. 158–163.*

мана являются активное использование трюмплёи перспективы в живописи, архитектуре, прикладном искусстве – искусной техники обмана зрителя, разрушающей очевидность мира⁵, а также «умение нравиться», любезность и даже лесть⁶ – важная черта человека, желающего преуспеть, в первую очередь, в придворном и салонном обществе и потому нуждающегося в умении скрывать истинные чувства и мысли, иными словами в лицемерии. С другой – вездесущая ложь и самообман как источник постоянных заблуждений, ошибок и неудач – от «идолов разума», удаляющих исследователя от истины и являющихся объектом критики теоретиков «новой науки», до неизбывного человеческого стремления казаться лучше, чем на самом деле, соответствовать социальным ожиданиям или сыграть на этих ожиданиях, чтобы получить какую-либо выгоду, которое становится одним из главных объектов осмеяния на театральной сцене (достаточно вспомнить господина де Журдена или Тартюфа из комедий Мольера).

Но кроме этого культура XVII в. демонстрирует болезненное внимание ко лжи как внутреннему опыту каждого человека. В Англии с конца XVI в., после суда над Робертом Саутвеллом⁷, а затем над Генри Гарнетом⁸, которые были разоблачены как католические священники, и особенно в XVII в. начинает активно обсуждаться⁹ и критиковаться иезуитская доктрина о «мыслен-

---

⁵ Можно упомянуть и об изменении отношения к зрению, когда на смену ренессансному энтузиазму касательно визуального восприятия и зрительного образа как «зеркала» реальности приходит разнообразная критика и размышления об иллюзиях, воображении и т.п. См. об этом: Clark S. *Vanities of the Eye. Vision in early Modern European Culture*. Oxford, 2007.

⁶ См. об этом: Старобинский Ж. О лести // Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. М., 2002. Т. 1. С. 150–176; Denery D.G. Op. cit. P. 181–198.

⁷ Саутвелл был разоблачен после шести лет успешной подпольной миссионерской деятельности в Англии и казнен в 1595 г.

⁸ Гарнет являлся главой работавших в Англии иезуитов и автором трактата «О мысленном оправдании» (ок. 1598 г.). Он был казнен в 1606 г. как участник Порохового заговора.

⁹ Исследование А.Ю. Серегинной демонстрирует, что теория мысленных оговорок была известна английским католикам и раньше и с успехом ими применялась: Серегина А.Ю. Единожды солгав: католики перед лицом английского правосудия в XVI – начале XVII вв. // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 60–92.

ном оправдании» (экивокации)¹⁰. Она гласила, что ложное утверждение и даже клятва, если они делаются в благих целях, будут оправданы Господом, если в мыслях человек добавляет необходимые оговорки, превращающие ложное утверждение в истинное. Благодаря этим оговоркам человек остается искренним с Богом и может быть прощен. Данная практика бурно обсуждалась и в католическом мире и к концу 1670-х гг. стала столь скандальной, что папа Иннокентий IX официально запретил ее. Одним из самых известных разоблачений этой концепции был трактат Генри Мейсона «Новое искусство лжи», опубликованный в 1620-х гг., в котором экивокация была представлена как уловка, «искусство обмана и хитрость, которые Писание порицает под именем лжи»¹¹.

Во Франции с 1660-х гг. появляется целый пласт литературы, связанный с рассуждениями о человеческом себялюбии – скрытой за любыми, даже самыми лучшими словами и поступками реальности человеческой природы, всегда стремящейся к собственному благу и удовольствию. Согласно Франсуа де Ларошфуко, любой «благородный» поступок является ложью по меньшей мере самому себе, поскольку «то, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой и нашей собственной хитростью»¹². И раз себялюбие от природы свойственно всем людям, социальное общение и даже общее благо требуют от человека лжи и притворства, что впоследствии приведет Жан-Жака Руссо к выводу о том, что общественная жизнь заставляет человека терять самого себя, делая его неискренним, нетождественным самому себе¹³.

---

¹⁰См. обзор: *Conscience and Casuistry in Early Modern England* / Ed. by A. Leites. Cambridge, 1988; *Zagorin P. Ways of Lying: Dissimulation, Persecution and Conformity in Early Modern Europe*. Cambridge, 1990; *Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England* / Ed. by J. Morrill, P. Slack and D. Woolf. Oxford, 1991; *Contexts of Conscience in Early Modern Europe, 1500–1700* / Ed. by H.E. Braun and E. Vallance. Basingstoke, 2004.

¹¹*Mason H. The New Art of Lying, covered by Jesuits under the Vaile of Equivocation*. L., 1624. P. 2.

¹²*Ларошфуко Ф. де. Максимы // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. М., 1993. С. 150 (1).*

¹³*Denery D.G. Op. cit. P. 148.*

Таких примеров можно привести еще немало. И эта болезненность лжи, существующей не только вокруг тебя, но и в тебе самом, безусловно, неразрывно связана с изменениями категории правды и достоверности, которой посвящено немало исследований. Стивен Шейпин¹⁴ и Джон Кэнфилд¹⁵ связывали их с началом кризиса культуры чести, в которой истина была неотделима от авторитета, с распадом общества, построенного на слове чести джентльмена. Многочисленные исследования по истории коррупции отражают процессы формирования новой деловой культуры, когда «слово» и связи патронажа или дружбы также постепенно теряют свою надежность, и возникает необходимость формирования новых механизмов, гарантирующих выполнение обязательств в рамках деловых отношений¹⁶. Безусловно, сюда можно добавить и развитие придворной и салонной культуры с их идеалом любезности, и массу других культурных процессов, проблематизировавших достоверность как сказанного/написанного слова, так и наблюдаемого вокруг.

В формирующейся новой теории познания от Бекона и Декарта до Локка звучит тема как недоверия к слову (даже авторитетному) и необходимости его перепроверять, так и недоверия к самому себе и собственным ощущениям. Декарт доводит этот скептицизм до логического конца, утверждая, что единственная вещь, которую невозможно поставить под сомнение – собственное существование человека. Исследовательское «Я» может быть введено в заблуждение и нуждается в процедурах самонаблюдения и самопроверки. Сама новая наука, особенно в определении ее Декартом, была связана с желанием «дать объяснения, которые не могут быть оспорены при всем желании»¹⁷. Эти транс-

---

¹⁴Shapin S. A social history of truth: Civility and science in seventeenth-century England. Chicago, 1994.

¹⁵Canfield J.D. Word as Bond in English Literature from the Middle Ages to the Restoration. Philadelphia, 1989.

¹⁶С этой проблематизацией личных отношений в контексте деловой культуры и стремления создать новые механизмы гарантии деловой честности связана полемика о совместимости личного интереса и подлинной дружбы. См. обзором: Johnson L. Friendship, Coercion, and Interest: Debating the Foundations of Justice in Early Modern England // Journal of Early Modern History. 2004. Vol. 8 (1–2). P. 46–64.

¹⁷Деар П. Событие революции в науке. Европейское знание и его притязания (1500–1700) // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М., 2015. С. 9–311, здесь С. 145.

формации Филипе Фернандес-Арместо описывал как изменение моделей поиска истины от «истины, которую ты говоришь» к «истине, которую ты мыслишь для себя» и «истине, которую ты постигаешь посредством ощущений»¹⁸. Причем, как справедливо указывает Хелен Брумхед, если первая модель ориентирована на социальную значимость истины, то две последние акцентируют ее индивидуальное значение для самого исследователя¹⁹. Как утверждал тот же Декарт, качественные характеристики вещей, из которых составлен наш опыт – цвет, вкус, запах, звук, температура и т.п., не существуют как таковые, являются нереальностями, а психологическими впечатлениями лица, испытывающего те или иные ощущения, т.е. ощущениями индивидуальными, почти не коррелирующими с действительными качествами предметов во внешнем мире²⁰.

XVI-XVII вв. в этом отношении представляют очень интересное время, которое делает обман предметом анализа. В большинстве случаев обман проникает в тексты незамеченным или, по меньшей мере, не названным по имени – скрытым или же, напротив, разоблаченным, опозоренным и выставленным на осуждение и осмеяние, лишь в редких случаях прошлые обманы появляются в тексте полноправно и с гордостью, как сюжеты плутовских романов. Но в раннее Новое время возникает немало текстов, в которых обман становится объектом изучения с целью понять, как, по каким причинам и с какими целями люди прибегают ко лжи, как формируется обман, существует ли возможность сразу его распознать. Можно вспомнить рассуждение «О лжецах» Мишеля де Монтеня, который проводит связь между ложью и памятью: те из людей легко и складно лгут, кто обладает плохой памятью, ибо в их сознании плохо сохраняется представление о вещи, как она есть, которое рано или поздно непременно должно вытеснить вымысел и, соответственно, вынудить человека совершить оплошность и разоблачить собственную ложь²¹. А Френсис Бэкон в своих «Опытах» подчеркивает взаимообусловленность лжи, любопытства и доверчивости,

---

¹⁸ *Fernández-Armesto F. Truth: A History and guide for perplexed. L., 1998.*

¹⁹ *Broomhead H. The Reign of Truth and Faith: Epistemic Expressions in 16th and 17th Century English. N.Y., 2009. P. 8.*

²⁰ См. об этом: *Деар П. Указ.соч. С. 150–160.*

²¹ *Монтень М. де. О лжецах // Монтень М. де. Опыты. М., 1960. Т. 1. С. 47.*

видя в этом объяснение природы слухов²², и в то же время рассматривает скрытность и притворство как необходимые составляющие поведения человека в обществе, в особенности, когда речь идет о политике²³.

Конечно, это тоже обличение обмана, и Монтень, и Бэкон отнюдь не нейтральны, напротив, они яростные разоблачители лицемерия. Но подобное разоблачение привлекает внимание к самому механизму, посредством которого обман становится частью повседневной жизни любого индивида, когда он оказывается вездесущ, присутствует везде и повсюду, когда нас обманывают люди, наши собственные чувства, разум и желания. Для Монтеня такое разоблачение – путь к познанию своего «Я», ибо ложь – это прежде всего создание видимости, искажение правды о себе самом. Как писал Жан Старобинский, «если мою сущность и форму нельзя помыслить вне «отношения с другим», то ложь становится не просто преступной непорядочностью перед лицом ближнего, но онтологической катастрофой для нас самих: я лишаясь своей истиной формы, поскольку не в силах уберечь ее от искажений в моем внутреннем мире и поскольку мой внутренний мир, утратив всякую связь с внешним миром, утратил и всякую достоверность. Лгать другим значит перехитрить себя самого, дурачить себя из нежелания оставаться в дураках. Двуличие не позволяет сохранить верность самому себе»²⁴. И в то же время ложь – это то, что разрушает общество, держащееся на взаимопонимании, ложное слово «делает невозможным всякое общение человека с себе подобными, оно разбивает все скрепы государственного устройства»²⁵.

В отличие от А. Хедфилда, меня будет интересовать не тайная ложь, нуждающаяся в разоблачении историка, а эта ситуация *говoreния* о лжи, роднящая исследователя и героя исследования в их потребности определить собственное положение. Однако, прилагаемая к разному культурному опыту, она, безусловно, будет находить различные формы выражения. Исследо-

---

²²Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х тт. М., 1977. Т. 1. С. 109.

²³Он же. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. С. 363–365 (О притворстве и лицемерии).

²⁴Старобинский Ж. Монтень в движении // Старобинский Ж. Поэзия и знание. Т. 2. С. 118.

²⁵Монтень М. де. Об изобличении во лжи // Монтень М. де. Опыты. Т. 2. С. 400.

вательский текст, особенно в гуманитарном знании, в современной культуре, оказался тесно и эксплицитно связан с персональным культурным опытом автора, обретая функцию самопознания и саморепрезентации. В культуре раннего Нового времени также возникают новые культурные формы фиксации и репрезентации собственного опыта, в дополнение к уже существовавшим, хотя неизбежно трансформирующимся, вроде автобиографий или исповедей, философских рассуждений и т.п. Одной из таких новых культурных форм, в которой конструирование собственного образа и проговаривание опыта в письменном тексте сопровождается выявлением и обнаружением обмана – как собственного, так и чужого – становится дневник.

В английской культуре XVII в. особняком стоит многотомный дневник чиновника Управления флота Сэмюэля Пипса. Благодаря вниманию Пипса к деталям, его «Журнал» дает неоценимые сведения о повседневной жизни человека раннего Нового времени, редко какое исследование по истории и культуре второй половины XVII в. обходится без ссылки на его свидетельства. Нас же в данном случае будет больше интересовать другое примечательное свойство этого текста, напрямую связанное с наблюдательностью Пипса, – то отношение к себе, которое в нем проявляется и одним из следствий которого собственно и становится ведение дневника на протяжении многих лет.

Сэмюэль Пипс родился 23 февраля 1633 г. в Солсбери Корт в Лондоне. Его отец, Джон Пипс, происходил из младшей ветви старой йоменской семьи из Кембриджшира, которая владела манором Коттенхем. Джон Пипс унаследовал не много, стал лондонским портным и женился на прачке Маргарет Кит, но поддерживал тесные отношения с родней. Сэмюэль был пятым из 11 родившихся у них детей, но к семи годам оказался старшим из выживших. Он был способным мальчиком и после Гражданской войны недолго проучился в грамматической школе в Хантингдоне, а затем его отправили в Сент-Пол-скул (Лондон) и Мэгдалин-колледж в Кембридже, и в обоих местах ему были назначены стипендии.

В 1654 г. он получил степень бакалавра искусств. Вероятно, предполагалось, что он станет адвокатом, что было бы обычной карьерой для бедного, но сообразительного молодого человека, но революция, а затем Реставрация монархии открыли для него другие возможности. Дальняя родственница Сэмюэля, Паули-

наПипс, вышла замуж за сэра Сидни Монтегю, состоятельного политика из дворянской семьи, а их сын Эдвард Монтегю смог обрести влияние при Протекторате, став морским генералом. Он взял Пипса к себе в качестве секретаря и домашнего слуги. После смерти Оливера и Ричарда Кромвеллей Монтегю был одним из первых, кто высказался за возвращение Стюартов, и командовал флотом, вернувшим в Англию Карла II, за что был щедро вознагражден. Став графом Сэндвичским, не забыл он и про своих многочисленных родственников. Пипсановоиспеченный граф устроил на должность клерка в Казначействе, а затем в Управление флота. Как раз в начале этих знаменательных событий наш герой и начинает вести свой дневник, записи в котором он будет делать почти ежедневно вплоть до 1669 г., когда проблемы со зрением вынудят его отказаться от этой практики.

Таким образом, дневник изначально связан с наблюдением и фиксацией происходящих перемен со всеми их радостями и проблемами, надеждами и разочарованиями. В отношении его трактовки существуют весьма разные позиции. Наиболее известные из них связаны с идеей становления европейской субъективности и потребности в самоанализе, свойственных формирующейся буржуазной культуре и находящих выражение в тексте «Дневника». Одни авторы выделяют в текстеПипса потребность говорить о себе, переходящую почти в нарциссическое самолюбование, – одна из наиболее известных работ 2000-х гг., написанная Клэр Томалин, даже получила название «Сэмюэль-Пипс: бесподобный я»²⁶. Другие подчеркивают значимость само-цензурирования, поиска внутреннего контроля над самим собой, приводящих к противопоставлению «публичной персоны» «внутреннему Я» частного человека²⁷, третьи – формирование привычки к самонаблюдению и повышение значимости внутреннегомира человека, аккуратное записывание актуального, которое породит в дальнейшем феномен психологического

---

²⁶Tomalin C. Samuel Pepys: The Unequalled Self. L., 2002.

²⁷Самая известная работа принадлежит Фрэнсис Бейкер (Barber F. The Tremulous Private Body, L., 1984), из числа современных исследований можно назвать работу Ренди Робертсона (Robertson R. Censors of the Mind: Samuel Pepys and the Restoration Licensers // The Dalhousie Review. 2005. Vol. 85. № 2. P. 181–194).

романа²⁸. Но существует также немало авторов, которые говорят о том, что «частный», «интимный», «субъективный» опыт, хотя и присутствует в дневнике, в вопросе о самоопределении и самопознании Пипсана идет ни в какое сравнение со значимостью опыта социального и политического²⁹. И наконец, есть те, кто привлекает внимание к присутствующей в дневнике иронии, позволяющей рассуждать о многослойности текста, в котором самописание (о чем, по сути дела, идет речь в предыдущих работах) является лишь функцией более сложных текстуальных практик, посредством которых автор представляет себя (в первую очередь, себе самому)³⁰.

Вторая особенность дневника, самым непосредственным образом связанная с вопросами саморепрезентации, заключается в том, какое видение жизни он отражает, как производится отбор фактов, которые заносятся в дневник и как они преподносятся. Дискуссии в историографии, рассмотренные выше, не случайны не только потому, что в тексте присутствует и самодовольство, и самокритика, переживания и оценка себя самого через социальные связи. Пипс говорит и о вещах, которые представляются нам очень интимными, и о публичных делах, в особенности, конечно, о своей работе, он отмечает политические события, но столь же скрупулезно записывает, куда ему пришлось забежать, чтобы облегчиться. И вместе с тем очевидно, что отнюдь не все, что происходит в течение дня, попадает в дневник, тем более, что далеко не всегда запись делается в тот же день.

Нередко дневниковые записи начинаются с того, что Пипс встал и принялся за дневник, причем порой записывая события

---

²⁸См., например: *Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. L., 1967; McKeon M. Biography, Fiction, and the Emergence of 'Identity' in Eighteenth-Century Britain // Writing Lives: Biography and Textuality, Identity and Representation in Early Modern England / Ed. by K. Sharpe and S.N. Zwicker. Oxford, 2008. P. 339–356.*

²⁹См., к примеру: *Turner J. G. Pepys and the Private Parts of Monarchy // Culture and Society in the Stuart Restoration / Ed. by G. MacLean. Cambridge, 1995. P. 93–108; Dawson M. S. Histories and Texts: Refiguring the Diary of Samuel Pepys // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. № 2. P. 407–431; Kohlmann B. 'Men of Sobriety and Business': Pepys, Privacy and Public Duty // The Review of English Studies. New Series. 2009. Vol. 61. № 251. P. 553–571.*

³⁰*Berger H. (jr.). The Pepys Show: Ghost-writing and Documentary Desire in the Diary // English Literary History. 1998. № 65. P. 557–591.*

сразу нескольких дней³¹. Но также известны и случаи, когда разрыв между написанием отдельных заметок составлял несколько недель, хотя текст и сохраняет календарную непрерывность³². Сам образ дневника как педантичного регулярного отражения ежедневных событий и наблюдений – иллюзия, созданная автором, а значит, мы имеем дело, по выражению Гарри Бергера, с «дневником как отражением ежедневного отражения событий»³³. Исследователь подчеркивает важную особенность дневника – нестабильность, текучесть настоящего времени, «сейчас». Он приводит в пример запись от 17 марта 1666³⁴ г., которая начинается словами «Встал и закончил писать в журнал, на что у меня не хватило сил прошлой ночью»³⁵, но мы не можем сказать, сделана ли сама эта запись сразу после того, как записана последняя фраза, относящаяся к предыдущему дню, о которой в ней идет речь – «...я много начеркал, ибо так хотел спать, что начал прерываться и отвлекаться. Посему был вынужден оставить это дело и лечь спать», – или между ними прошел целый день³⁶. Затем Пипс фиксирует события дня, которые привели его в очередной раз к убеждению, что «сэр У. Пенн – лживый негодяй»³⁷. Запись следует за сообщением о том, что автор «пошел спать, выпив сливочного эля», т.е., очевидно, в один из следующих дней. И мы не знаем, как соотносится время, когда это обвинение было записано, с временем самих событий. Данное обстоятельство представляется очень важным, поскольку

---

³¹ См., например: «Встал, когда колокола пробили четыре и засел за “Журнал”» (02.07.1662); «Встал и в присутствии, где сел делать записи в “Журнал” за всю прошедшую неделю» (31.08.1668): *Pepys S. The Diary of Samuel Pepys in 11 vol. / Ed. by R. Latham and W. Matthews. Berkeley, Los Angeles, 2000. Vol. III. P. 128–129; Vol. IX. P. 295.* Здесь и далее цитаты приводятся по указанному изданию наиболее полной расшифровки дневника, сделанной Робертом Лефемом и Уильямом Метьюзом, впервые опубликованной в 1970–1976 гг. Более доступная версия с интернет-ресурса *The Diary of Samuel Pepys* (режим доступа: <http://www.pepysdiary.com> (08.05.2018)) выполнена с издания 1893 г., в которой присутствуют сокращения, затрагивающие в том числе и некоторые из приведенных в данной статье фрагментов текста.

³² Introduction // *Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. XCVII–CVI.*

³³ *Berger H. (jr.). Op. cit. P. 569.*

³⁴ Согласно цитируемому изданию, все даты приведены по новому стилю.

³⁵ *Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. 74.*

³⁶ *Berger H. (jr.). Op. cit. P. 570.*

³⁷ *Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. 75.*

такие впечатления (которые, казалось бы, даже к вечеру неизбежно должны стереться из памяти спустя некоторое время или просто быть отброшены как ничего не значащие), наряду с конструируемой каждодневностью и вниманием к мелочам, и создают эффект непосредственного отражения жизни.

Есть по меньшей мере одна запись, которая определенно не могла быть спонтанной и в отношении которой сложнее всего предположить, что она отражает сиюминутные волнения. Речь идет о том тексте, который предваряет первую дневниковую запись, своего рода введении, в котором кратко характеризуется текущее положение дел. Концентрированность информации здесь в еще большей степени подчеркивает необычность дневника Пипса, соединяющего самые разноплановые события: «Хвала Господу, в конце прошлого года я был в весьма хорошем здравии, бывшие боли подступали только, когда я подхватывал простуду. Я жил в Экс-Ярде со своей женой и служанкой Джейн, только нас трое во всем семействе. Моя жена, после отсутствия месячных в течение семи недель, подала мне надежду, что беременна, но в последний день года они начались снова. Государственное положение было таково: так называемое Охвостье³⁸ после того, как его работа была нарушена лордом Ламбертом³⁹, недавно вновь вернулось к заседаниям. Военные офицеры вынуждены уступить. Лоусон⁴⁰ еще остается на реке⁴¹, а генерал

---

³⁸ Речь идет об «Охвостье» Долгого парламента, оставшегося после так называемой Прайдовой чистки 6 декабря 1648 г., когда из Парламента были удалены все антиармейски настроенные депутаты-пресвитериане. «Охвостье» было разогнано 20 апреля 1653 г., но созвано вновь 26 декабря 1659 г., т.е. за несколько дней до того, как Пипс начинает свой дневник.

³⁹ Джон Ламберт – английский генерал, сторонник военной республики, способствовавший возведению Оливера Кромвеля на пост лорда-протектора. После смерти последнего выступил против его сына Ричарда Кромвеля, переставшего опираться на армию. В 1659 г., после отставки Ричарда Кромвеля, был назначен вторым командующим армией. Ламберт препятствовал заседаниям «Охвостья» и организовал Комитет безопасности, чтобы получить возможность создать временное правительство и установить военную диктатуру, но отступил перед армией генерала Монка и был заключен в Тауэр.

⁴⁰ Джон Лоусон – английский адмирал, сторонник республики. Дослужившись до вице-адмирала в период революции, Лоусон был впоследствии смещен по политическим соображениям. Вернулся на службу в 1659 г., став главнокомандующим флотом. В декабре 1659 г. подписал декларацию о восстановлении работы парламента. Впоследствии вместе с генералом Монком выступил за реставрацию монархии.

Монк⁴² со своей армией - в Шотландии. Только милорд Ламберт еще не пришел в Парламент, чего никто и не ожидает, если только его не вынудят. Новый Муниципальный совет Сити говорит в их пользу и отправил оруженосца к Монку, чтобы выразить ему свои надежды на полноценный и свободный Парламент, что является желанием, надеждой и чаянием всех нас. Двадцать два старых, исключенных члена на прошлой неделе пришли к дверям Палаты, но им было отказано; и, судя по всему, ни они, ни народ не успокоятся, пока Палата не будет полноценной. Мое собственное положение весьма значительное, и предполагается, что должно быть состоятельным, но на деле весьма бедственное, за исключением домашнего имущества и должности, с которой возникли некоторые неопределенности. Мр. Даунинг – мой начальник в офисе»⁴³.

Высказанные в этом небольшом вступлении мысли, на первый взгляд, разрозненные и хаотичные, относящиеся как к «частной жизни», так и к жизни социальной и политической, дают очень странную характеристику Пипса, каким он сам себя видит к началу 1660 г. Эту оценку, строящуюся через болезнь, месячные жены, проблемы, которые создают ограничения в работе парламента, финансовое состояние и непонятно о чем говорящее заявление, что начальником является мистер Даунинг, сложно объяснить как интроспекцией, так и социализацией. И вместе с тем нельзя сказать, что этот набор сведений представляется совершенно разрозненным. Напротив их слабая логическая взаимосвязанность подчеркивает другую связь – эмоциональную: это то, что волнует Пипса более всего (в том числе, и сэр Джордж Даунинг, который, хоть в честь него и названа улица в Лондоне, был весьма неприятным человеком, и наш автор относился к нему с осторожностью, ожидая неприятностей⁴⁴).

---

⁴¹ Имеется в виду Темза.

⁴² Джордж Монк – английский генерал, бывший в течении гражданских войн и революции сначала сторонником монархии, а затем Оливера Кромвеля. После смерти последнего поддержал Ричарда Кромвеля и впоследствии отказался подчиняться диктатуре Ламберта. В январе 1660 г. выступит против Ламберта во главе своей армии, а впоследствии станет основным организатором реставрации монархии.

⁴³ Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. 1–2.

⁴⁴ «Этим утром меня отправили к мр. Даунингу, он принял меня у постели и сказал, что был добр ко мне и кое-что для меня сделал, а именно – нашел мне

Этот отклик на происходящее, вне зависимости от его значительности, – интерес, гнев, удовольствие, усталость, удивление, энтузиазм, боль, неловкость, размышление и т.п. – и является одним из основных фильтров, помогающих определить, какие из событий дня достойны фиксации в дневнике. Пипс записывает все то, что так или иначе привлекло его внимание, тем самым делая главным героем текста не себя как такового (со своим внутренним миром) и не окружающий мир как объект наблюдений, а себя в мире, находящегося с ним в постоянном взаимодействии. Он удивляет, в первую очередь, способностью замечать даже не столько события самого рядового характера, ничтожные в своей непримечательности, сколько собственное отношение к ним, тем, что он ухитряется преодолеть невидимость повседневного, ускользающего от внимания рядового наблюдателя и поставить ее в один ряд с политическими событиями и социальными катаклизмами – в силу того, что они вызывают у него самого какую-то реакцию, к которой Пипс и пытается прислушиваться.

Одно из обстоятельств, проливающих свет на своеобразие данного текста и его исключительность для нашего исследования, заключается в том, что Сэмюэль Пипс являлся большим поклонником новой бэконинской науки, основанной на чувственном эмпирическом познании. В дневниковых записях имеется масса указаний на ученые беседы, посещения Грешем-колледжа и других публичных мест, где можно было приобщиться к новому знанию, на интерес к приборам, опытам и т.п. О том, что этот интерес был весьма серьезным, свидетельствует тот факт, что в 1665 г. Пипс становится членом Лондонского королевского общества, а позднее, в 1685 г. – его председателем. Он поддерживал очень тесные отношения с Исааком Ньютоном, Робертом Бойлем и Кристофером Реном.

Одна из основных идей Бэкона заключалась в важности науки для жизни человека не только с практической точки зрения (она помогает делать жизнь лучше), но и с позиции самосовершенствования: «Наука настраивает и направляет ум на то, чтобы он отныне никогда не оставался в покое и, так сказать, не засты-

---

место клерка в Совете. Я в этом несколько сомневался и не знал, что делать, благодарить ли его или нет. Затем все же поблагодарил, но не очень сердечно, ибо опасался, что он проделал все это только за тем, чтобы не платить мне жалование» (19.01.1660): Ibid. Vol. I. P. 22.

вал в своих недостатках, а, наоборот, постоянно побуждал себя к действию и стремился к совершенствованию. Ведь необразованный человек не знает, что значит погружаться в самого себя, оценивать самого себя...»⁴⁵.

Как отмечал А.В.Подгорский, Пипс «“кропотливо наблюдает” себя – расчетливого и легкомысленного, проницательного и простодушного, эгоистичного и доброжелательного»⁴⁶. И, можно добавить, лживого. Отношение Пипса к окружающей действительности и к себе самому напоминает подход ученого-исследователя, для которого фиксация жизненного опыта в дневнике сродни фиксации хода и результатов опыта научного. В силу этой особенности наш герой старается быть максимально честным со своим дневником, записывая в него даже те свои поступки или реакции, которые вызывают у него самого стыд или неловкость. Парадоксальным образом, почти научная честность с самим собой, конструируемая в пространстве дневника, приводит к тому, что его автор с равной наблюдательностью фиксирует и разоблачает как чужую ложь, так и свою собственную. Изначальное недоверие, критическое отношение к любой информации, получаемой как из текстов, так и от непосредственного наблюдения, также отсылает к новой науке. И нам известно, что Пипспытался применять научные знания для практических жизненных нужды. К примеру, он проводит нечто вроде экспериментов, вычисляя при помощи часов среднюю скорость своего передвижения по городу⁴⁷. Выявление и обозначение обмана как своего «объекта изучения» оказывается для него таким же необходимым «рабочим инструментом», а также механизмом сохранения идентичности и научной честности и достоверности.

Второе обстоятельство, безусловно, влияющее на взаимодействие окружающей реальности, Пипса и его дневника, – это то, что автор, как справедливо отмечает Гарри Бергер, являлся чиновником, человеком с особым отношением к тексту и к легитимации чего бы то ни было посредством документирования⁴⁸.

---

⁴⁵ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Т. 1. С. 134.

⁴⁶ Подгорский А.В. Факт и вымысел в английской литературе XVII–XVIII веков. Магнитогорск, 1993. С. 5.

⁴⁷ См. запись от 13.09.1665: *Pepys*S. Op. cit. Vol. VI.P. 221–222.

⁴⁸ *Berger*H. (jr.).Op. cit. P. 559.

Вся его жизнь – как чиновника, как члена Королевского общества, как собирателя книг и рукописей – строится вокруг особого отношения к информации, зафиксированной на бумаге, которая не только отображает действительность, но и изменяет, организует ее. Для самого исследователя это становится одним из важных аргументов в пользу того, что дневник используется Пипсом не для выражения или отражения своего «Я», а для его конструирования. Более того, он подчеркивает, что существование дневника не могло не повлиять на ту самую жизнь, которую Пипс описывает. Иными словами, делая и говоря что-то, он знал, что оно будет описано и, весьма вероятно, иногда делал и говорил нечто *для того*, чтобы затем описать⁴⁹. Однако, даже этот последний тезис исследователя показывает, что дневник важен для Пипса не только (и может быть не столько) в уже привычной перспективе становления субъективности как самосозидания, но как поиск и формирование определенной модели отношения к окружающей действительности. Само ведение подобных записей (как и составление официального документа) являет собой такую модель отношения, поскольку ставит автора в определенное независимое положение по отношению к тому, что заносится или не заносится на бумагу. Позицией, в которой само документирование выражает определенную власть над фиксируемой реальностью (как внешней, так и «собственным Я»).

Все это имеет непосредственное отношение к пониманию того значения, которое придается доверию, лжи и обману в дневнике Пипса. Обман – одно из важнейших свойств окружающего мира и себя самого, которые привлекают внимание автора и являются источником постоянных проблем. Притворство самого разного толка – вот причина постоянной дезориентации и опасности совершить ошибку:

«Затем у меня завязалась другая беседа с др. Кнаппом, который сказал мне, что он королевский медик и начал ходатайствовать о богадельнях, чем чрезвычайно меня взволновал. Он сказал мне, что является самым нахальным человеком в мире, что делает его достойным быть королевским врачом, но он им не является и вовсе изгнан из двора. Из чего можно уяснить, какое

---

⁴⁹Ibid. P. 582.

бесстыдство царит в мире и как можно ошибаться в людях» (7.12.1663)⁵⁰.

«Он случайно привел нас к художнику, который был тогда с ним в доме, датчанину, только что прибывшему, некоему Эверлсту⁵¹, который отвел нас к себе неподалеку и показал нам небольшой цветочный горшок собственной работы – превосходнейшую вещь, которую я, как мне кажется, когда-либо видел. Капли росы свисали с листьев, и я был вынужден вновь и вновь прикасаться к ним пальцем, чтобы убедиться, не обманывают ли меня собственные глаза» (11.04.1669)⁵².

«Затем снова домой, но, испытывая большую нужду, под предлогом встречи с мр. Шоттом, торговцем шерстью из Уайтхолла, заскочил в “Арфу и мяч”... и облегчился» (30.01.1660)⁵³.

Эти три примера демонстрируют вездесущность и разнообразие обмана, постоянно вынужденно, случайно или намеренно порождаемого людьми. Жизнь, окружающий мир и собственные чувства, мысли и поступки наполнены иллюзиями, притворством, за которыми скрывается реальная суть вещей и людей, и потому они требуют пронизательного всматривания. Это ощущение мира, которым наполнен текст дневника, также хорошо перекликается с размышлениями Бэкона: «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы. Совершать же путь надо при неверном свете чувств, то блистающем, то прячущемся, пробираясь сквозь лес опыта и единичных вещей»⁵⁴.

В тексте Пипса зыбкость ощущений и непрочность своего положения – это та ситуация, в которой он начинает вести дневник, и постоянное выявление иллюзий, разоблачение обмана через его проговаривание дает некоторое ощущение контроля, сродни тому, что получает бэконовский исследователь, продви-

---

⁵⁰ Pepys S. Op. cit. Vol. IV. P. 407.

⁵¹ Речь идет о Симоне Питерсе Верелсте (в тексте дневника указан как *Evarelst*), годы жизни – 1640–между 1710 и 1721 гг. В 1668 г. он поселился в Лондоне и прославился портретами и натюрмортами.

⁵² Pepys S. Op. cit. Vol. IX. P. 514–515.

⁵³ Ibid. Vol. I. P. 33.

⁵⁴ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Т.1. С. 64.

гающийся по лабиринту мироздания. Но сама эта ситуация отнюдь не кажется Пипсу естественной, в значительной мере потому, что чаще всего он обращает внимание на осознанный обман, свойственный человеческому сообществу, – лесть, мошенничество, измены. Во многих случаях наш герой лишь фиксирует наличие обмана, однако некоторые более развернутые описания позволяют нам увидеть его оценки.

К примеру, наблюдая однажды за игрой короля в мяч, Пипс с осуждением отмечает нескончаемую лесть придворных, сопровождавшую всякое движение монарха, что вызвало у него отвращение («это было отвратительное зрелище», «такая откровенная лесть безобразна») и досаду, ибо временами Карл II действительно играл хорошо (4.01.1664)⁵⁵. Это «отвращение» лежит на стыке изменения чувствительности к чужому поведению, о котором рассуждал Норберт Элиас⁵⁶, зарождающейся привычки к самоанализу и «научного» интереса к окружающему миру и собственной природе, трансформации оценочных суждений, на которые обращал внимание Жан Делюмо⁵⁷. Речь здесь идет не столько о вынесении вердикта (ни с позиций греховности, ни с точки зрения постыдности), сколько об обозначении своей личной реакции на наблюдаемое присутствие чрезмерной лести в поведении других людей. И что еще интереснее, лесть, как и любая другая форма обмана, видится Пипсу и как порок каждого отдельного человека, и как явление, свойственное всему обществу и в особенности – современному ему обществу. Однажды, описывая беседу с капитаном Холмсом – человеком, который «(по его собственному признанию) может иметь два разных лица и смотреть в глаза врагам с той же любовью, что и друзьям», – Пипс восклицает: «Но, боже мой, что за век, что за мир, в котором человек не может выжить без мошенничества и притворства!» (01.09.1661)⁵⁸.

Уверенность в вездесущности и даже необходимости обмана отнюдь не означает толерантного к нему отношения. «Отвраще-

---

⁵⁵ Pepys S. Op. cit. Vol. V. P. 4.

⁵⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 тт. М., 2001.

⁵⁷ Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург, 2003.

⁵⁸ Pepys S. Op. cit. Vol. II. P. 169.

ние» в тех случаях, когда сам автор становится объектом притворства и обмана, переходит в очень сильную досаду и негодование:

«Домой с сэром У. Пенном к званому обеду и в полдень вновь в церковь, затем домой, поскольку мр. Шепли должен был прийти поговорить о делах Милорда. Вечером он ушел, а мы вновь отправились к сэру У. Пенну на ужин. Не знаю уж, по какой причине, но он изрядно ко мне подлизывался, и я понял, что он не хочет со мной ссориться, а его дочь была чрезвычайно дружелюбна с моей женой. Но я никогда больше не попадусь на его обман и буду всем сердцем ненавидеть его и его предательские выходки» (29.06.1662)⁵⁹. Ни к коллеге Уильяму Пенну, ни к другим людям из своего окружения, с которыми Пипсу придется соперничать, он не относится снисходительно, награждая их нелестными эпитетами: «У. Пенн – лживый негодяй» (20.3.1668)⁶⁰, «Крид – ловкий, лживый мерзавец» (12.04.1664)⁶¹.

В этих условиях доверие нередко представляется ему скорее вынужденной мерой. Пипс порой говорит о том, что он сам или кто-то другой вынужден полагаться на какого-то человека или чьи-то слова или полученную информацию, даже если нет оснований для доверия или возможности проверить полученные сведения. Подобные ситуации вызывают у него (и не только у него)⁶² настороженность, опасения и дискомфорт оттого, что риск быть обманутым весьма велик, но никакой альтернативы этому нет. Иными словами, культурные механизмы, формирующие доверие к человеку или информации, дают сбой или в определенных случаях попросту отсутствуют. Есть слухи, которые предоставляют очень важные сведения, но нет возможности их проверить. Есть человек, о котором толком ничего неизвестно, или то, что известно вызывает подозрения, но его не на кого заменить⁶³. Сам Пипс порой сокрушается, что никаких оснований

---

⁵⁹ Ibid. Vol. III. P. 126.

⁶⁰ Ibid. Vol. IX. P. 126.

⁶¹ Ibid. Vol. V. P. 119.

⁶² См., например: «Меня задело, что отец был взволнован тем, что я собираюсь полностью положиться на совет мр. Мура, не спрашивая никого другого» (27.03.1664): Ibid. Vol. V. P. 101.

⁶³ См., например суждения о лорде Браункере, который завоевал расположение лорда Сэндвичского, что вызывало опасения Пипса, из-за чего он даже поспорил со своим благодетелем (16.03.1667): Ibid. Vol. VIII. P. 114–115.

доверять ему самому тоже нет. И этот вакуум доверия тоже становится одним из постоянных беспокойств.

Вторая ситуация связана с тем, что иногда в условиях потребности в доверии, напротив, срабатывают любые механизмы, что Пипсу также представляется неправильным. Так, однажды он пришел на прием к лорду-хранителю печати как полномочный представитель своего покровителя герцога Сэндвичского, не имея при себе необходимой бумаги, которая удостоверяла бы его полномочия, но два секретаря поклялись, что знают его в качестве такового, и этих слов оказалось достаточно⁶⁴. Пипс, безусловно, был рад такому развитию событий, но запись в дневнике свидетельствует о том, что такой подход вызвал у него недоумение и что он был удивлен тем, что подобные свидетельства удовлетворили лорда.

Здесь надо отметить, что официальный документ для нашего героя как человека, имеющего опыт чиновника, безусловно обладает намного более весомым статусом нежели чье-то слово и заслуживает большего доверия. Очень показательно, что слово *confide* в значении «доверяться, полагаться на чью-то лояльность» вообще отсутствует в его записях, а выражения *rely on* или *trust* нередко возникают в контексте какого-то сомнения или неуверенности: «Отправился обратно в Редрифф, и затем домой в офис, погруженный в мысли о том, что мне говорить завтра сэру У. Ковентри, отчитываясь о делах, касающихся снабжения продовольствием. Но я верю (*but that I trust*), что Том Уилсон подготовит для меня книгу к завтрашнему утру» (28.05.1666)⁶⁵. Что касается официальных документов, то, безусловно, для нашего героя это – важный механизм обеспечения доверия. Он составляет документы, он требует их от других, само занесение каких-то сведений в документ придает им легитимный статус. И даже практика ведения дневника делает факты более заслуживающими доверия, нежели если бы они воспроизводились по памяти. С этим связано стремление Пипса не допускать слишком больших разрывов между событиями и време-

---

⁶⁴ Ibid. Vol. II. P. 150. (09.08.1661).

⁶⁵ Ibid. Vol. VII. P. 134–135.

нем их фиксации в «Журнале». Он часто дает себе зарок закончить записи в дневник до определенного срока⁶⁶.

В целом, доверие отнюдь не является для Пипса несомненной ценностью, невзирая на то, что он постоянно сетует на невозможность доверять, оно теряет свою очевидность. Если взять такое проявление доверия как финансовая поддержка (*trust*), то автор дневника, конечно, сетует на то, что по долгу службы надо закупать какие-то товары, но денег нет, а без них никто эти вещи не отдаст, не доверит, одного слова теперь никому не достаточно (19.07.66)⁶⁷. Вместе с тем он отнюдь не полагает такое (да и любое другое) доверие чем-то естественным, самособой разумеющимся и желанным. Если обман – зло, то недоверие, скорее, видится ему разумной осторожностью. Он рассуждает о том, почему англичане «доверяли» (*trusted*) Оливеру Кромвелю, но не хотят спонсировать своего короля (12.04.65)⁶⁸. Как и в приведенных выше отрывках, здесь сквозит удивление, доверие представляется преимущественно актом неразумия, оно слепое. Для того, чтобы доверять, нужно иметь основания и осознавать их, и раз за разом Пипс обращает внимание на сам механизм формирования доверия.

Чаще всего, конечно, в дневнике идет речь о доверии к самому Пипсу со стороны других людей, связанном с его профессиональными обязанностями. Однажды, будучи на приеме у герцога Йоркского, который являлся адмиралом и, соответственно, главным начальником Пипса, последний стал рассказывать о том, как плохо работает их служба: «Я рассказал ему обо всех проблемах ведомства и о том, что это его обязанность, особенно в нынешнее время выявлять и решать их, поскольку он является адмиралом, с чем он согласился и по всей видимости отнесся к моим словам с большим доверием» (24.07.1668)⁶⁹. Любопытно и то, что Пипс в одной беседе со своим старым другом, которую приводит в дневнике, высказывает и соображения относительно тех качеств, которые лежат в основе подобного доверия к нему как к чиновнику морского ведомства: «Долго

---

⁶⁶ См., например: «Встал и был очень занят выполнением обета, закончить записи в “Журнал” за последние 7-8 дней» (12.02.1666): Ibid. Vol. VII. P. 40.

⁶⁷ Ibid. Vol. VIII. P. 210.

⁶⁸ Ibid. Vol. VI. P. 78.

⁶⁹ Ibid. Vol. IX. P. 267.

лежал в кровати, беседуя с мистером Хиллом обо всем, касающемся человеческой жизни и о том, как мало достоинство позволяет преуспевать в этом мире, только благосклонность. И о том, что случай, а вовсе не достоинства возвысили меня, и одна только старательность удерживает в том же положении и будет удерживать впредь. Покуда мы будем жить, как я, среди такого количества лентяев, старательные люди всегда будут необходимы, без них ничего невозможно сделать. И я рассказал ему о моих последних делах по снабжению продовольствием и сколько усилий я прикладываю к тому, чтобы вести дела с людьми таких разных придворных фракций и быть в хороших отношениях со всеми ними» (01.11.1665)⁷⁰.

Любопытно это выдвижение на первый план старательности, которая некоторым образом противопоставлена заслугам, достоинствам. Речь идет не о талантах и не о профессионализме. В начале своего дневника Пипс нередко отмечал, как тяжело было ему осваивать новые обязанности и разбираться в вещах, в которых он ничего не смыслил. Но здесь речь идет именно о готовности работать и прилагать усилия, в чем заключается сама суть карьеры чиновника и механизм доверия к человеку как к чиновнику. Также, как чиновник – это новый типаж в европейской культуре, старательность оказывается новым качеством, обеспечивающим особый тип профессионального доверия и к действиям, и к словам даже в весьма щекотливых, с точки зрения субординации, ситуациях.

Это доверие, покоящееся на старательности, само по себе не является для Пипса несомненным благом. Оно означает не только всеобщую готовность загрузить его дополнительными делами, но и то, что его стремление выполнить все поручения надлежащим образом воспринимается как само собой разумеющееся и потому не влечет за собой такого количества благодарностей и поощрений, на которые он рассчитывал. А Пипс, очевидным образом, рассматривал свою деятельность двояко – и как выполнение определенных обязанностей по отношению к государству, и как оказание личных услуг, что, по его мнению, требовало ответной благодарности. Однажды он отметил, что «с неудовольствием наблюдал, что все они (капитаны. – А.С.) полагаются на меня, и нет никаких причин беспокоиться об этом, но и

---

⁷⁰ Ibid. Vol. VI. P. 285.

благодарностей за мой труд тоже нет. Один только Браункер выглядел чрезвычайно упорствующим, словно он думал, что я и не собирался ничего делать даже для его спасения. Это очень меня огорчило, вдобавок к нехватке времени и объему работы, которые задержали меня почти до десяти вечера. И когда изрядно уставший, мрачный и раздосадованный я уже не мог продолжать, то решил устроить себе завтра утром отдых и в полном недовольстве и опустошении бросил все и отправился домой, лег спать, не поужинав, раздраженный и уставший и проспал около трех часов. Но затем проснулся. Никогда еще в своей жизни я не испытывал стольких беспокойств, думая о деле, которое было мне поручено, да еще так безосновательно, и о том, как это все может на мне сказаться» (04.03.1668)⁷¹. Иными словами, доверие, отсутствие которого все время волнует Пипса, в тоже время оказывается чем-то не обладающим безусловной ценностью, но налагающим обязательства, порой весьма тяжелые и неприятные, а то и вовсе вызывающим ощущение того, что тебя обманули, взвалив лишнюю работу.

Присутствие обмана, его вездесущность, невозможность доверять очень многим и неизбежная опасность оказаться одураченным или нагруженным разнообразными «доверенными» делами – все это порождает весьма болезненную реакцию Пипса, вынужденного выстраивать отношения в новом для себя окружении и то и дело наталкивающегося на обман и интриги. Публичная социальная жизнь оказывается источником постоянных проблем и раздражения, требует все время быть настороже, а значит – внимательно наблюдать за окружающими, поскольку все вокруг насыщено притворством и обманом: «Затем ко мне пришла мс. Тернер пожаловаться на прием, который она получила от милорда Браункера: что он много думает о том, что она еще не приобрела новый дом, хотя он сам заставил ее трудиться день и ночь, чтобы привести в готовность для него часть дома, и обещал, что она сможет оставаться столько, сколько ей удобно. Из этого, а также из его разговора о делах с сэром У. Ковентри, который, как я помню, он имел в последний понедельник, я понял, что он – самый продажный и лживый человек, каких я знаю, даже по сравнению с самим сэром У. Пенном, и потому я

---

⁷¹ Ibid. Vol. IX. P.102.

должен быть с ним настороже, и я, надеюсь, буду» (29.01.1667)⁷².

Эти аспекты отношения к чужому обману и доверию равно важны и тесно взаимосвязаны с тем, как наш герой относится своей собственной лжи и способности доверять или воспользоваться чужой доверчивостью. Даже если речь идет об обмане, не известном никому, кроме самого Пипса, строение фраз уже выдает внутренний дискомфорт от совершаемого поступка. Так, в марте 1664 г. он отправляется в церковь послушать модного проповедника, но обнаруживает толпу желающих попасть внутрь и стражей порядка, которые пускают лишь избранных в соответствии с имеющимися распоряжениями. Будучи никем не известным, Пипс притворился, что направляется к одному из знатных людей (чьи имена он знал), уже сидевших на скамьях церкви. Стражники «повернулись к приказам, развешанным на стене капеллы, и стали их читать. Они были удовлетворены, но не спросили, ожидают ли меня. Я несколько опасался, как бы тот, кого действительно ожидают, не пришел и не выдал бы меня» (25.03.1664)⁷³. Эти зарисовки интересны тем, что перед нами все же не психологический роман, который фиксирует переживания героя, сопутствующие тем или иным его поступкам. Кроме того, Пипс делает записи в дневнике либо вечером того же дня, либо и вовсе через несколько дней, создавая, тем не менее, иллюзию непосредственного, живого достоверного впечатления и переживания. И у нас есть резон полагать, что такая фиксация или конструирование в тексте переживания собственного обмана имеет для него немалое значение.

Этот внутренний разлад с самим собой, который порождает ложь, интересен тем, что в жизни автора (по меньшей мере, в той ее части, которая находит отражение в дневнике) то и дело возникают ситуации, в которых он вынужден притворяться или обманывать, и в первую очередь они связаны с тем, что происходит в публичной жизни. Притвориться кем-то другим, чтобы получить желаемую привилегию, льстить и изображать радость и удовлетворение в общении с нужными людьми, схитрить, чтобы все получилось как надо, и т.д. – сама жизнь требует постоянного притворства и лжи, и это волнует Пипса. Значитель-

---

⁷² Ibid. Vol. VIII. P.36.

⁷³ Ibid. Vol.V. P. 96.

ную лепту в подобные настроения вносит презрение его новых коллег, которые относятся к нему как к выскочке из низов. Пипсвынужден прилагать все возможные усилия, чтобы стать «своим», и постоянно изображать дружественность и благорасположенность, чтобы хорошо играть свою роль: «После обеда мы все отправились в «Порог церкви», где ели и пили, и я, как мог, притворялся веселым» (18.04.1661)⁷⁴; «Итак, на ужин с ними к сэру У. Баттену и весьма неплохо притворялся, но в душе обижен и обеспокоен всей компанией» (14.09.1662)⁷⁵.

Эта необходимость создавать видимость в свою очередь требует притворного не-видения чужого обмана, так что фальшь действительно пронизывает всю жизнь нашего героя, оказываясь одной из основных стратегий выстраивания им социальных отношений. Обычно нетерпимое отношение к публичному обману ассоциируется в первую очередь с аристократической культурой⁷⁶, но и для Пипслюбое публичное обнародование лжи – крайне болезненно. В наибольшей степени, конечно, это проявляется тогда, когда разоблачение обмана, к которому так или иначе причастен он сам, даже если это не его ложь, ставит его в положение лжеца: «Встал и [направился] в присутствие, где мы посидели, и в беседе за столом с сэром У. Баттенем я был принужден сказать ему, что это было неправдой, что весьма ему не понравилось, и он ушел в полдень очень сердит на меня» (02.08.1666)⁷⁷. Даже если аудитория такого заявления крайне мала и ограничена лишь домашними, обнародование лжи или именование лжецом оказывается сильным психологическим оружием: «После обеда мы с женой немного повздорили, и она назвала меня лжецом, чем сильно мне досадила» (08.06.1663)⁷⁸. Эта болезненность публичного обнародования лжи, прекрасное понимание эффекта, которое оно производит, вынуждает порой к молчаливому принятию чужого обмана ради поддержания необходимых социальных связей. И в этой ситуации дневник ока-

---

⁷⁴ Ibid. Vol. I. P. 78.

⁷⁵ Ibid. V. III. P. 197–198.

⁷⁶ Стивен Шейпин в своем известном исследовании о социальной истории правды связывает статус лжи и правды с аристократической культурой чести, в которой публичное именование лжецом могло быть смыто только кровью на дуэли: *Shapin S. Op. cit.* P. 107–114.

⁷⁷ *Pepys S. Op. cit.* Vol. VII. P. 232.

⁷⁸ Ibid. Vol. IV. P. 177.

зывается ценен среди прочего и тем, что дает ту самую возможность *говoreния* о лжи, которая является предметом нашего рассмотрения. Дневник превращается в подспорье для успешного поддержания нелегких отношений, позволяя его автору продемонстрировать самому себе собственную проницательность, иными словами, показать, что он не является обманутым, и выказать то действительное отношение к окружающим людям, которое за пределами частного текста приходится скрывать.

Публично известный статус одураченного столь же неприятен, сколь статус лжеца. И для Пипсанекомфортность даже положения неразоблаченного обманщика во многом связана с пониманием положения обманутого. В сентябре 1661 г. наш герой с компанией знакомых задумывают и осуществляют розыгрыш своего коллеги Уильяма Пенна, что поначалу видится Пипсу веселой забавой. Сэр Уильям Баттен стащил его пивную кружку (вероятно серебряную), а Пипс написал письма якобы от имени вора с требованием выкупа. Розыгрыш удался, шутники получили от Пенна 30 шиллингов выкупа и вместе пропили их в таверне, объясняя пьяной жертве суть дела. Хотя Пипс и не видит своей вины, он представляет себе неловкость ситуации, в которую они поставили Пенна: «И затем мы стали объяснять сэру У. Пенну суть дела, но он был пьян и почти валился с ног, так что мы не могли ничего ему втолковать, что еще больше нас развлекло. Но, я думаю, что оно и к лучшему, ибо полагаю, что когда он поймет, то будет очень рассержен. Он столько откровенно говорил о самом деле и о письме, что будет пристыжен тем, как этим злоупотребили» (09.09.1661)⁷⁹. Даже несмотря на всю нелюбовь к Пенну, Пипс написал, что очень расстроен тем, что эти опасения впоследствии подтвердились (12.09.1661)⁸⁰.

Наиболее эксплицитно эта некомфортность проявляется, когда наш герой сам чувствует себя оставленным в дураках, в особенности – подозревая измену со стороны жены. В середине мая 1663 г. он застал ее за беседой с учителем танцев, что вызвало у него длительный и мучительный приступ ревности, повлекший за собой размышления об этих своих переживаниях, о том, почему данное событие так его взволновало, и вправе ли он вообще ревновать свою супругу. «Встал с расстроенными мыслями и

---

⁷⁹ Ibid. Vol. II. P.175–176.

⁸⁰ Ibid. Vol. II. P. 178.

ночными сомнениями в отношении себя самого, за что меня стоит побить, если не приговорить к наказанию, ибо я чудовище. В особенности потому, что, как ведаёт Господь, я не нахожу достаточно честности в себе самом и могу изменить ей при малейшем соблазне, а потому не должен ждать от нее большей верности. Но Господь простит мне мой грех и нынешнее мое безумство» (16.05.1663)⁸¹. В конце концов, он признает, что ревность и подозрения были в большей степени вызваны его собственными обманами и неверностью, нежели реальными уликами против жены.

Эта история считается одним из наиболее ярких подтверждений зарождения интереса к «внутреннему Я», психологизму и интроспекции. И вместе с тем, крайне любопытно, как она представлена в тексте дневника. Пипс в этот раз не уточняет, в какой момент он записывал события 15 мая 1663 г., но в подавляющем большинстве случаев это либо вечер того же дня, либо один из следующих дней. В любом случае, пишет ли он под влиянием только что увиденного или более спокойно в последующие дни, он не выделяет произошедшее из других событий, записывая в свой черед – в самый конец минувшего дня. Более того, запись за 15 мая – одна из самых длинных в дневнике, бурные переживания ревности не изгладили из памяти ни занимательнейшие беседы с дворником на Пелл-Мелл об обустройстве дорожек, а с Томасом Крю о сексуальной жизни короля, ни услышанный разговор лордов о драке в доме графа Оксфордского (15.03.1663)⁸². Терзания ревности заняли строго отведенное им место, согласно хронологической последовательности впечатлений.

Эта история и рассказ о ней в дневнике интересны еще с нескольких точек зрения. Здесь проявляется отношение ко лжи, обману и измене (во всяком случае, своим собственным) как к слабости, но не то, какое можно было видеть в конце XVI в. у Монтеня или Бэкона, осуждающих ложь и притворство с позиции человека, наделенного разумом и силой воли для того, чтобы вести себя в соответствии с собственными представлениями о правильном и необходимом. Бэкон начинает свое рассуждение о притворстве с таких слов: «Притворство – прибежище слабых, ибо надобны силы ума и духа, чтобы знать, когда уместна прав-

---

⁸¹ Ibid. Vol. IV. P. 140.

⁸² Ibid. Vol. IV. P. 134–140.

дивость в словах и поступках»⁸³. Его не беспокоит сама по себе необходимость «скрыть и завуалировать свое собственное лицо», напротив, он признает скрытность необходимой чертой поведения благоразумного человека. Однако же, признавая даже допустимость некоторого притворства в искусстве дипломатии, он очень четко отделяет его от проявлений слабости духа и ума, ибо «привычное лицемерие есть порок, порождаемый либо врожденной лживостью, либо робостью, либо существенными нравственными изъянами, которые человек принужден скрывать, а для этого притворяться и во всем другом, дабы не утратить в притворстве сноровки»⁸⁴. Даже Монтень, начинающий свое рассуждение об изобличении во лжи с объяснения, что написание книги о самом себе означает не отсутствие недостатков, а желание в них разобраться, и признающий притворство характернейшей чертой французов и «нашего века», выводит его за пределы собственного опыта, объявляя, что нет ничего гнуснее этого порока, «ибо можно ли представить себе что-то более гадкое, чем быть трусом перед людьми и дерзким перед богом»⁸⁵. Для Пипса же подобные слабость и трусость оказываются повседневным опытом, то и дело возникают ситуации, в которых обман и притворство представляются ему наиболее приемлемым компромиссом.

Через несколько лет после описанной выше коллизии случилась одна из самых известных сцен в его семейной жизни, которая была связана с увлечением Пипсом служанкой Деборой-Уиллет. Жена застала его в самый неподходящий момент, что послужило причиной длительного семейного кризиса. Пипс все отрицал в надежде, что жена увидела не слишком много. И, комментируя эти события, он отмечает: «Очень надеюсь, что Господь простит мне эту ложь, ибо знает, как тяжело мне будет, если бедняжка из-за меня пострадает; ежели жена узнает, она никогда со мной не помирится и жить вместе нам будет невмogu» (09.11.1668)⁸⁶.

В этих двух историях обращает на себя внимание и манера обозначения собственного обмана, и упоминание о Боге, такое

---

⁸³ Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. Т. 2. С. 363.

⁸⁴ Там же. С. 364–365.

⁸⁵ Монтень М. де. Об изобличении во лжи. С. 399.

⁸⁶ Perys S. Op. cit. Vol. IX.P. 355.

обыденное, почти панибратское, словно Пипс проецирует на него свой внутренний монолог, за которым не стоит никакого раскаяния. Как отмечала Клэр Томалин, «Пипс знал, что он развратник и лжец, но в то же время был скептиком и гуманистом; он не исповедовался здесь (в тексте дневника. – А.С.) в грехах, но фиксировал факты своего опыта человека, живущего в непростом окружении. Только когда ты принимаешь во внимание наименее привлекательные аспекты его поведения, описанного в дневнике, ты можешь в полной мере оценить, какой триумф гуманизма он отражает»⁸⁷.

Однако само понятие гуманизма нуждается в некоторой оговорке. Это явно не то отношение к человеку, которые демонстрировали тексты даже конца XVI в. Когда Монтень, к примеру, говорил о лжи как о силе, разрушающей общество в целом и любые отношения в частности, за его рассуждениями стоял идеал человека, который должен обладать достаточной силой духа, независимостью и цельностью, чтобы быть честным как с самим собой, так и с другими. И конструирование себя посредством текста предполагало и одновременное конструирование некоего образа, на который можно ориентироваться, и определенное видение «правильного» общества и системы взаимоотношений.

У Пипса, пишущего текст иного рода и в другое время, лож нередко (но не всегда) оказывается лазейкой для человека, создающего свои слабости и недостатки для того, чтобы сохранить или поддерживать отношения, которые по той или иной причине представляются ему значимыми. К. Томалин в этой ситуации интерпретирует гуманизм как принятие самого себя, даже при очевидном выпадении из идеала, признание и достаточно комфортное существование с идеей «Я – такой».

Действительно, исследователи не раз отмечали, что фиксация своих недостатков или проступков в тексте дневника вовсе не означала, что Пипс стремился исправиться. Наблюдение за собственными огрехами и их признание, на первый взгляд, не влекли за собой никаких усилий по самосовершенствованию, но нередко приводили как раз ко всякого рода уловкам, которые можно объединить под понятием обмана. В гораздо большей степени Пипс был озабочен своим благосостоянием и положением в обществе, уважением среди коллег и домочадцев, и очень многие

---

⁸⁷Tomalin C. Op. cit. P. 209.

его действия, в том числе неблагоприятные, были связаны с желанием преуспеть в будущем.

Марк Найтс в исследовании отношения к коррупции по материалам дневника Пипса и его деловых бумаг демонстрирует, что наш герой имел представление о взяточничестве как о недостойном и вредном для государства поведении, чувствовал неловкость, принимая подношения, и фиксировал эту неловкость в дневнике, несколько раз публично давал показания о своем поведении при разбирательствах в отношении него самого и его коллег, но продолжал брать взятки⁸⁸ (согласно данным другого исследователя истории коррупции, ликвидные средства Пипса за менее чем 8 лет службы в Управлении флотом увеличились с 25 до 7000 фунтов⁸⁹). При этом Найтс отмечает, что в дневнике и в публичных разбирательствах Пипс использовал одни и те же стратегии легитимации собственного взяточничества, в частности – язык дружбы и дара⁹⁰, и, что также интересно, публично лгал, отрицая, что принял подношение, и заявляя, что вообще не использовал свое положение в личных целях, хотя в дневнике отмечал обратное⁹¹. Таким образом, заключает исследователь, «Пипс был вынужден лгать, чтобы легитимировать собственное поведение»⁹².

Речь идет не только о публичном обмане, но и о притворстве перед самим собой, которое, тем не менее, разоблачается в тексте дневника. Получив в апреле 1663 г. письмо из рук одного капитана и, поняв, что в нем находятся деньги, Пипс взял его, но пошел на хитрость: «Я не открывал его, пока не пришел обратно в офис; там разорвал его, не заглядывая внутрь, покуда все деньги не выпали, так что я мог сказать, что не видел никаких денег в бумаге, если меня будут об этом допрашивать» (03.04.1663)⁹³.

С точки зрения Найтса, К. Хилла и других исследователей, в этой записи содержится неоспоримое подтверждение того, что Пипс знал, что поступает плохо, а ложь помогала создать видимость того, что ничего дурного он не совершил. Более того,

---

⁸⁸*Knights M.* Samuel Pepys and Corruption // *Parliamentary History*. 2014. Vol. 33. № 1. P. 19–35.

⁸⁹*Noonan J.T.* Bribes: The Intellectual History of a Moral Idea. N.Y., 1984. P. 385.

⁹⁰*Knights M.* Op. cit. P. 25.

⁹¹*Ibid.* P. 26.

⁹²*Ibid.* P. 27.

⁹³*Pepys S.* Op. cit. Vol. IV. P. 93.

описание этого эпизода в дневнике свидетельствует о том, что он был доволен собственной хитростью. Гарри Бергер, имея в виду эту же, а также многие другие истории, отмечает, что появляющийся в них налет самодовольства можно принять за восхищение собственной ловкостью и изворотливостью, но задается справедливыми вопросами: Выдают ли эти записи чувство вины? Успокаивают ли они совесть? Выражают ли они удовольствие от действий, вызвавших чувство вины? Или удовольствие от комической прозрачности ее уверток? Какой ответ бы мы ни дали, заключает исследователь, он будет относиться не к тому «Я» Пипса, которое представлено в дневнике во временной длительности событий, а к тому «Я», которое пытается представить себя в тексте в длительности акта письма⁹⁴. Соответственно, мы можем говорить не только о секретах, которые записываются для собственного читательского удовольствия, но и о письме, о текстовой саморепрезентации себя, запечатлевающего секреты⁹⁵.

Однако, именно это удовольствие как раз во многом связано с идеей самосовершенствования – постепенного, но неуклонного продвижения к статусу уважаемого, преуспевающего, влиятельного, управляющего собственной жизнью человека. В конце каждого года, покуда финансовое положение еще доставляло беспокойство, Пипс отмечал свою радость от того, что его благосостояние еще улучшилось, и благодарил Бога за то, что дал силы сдерживать траты. Сама идея увеличения благосостояния, рачительности и экономии вполне соответствует духу «протестантской этики», что тоже могло служить источником удовольствия при описании получения нового дохода, а вот хитрости и уловки, как и в случае с поддержанием отношений с различными людьми, оказываются необходимым в существующих условиях компромиссом. В данном случае этими неблагоприятными условиями оказывается профессионализация работы чиновника, которая пока еще во многом держится на личных связях Пипса и его умении поддерживать хорошие отношения с нужными людьми (и потому взятка не является в полной мере таковой), но вместе с тем характер его деловой активности с этими людьми предполагает исключение личного компонента, сведение его к выполнению «обязанностей».

---

⁹⁴ Berger H. (jr). Op. cit. P. 573.

Обман и его репрезентация в тексте оказываются одним из важнейших вопросов полемики относительно интерпретации дневника Пипса. Оба упомянутых выше исследования любопытным образом перекликаются с работой Бенджамена Коулмана, также посвященной проблеме профессионализации сферы управления и соотношения частного и публичного. Однако Коулман разворачивал свои рассуждения в иной плоскости, связав их с давней полемикой относительно того, в какой мере дневник Пипса можно рассматривать как свидетельство становления европейской субъективности и буржуазной интроспекции, в свою очередь полемизируя при этом с Бергером. Соглашаясь в целом с его рассуждениями, Коулман отмечал, что, несмотря на введение еще одного уровня «Я-пишущего», Бергер по-прежнему, как и те, кого он критикует, говорит о субъекте, конструирующем, собирающем (если вновь, вслед за Бергером, проводить аналогии с бэконовскими рассуждениями об ученом) свое «Я», для которого первостепенное значение имеют его личные, частные действия, мысли и переживания⁹⁶. Однако, отмечает Коулман, дневник свидетельствует о том, что в образе собственного «Я», сформулированном в дневнике, особый внутренний мир имеет несравнимо меньшее значение, по сравнению с публично значимым статусом.

Действительно, представляется, что сложные и интересные рассуждения Бергера заканчиваются неожиданно простым ответом: текстовая структура усложняется на один уровень, и за «пишущим Я» автор обнаруживает все того же самодовольного субъекта, получающего удовольствие от «самособирания» посредством дневниковых записей. Вместе с тем возникает сомнение, прав ли Коулман, педалирующий коллективную идентичность, осознание Пипсом себя, в первую очередь, как члена общества, в особенности профессионального, и лишь во вторую, как индивида, обладающего особым внутренним миром?

Сложно отрицать как значимость социальных связей и положения в самоопределении человека раннего Нового времени, так и его внимание к собственной индивидуальности. И данное исследование не имеет своей целью ответить на самый сложный вопрос становления субъективности в культуре XVII в. Однако очевидно, что тема лжи не случайно оказалась тесно связана с

---

⁹⁶Kohlmann B. Op. cit. P. 567–568.

дискуссиями на эту тему, и анализ репрезентации обмана в дневнике Пипса позволяет обратить внимание на некоторые немаловажные аспекты данной проблемы.

Само внимание Пипса к малейшим проявлениям иллюзорности, притворства, поддельности свидетельствует о том, что все утратило свою непосредственность и привычные или «правильные» модели поведения и категории в повседневной жизни перестают срабатывать, а новые (та же модель поведения чиновника) еще не вполне сформировались. Наш герой, как совершенно справедливо отмечает Б. Коулман, уделяет в тексте дневника социальным связям, определяющим его положение в обществе, несравнимо больше внимания, чем собственным размышлениям и переживаниям, которые принято обозначать как «внутренний мир». Однако во многом это внимание связано с тем, что привычное самоопределение в рамках коллективных связей то и дело дает сбой. Пипс всюду обнаруживает ложь и лицемерие, из-за которых многие важные связи оказываются видимостью, поскольку в действительности каждый действует лишь в своих собственных интересах. Его попытки наладить отношения с ближайшими коллегами терпят неудачу, т.к. обе стороны лишь изображают дружескую взаиморасположенность, и эти связи не дают ни малейшего ощущения уверенности и устойчивости. Вместе с тем, то, что становится новым источником самоопределения и стабильности для людей XVII в., вроде Монтеня и Бэкона, – определение и конструирование себя через то, что мы понимаем под индивидуальностью, личностью, через ренессансный идеал разумного повелителя страстей и слабостей, также не срабатывает. Пипс раз за разом ловит самого себя на обмане разного толка, и эта ложь оказывается компромиссом не только с внешним миром, но и с собой – своими слабостями, сильными желаниями, сделкой, которая не проходит незамеченной, а нередко оказывается поводом для сильных переживаний или – напротив – для ироничной усмешки.

Запись, предваряющая дневник, также демонстрирует хаос того, то является важным для Пипса, очень частные переживания перемешиваются со статусными и даже с исторически значимыми. В отношении нее сложнее всего предположить спонтанность фиксации, и вместе с тем она совершенно не производит впечатление текста, написанного человеком, имеющим твердое понимание, кто он такой и что важно сказать для того,

чтобы дать себе характеристику. Безусловно, за почти 9 лет ведения дневника сам Пипс становится другим, он обретает авторитет и большую уверенность в своем новом положении, но тема лжи и ее болезненности продолжает сохраняться в тексте дневника.

В свете этих различных параллелей дневник Сэмюэля Пипса предстает как осуществление потребности в пристальном наблюдении и самонаблюдении как способе сохранять контроль над ситуацией. Даллас Денри отделяет «метод», предлагаемый Декартом, как реакцию на неочевидность и обманчивость всего сущего, который едва ли мог быть реализован в повседневной жизни. Более прагматичным, с его точки зрения, ответом оказывается апелляция к здравому смыслу и осмотрительности⁹⁷. Однако дневник Пипса демонстрирует, что, по меньшей мере в определенной среде, «научный подход» мог оказывать влияние и на повседневные практики. Тем более, что такие тексты Декарта, как «Правила для руководства ума» или «Рассуждения о методе», были обращены не только и не столько к «ученому», сколько к широкому кругу людей, нуждающихся в определенной модели поведения, позволяющей ориентироваться, в первую очередь, в доступной и интересующей их информации.

Идея регистрирования в тексте наблюдаемой реальности, которая теряет самоочевидность, соответствует и описанным выше тенденциям, и чиновничьему опыту Пипса с его особым восприятием статуса письменного документа. Документирование само по себе является способом осуществления контроля, но в данных условиях оно требует следования определенным правилам и нормам, коими становятся регулярность записей, соблюдение последовательности событий при отображении в тексте, точность и подробность в их описании. Опыт чиновника, порожденный трансформациями власти и ее способами бороться с нестабильностью, неочевидностью и обманом (которым Пипс, как мы видели, не только следовал, но иногда и сопротивлялся), оказывается очень близок к заинтересованности ученого (также ему не чуждой) в формировании норм исследования и вообще к потребности в существовании правил взаимодействия с окружающим миром, которая выразилась в появлении массы текстов, предписывающих те или иные нормы поведения. Мы здесь оставим за скобкой вопросы о том, насколько продуманным бы-

---

⁹⁷*Denery D.G. Op. cit. P. 159–160.*

ло ведение дневника у Пипса, но представляется убедительным, что его внимание к самым разнообразным элементам собственного опыта является такой своеобразной моделью поведения, значимой по меньшей мере в пространстве самого дневника. Он же, в свою очередь, представляет собой определенную форму взаимодействия с действительностью, дополняющей повседневные практики.

Проговаривание лжи также можно рассматривать как подобную модель нарративного поведения. Уличение обмана – основной механизм удержания контроля над ситуацией, порожденной этим обманом. Но невозможность его реализации в повседневной жизни (по меньшей мере, публичного разоблачения) вызывает потребность изобретать иные инструменты, одним из которых становится разоблачение лжи в пространстве частного текста. Это (также как нередко и сам обман) – своего рода компромисс, позволяющий сохранять ощущение контроля над ситуацией и не разрушать отношения публичным обнаружением лжи. Проговаривание своего обмана в тексте позволяет избежать разлада и с самим собой, не уподобляя свое поведение практике «мысленных оговорок». То самое здравомыслие, о котором пишет Денри, проявляется у Пипса в том, что он не дает себе обмануться своим собственным притворством. Разоблачив его и посмеявшись над ним или посетовав на то, что пришлось к нему прибегнуть, автор дневника получает возможность сохранить мир с самим собой и понимание того, как и почему он совершает те или иные поступки. Не случайно его так волнуют вспышки ревности, когда он теряет контроль над своими мыслями и чувствами, и их регистрирование в тексте дневника тоже оказывается способом сохранения контроля. В этом ракурсе внимание и к собственным уловкам, и к сомнениям, переживаниям, желаниям – иными словами, пристальная интроспекция – представляется не столько как попытка узнать или сконструировать самое себя (в которые она скоро действительно превратится), а как новый нарративный инструмент, позволяющий сохранять контроль над самим собой, сформировать ощущение понимания и объяснения происходящего, облекая в мысли и слова чувственный и эмоциональный опыт, иновый механизм доверия, по меньшей мере к самому себе. И в таком случае не имеет смысла рассуждать о том, является ли «пишущее Я» искомым «Я» Пипса, но, возможно, важнее рассматривать его как сформированную культурой/присвоенную/адаптированную удобную форму,

которую предлагает наука и опыт чиновника для того, чтобы разбираться в окружающей реальности и сохранять уверенность в самом себе.

Глава 4

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРЧИВОСТЬ В ЖИЗНИ ТОРГОВЦЕВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)*

Доверие является системообразующим принципом социального взаимодействия. Социальные контакты невозможны без допущения того, что противоположной стороне можно доверять. Тем не менее, границы доверия невероятно подвижны, оно сменяется сомнениями и подозрительностью – недоверием. Данная статья посвящена рассмотрению феномена доверия и недоверия в процессе проведения генеральных поверок торговли и промыслов, тому, какое влияние они оказывали на общественные отношения, возникающие в ходе подобных поверок, на взаимодействие между их акторами. В частности, исследовано доверие к участникам поверки, доверие в ходе поверок, доверие по результатам поверки и доверие исследователя к результатам поверки.

Источниковую базу исследования составляют материалы генеральных поверок торговли и промыслов, проходивших в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Данный источник является достаточно распространенным и типичным для своего времени, т.к. поверки являлись обязательной частью торговой жизни Российской империи. Кроме того, использовались жалобы и прошения торговцев, поданные при подготовке к проведению поверок, в ходе них и по их результатам, а также материалы о выборах в торговые депутации.

Согласно Положению «О сборах за право торговли и других промыслов» 1865 г., генеральная поверка торговли и промыслов должна была проходить ежегодно с целью ревизии правильности ведения торговли¹. В ходе поверки реально существующие

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ «Размер торговых прав обуславливается родом взятого свидетельства и количеством оплаченных пошлин. Поэтому дозволяющий себе производить промысел или торговлю не того рода, или не теми товарами, или не тем порядком, или не в той местности, которая ему предоставлена по свидетельству и закону, равно дозволяющий себе открывать более отдельных торговых заведений, чем

торговые заведения сверялись с полученными на них документами (или же выявлялось отсутствие последних)². По мере возможности также обращали внимание на правильность мер и весов, чистоту в заведениях, соблюдение правил питейной торговли и другие аспекты торговой деятельности.

В рассматриваемый период генеральная поверка производилась формально с первого февраля, а конкретные сроки определялись на местах. Посещению и поверке подлежали все торговые заведения, как в гостиных дворах, рынках и рядах, так и в частных домах, что делало генеральную поверку торговли и промыслов важным мероприятием и для торговцев, и для проверяющих.

Кто же осуществлял столь масштабное мероприятие? В городах непосредственно в поверке, как правило, принимали участие чиновник казенной палаты, член городской думы и два торговых депутата. Последние составляли депутацию, в которую входило «от трех и до семи депутатов, по выбору местного торгового сословия, из лиц, заслуживающих особенное доверие»³. На последнее слово стоит обратить внимание – торговцы должны были выбирать тех, кому доверяют, назначать их «быть свидетелями со стороны нашей»⁴. Данное требование тем более интересно, что ничего не известно об особом доверии к чиновникам казенной палаты или к гласным городской думы.

Кем же были эти «заслуживающие доверия» люди? Действительно ли ими являлись крупные и уважаемые купцы или мещане, способные защитить в случае необходимости интересы проверяемых? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим материалы об избрании торговых депутатов для проведения гене-

---

это ему, по количеству, оплаченных пошлин дозволено, считаются неправильно торгующими и подлежащими изобличению» (Российский государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2404. Л. 10–10 об.).

² Следует отличать поверку и проверку торговых заведений. С одной стороны, глагол «поверить» является устаревшей формой глагола «проверить», что предполагает идентичность понятий. В то же время в рассматриваемый период поверка в сфере торговли была неразрывно связана с конкретным мероприятием – генеральной поверкой торговли и промыслов. В данном контексте «поверка» предполагала сличение, сравнение с полученными торговыми документами, а проверка – обследование с целью контроля и выявления нарушений.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее – ПСЗ РИ – II). Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г. Ст. 100.

⁴ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 568. Л. 21.

ральной поверки торговли и промыслов в г. Красноярске в 1890 и 1896 гг. Данные выборы являлись типичными, и на их примере можно рассмотреть как процедуру выборов, так и их результаты.

Итак, выборы проходили в помещении городской управы в конце января и были инициированы Енисейской казенной палатой. Об этом через повестку информировали всех лиц, которые занимались торговлей и промыслами в Красноярске. В 1890 г. при распространении повесток пользовались двумя списками. В первом содержались фамилии лиц, торгующих по купеческим (гильдейским) свидетельствам, а во втором – список лиц, торгующих по свидетельствам мелочного торгового 3-го класса и приказничьим свидетельствам 1-го класса. В первом списке содержалось 29 фамилий, а во втором – 80⁵. Повестки получили не все: девяти из 29 купцов не оказалось в тот момент в городе, как и нескольких мелочных торговцев и приказчиков, некоторые сообщили, что болеют и не могут явиться на выборы.

Адресаты повестки 1896 г. были объединены в общий список, в который также входили все те, кто взял на 1896 г. гильдейские, мелочного торгового, промысловые и приказничьи 1-го разряда свидетельства. Всего – 114 человек⁶. Получатели повестки расписывались о ее прочтении⁷, тем не менее, это действие не мешало торговцам уклоняться от явки на выборы. В 1890 г. в назначенный день, 29 января, в здании управы собралось всего девять торговцев, которые и «избрали из своей среды» в присутствии члена управы Иоакима Игнатьевича Синявина шесть⁸ торговых депутатов⁹. Таким образом, из 109 человек, формировавших торговую среду города, в принятии решения участвовало только девять. 21 января 1896 г. также девять торгующих из 114 и член управы Потехин участвовали в выборах¹⁰. Кого же они выбрали? Кто оказался лицом, «заслуживающим особого доверия»?

---

⁵ Там же. Д. 251. Л. 3–5 об.

⁶ Там же. Д. 374. Л. 3–4 об.

⁷ Там же. Д. 251. Л. 2.

⁸ В перечне избранных также был указан седьмой человек – некто Тимофей Иванович Уваров, который отсутствовал в обоих списках. Его полное имя было взято в скобки, и в отличие от других депутатов его фамилия не была подчеркнута. Выяснить его роль в выборах не представляется возможным, т.к. в дальнейшем он не упоминается.

⁹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 251. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 374. Л. 5.

В 1890 г. торговыми депутатами были выбраны: дворянин Викентий Борковский, крестьяне Иван Смирнов и Александр Кусков, мещане Илья Гудилин, Капитон Назаров и Николай Горецкий¹¹. Никто из них не был купцом, все они занимались торговлей без перехода в купеческое сословие или же являлись приказчиками. Новым торговым депутатам об избрании сообщили повесткой, но в получении ее расписались всего четверо: Назаров, Гудилин, Смирнов и Кусков¹².

В 1896 г. было избрано 15 человек¹³, что оказалось гораздо больше, чем требовалось для участия в торговой депутации. По всей видимости, решение принималось с учетом того, что некоторые избранные откажутся исполнять обязанности.

Итак, анализ проведения данной процедуры показывает, что, во-первых, правом избирать своих депутатов торгующие пользовались неохотно и, во-вторых, избирали тех, кто на выборах отсутствовал. Последнее обстоятельство, вероятно, свидетельствует о том, что выборщики не стремились попасть в число «заслуживающих особого доверия». Но и вновь выбранные торговые депутаты не желали быть таковыми и заниматься проверками. Действительно, в повестке вновь избранным торговым депутатам от 22 января 1896 г. находим следующее. Павел Хилков сообщил: «По семейному положению обязанности этой принять не могу»¹⁴; Михаил Кузнецов заявил, что Егор Кузнецов находится в Енисейске; Иван Иванович Ростовых сказал, что сможет исполнять обязанности только до мая, т.к. в мае уедет на Нижегородскую ярмарку; некто (подпись неразборчива. – *Т.Я.*) написал, что «возложенные на меня обязанности могу исполнять лишь с 1 июня сего 1896 года»; Иннокентий Гаврилов отговорился тем, что «повестки не получал», а Никитин был «болен»¹⁵. В итоге четыре фамилии оказались вычеркнуты из повестки: Егор Кузнецов, Степан Никитин, Иннокентий Гаврилов, т.е. те, кто сообщил об отсутствии в городе, о болезни и о неполучении повестки. Еще один торговец – крестьянин Владимирской губернии Яков Покидаев – подал обращение с отказом

---

¹¹ Там же. Д. 251. Л. 6.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Д. 374. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 60б.

от участия в деятельности торговой депутации, ссылаясь на то, что выполнение обязанностей торгового депутата «в большинстве случаев может поставить меня в положение лица, отбывающего службу как повинность по принуждению, то есть недобровольно»¹⁶. К сожалению, прямого ответа на заявление Покидаева обнаружить не удалось, но то, что его фамилия оказалась также вычеркнута из повестки избранным торговым депутатам, косвенно свидетельствует о том, что его просьба была удовлетворена.

Среди торговых депутатов, избранных в 1890 г., четверо подали письменные «обращения» с отказом от участия в депутации: дворянин Викентий Борковский, крестьянин Вязниковского уезда Иван Смирнов, орловский мещанин Илья Гудилин и красноярский мещанин Николай Горецкий¹⁷. Все просители указали, что нести общественные службы им не позволяет профессиональная деятельность, но данный аргумент был общим для всех и не указывал на уникальность случая каждого просителя. Поэтому изыскивались другие аргументы: одиночество, т.е. отсутствие иных источников существования и надежда только на себя; наличие под опекой малолетних детей; слабое здоровье; частые отлучки из города; опыт несения других общественных служб¹⁸.

Итак, в 1890 г. четверо из шести торговых депутатов «отказались» исполнять свои обязанности, и их заявления/прошения об этом были удовлетворены, а потому возникла необходимость провести довыборы. Процедура повторилась 23 февраля 1890 г., когда в присутствии члена управы Иннокентия Алексеевича Матвеева было избрано еще пять депутатов. В этот раз в выборах участвовало 12 торгующих¹⁹.

Среди вновь избранных был купец 2-й гильдии Иван Иванович Кузнецов и четверо мещан: Павел Манусович, Александр Калугин, Николай Лямзин и Василий Рогатых²⁰. Двое последних были во втором списке, И. И. Кузнецов, естественно, в первом, а П. Манусович и А. Калугин в списках не значились вовсе. Данное обстоятельство заслуживает особого внимания, т.к. свиде-

---

¹⁶ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 374. Л. 8.

¹⁷ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 8–11; Д. 374. Л. 8.

¹⁸ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 8–11.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 13.

тельствует о том, что информация о проведении выборов сообщалась не всем торговцам города: возможно, Манусович и Калугин получили свои свидетельства уже после составления списков торгующих в городе Красноярске.

Подписи о том, что им известно об избрании, оставили Калугин, Манусович и Рогатых, который указал: «Настоящую повестку читал и избрание меня в торговую депутацию считаю не правильным и имею честь оспаривать»²¹. Но, по всей видимости, В. Рогатых не предпринял больше никаких действий к своему освобождению от должности торгового депутата, так же как и другие избранные, т.к. в апреле 1890 г. они все, включая Александра Кускова и Капитона Назарова, избранных 29 января, были приглашены в управу для присутствия при проведении поверки торговли и промыслов в Красноярске²².

Поверка должна была начаться 17 апреля 1890 г. в 10 часов утра, о чем членам торговой депутации сообщили «под роспись». Вызывает интерес приписка купца второй гильдии Ивана Кузнецова: «По болезни ноги быть не могу»²³. Такое совпадение (болезнь Кузнецова и начало проведения поверки торговли и промыслов) представляется не случайным. Возможно, это был еще один вариант ухода от исполнения обязанностей.

И.И. Кузнецов являлся единственным среди торговых депутатов человеком, происходившим из купеческого сословия. Он был не только купцом второй гильдии, но и гласным красноярской городской думы в 1883–1887 гг., членом уездного податного присутствия в 1885–1888 гг. и т.д.²⁴ По некоторым данным, он и в 1890 г. являлся членом городской думы, хотя в материалах о выборах об этом не сказано²⁵. Василий Рогатых, Александр Калугин²⁶ и Капитон Назаров имели лавки на Старобазарной и Новобазарной площадях, что свидетельствует об их достаточно высоком статусе и, возможно, объясняет их согласие участвовать в торговой депутации.

Таким образом, существовала практика отказа от выполнения

---

²¹ Там же. Л. 13 об.

²² Там же. Л. 17.

²³ Там же. Л. 17 об.

²⁴ ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 31. Л. 25–26.

²⁵ ГАКК. Ф. 606. Оп. 2. Д. 30.

²⁶ В 1909 г. Александр Калугин был уже купцом, учредителем торгового дома «Калугин и Ошурков».

обязанностей по выборным должностям, торговцы стремились избежать несения общественных служб, они не считали это избрание почетным и ответственным. Эта деятельность отвлекала их от основной занятости. Впрочем, были причины, по которым торговцы соглашались порой выполнять эти обязанности. Закон требовал избрания лиц, «заслуживающих особого доверия», но, как показал анализ материалов выборов, в торговую депутацию чаще попадали те, кто не смог найти уважительные причины, позволяющие отказаться от участия в ней.

Так или иначе, торговая депутация была сформирована, и начинался непосредственно этап проведения проверок. Какую роль играло доверие и недоверие в этом процессе? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть как доверие/ недоверие торговцев к представителям власти, так и доверие/недоверие представителей власти к торговцам. При этом ситуации, связанные с доверием, могли возникнуть на любом этапе проведения проверки.

Уже само появление депутации на пороге торгового заведения ставило перед его владельцем вопрос – доверять им или нет. Для того, чтобы люди могли отличить проверяющих от проходимцев, им из городской управы выдавались открытые листы, дававшие право входить в любое торговое заведение, и экземпляр действующего «Положения о сборах за право торговли и других промыслов»²⁷.

Недоверие к правильности действий чиновника Енисейской казенной палаты Маюрова высказывал купец второй гильдии Никита Матвеевич Воронов, торговавший скобяными²⁸, шорными²⁹ и москательными³⁰ товарами в собственном доме по Гостиной улице в городе Красноярске. В мае 1872 г. командированный Енисейской казенной палатой для генеральной проверки торговли надворный советник Маюров совместно с членом городской управы Чередовым и торговыми депутатами проводил проверку в лавке Воронова. Нарушений обнаружено не было, о чем Маюров и сделал соответствующую запись на свидетельстве.

---

²⁷ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 568. Л. 18.

²⁸ Скобяные товары – лёгкие железные изделия (скобы, крюки, задвижки и пр.).

²⁹ Шорные товары – упряжи, седла, уздечки и других подобные кожаные изделия.

³⁰ Москательные товары – краски, клеи, технические масла и другие химические вещества.

Спустя почти два с половиной месяца, 9 августа 1872 г. в 11.30 утра надворный советник Маюров, член городской управы Щепеткин, депутаты Иван Ростовых и Никифор Шевяков пришли в лавку Воронова, который в городе отсутствовал, выехав по делам. Проверяющие, пробыв в лавке с 11.30 до 14.30 часов дня, «остановили в лавке всякую торговлю»³¹. По итогам проверки был составлен протокол, который и не позволил Воронову совершить уже условленную сделку.

В своей жалобе Воронов делает упор именно на то, что это была уже вторая проверка его заведения, и оформлена она была как часть генеральной поверки торговли и промыслов. Он указывает, что в протоколе «а) не объяснено всех вышеизложенных происходивших событий, а также и то, что Г. Маюров в моей лавке при члене Управы Чередове и депутатах в мае месяце с. г. производил уже генеральную поверку торговли, и не находя никакого нарушения подписал о том на свидетельстве, б) чтобы без всяких законных оснований производить поверку во второй раз, и притом с изъясненными происходившими событиями на это г. Маюровым, не объявлено подлежащего узаконения в протоколе»³². Таким образом, Воронов ставит под сомнение право Маюрова совершать повторную поверку и не признает ее результаты.

Данный случай можно сравнить с ситуациями, возникающими в ходе проверок торговых заведений, когда торговцы отказывались выполнять требования проверяющего под предлогом недоверия к нему.

Так, санитарный надзиратель Е. Фильковский в рапорте санитарному врачу Н.А. Гланцу о проверке мясной лавки Герши Марксона 27 февраля 1911 г. сообщил, что обнаружил в лавке неклеименное мясо и хотел приступить к проверке, о чем и уведомил владельца, но Марксон заявил: «“Я не знаю вас” (что можно интерпретировать как “Я вам не доверяю”. – Т.Я.), хотя до настоящего случая имел неоднократно со мной столкновения, не позволил мне проделать этого и просил оставить его лавку»³³. Торговец высказал недоверие к личности проверяющего и вынудил его отправиться за помощью, что позволило ему самому спрятать неклеименное мясо и избежать наказания.

---

³¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 626. Л. 10 об.

³² Там же. Л. 11.

³³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 790. Л. 22.

Врач Шмелев в 1867 г. жаловался Енисейской врачебной управе, что «приходится нередко выслушивать не приличные, даже обидные замечания торговцев насчет неустановленного сбора, будто бы самовольного и неправильного осмотра предметов торговли. При осмотре же многие не дозволяют не только входить за прилавок, но и осматривать самые предметы торговли, не подают и не показывают их, отзываясь, что достаточно осмотреть издали, потому что они хорошего качества и просят довериться торговой совести»³⁴.

Важным является вопрос не только о доверии к проверяющему, но и проверяющего к торговцу. В спорных ситуациях депутаты должны были решить – доверять объяснению торговца или нет. Рассмотрим две противоположные ситуации. В одном случае на крестьянку Соломею Марьясову был составлен протокол за торговлю в деревне Крюковой Тюльковской волости без разрешения. Впоследствии выяснилось, что женщина своевременно оформила все документы и в момент проверки свидетельство было отправлено в Ачинское казначейство для получения табачного патента, но оно задержалось на почте, т.к. казначейство указало неверный адрес³⁵. Мы не располагаем сведениями, пыталась ли Соломея объяснить это упущение, но факт остается фактом: протокол был составлен, а спустя время был предъявлен и патент, и пропавшее свидетельство.

В другом случае чиновник казенной палаты поверил объяснению владельцев торгового заведения о том, что два амбара являются обычными складами для хранения товаров, продаваемых из лавки в гостином дворе. Поверил, несмотря на наличие вывески, согласно которой фирма «Товарищество Круглова и Кузнецов» торговала крупчаткой, мясом, крупами, солью и другими продуктами. Повторный визит в амбары (через день) показал, что вывески уже нет, но из амбаров производилась активная торговля. Еще на следующий день проверяющий увидел там пять груженных подвод³⁶. Так выяснилось, что два амбара являются торговым предприятием, а не складом, а их владельцы были определены как «явно уклоняющиеся от уплаты основного промыслового налога», умышленно нарушающие «Постановле-

---

³⁴ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1876. Л. 302.

³⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 56. Д. 5. Л. 8–8 об.

³⁶ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1333. Л. 45.

ние о государственном промысловом налоге», а поэтому им была определена самая высокая сумма штрафа³⁷.

Таким образом, проверяющие вынуждены были балансировать между доверием и подозрительностью по отношению к торговцам, и ни одна из этих тактик не оказывалась предпочтительнее. При оценке увиденного в лавке проверяющие в той или иной мере вынуждены были прислушиваться к объяснениям торговцев, что давало последним возможность для обмана.

Ход поверки и все замеченные нарушения фиксировались в специальном журнале, куда должны были вноситься подробные сведения о роде торговли и ее законности «с такою полнотою, чтобы впоследствии, при постановлении определения о правильности или неправильности производства торговли или промысла, не встретилось каких либо затруднений и недоразумений»³⁸.

Журналы генеральной поверки представляли собой заполненные по форме переплетенные листы приблизительно формата А4. На развороте расчерчивалась таблица, в которую следовало вносить все полученные результаты. Данная форма была утверждена Министерством финансов, иными словами, по мнению создателей, эта информация считалась достаточной для определения правильности выборки торговых документов. Итак, какие сведения о торговом заведении нужно было собрать, чтобы убедиться, что документ выбран правильно?

Проверяющий заполнял семь граф. Помимо информации о месяце и дате проведения поверки, о типе заведения и месте его расположения, следовало указать сведения о его владельце и о непосредственно торгующем, о выданном свидетельстве на право торговли и о реально производимой торговле (количество помещений, входов, приказчиков, служащих, суммы годового оборота и прибыли)³⁹. Таким образом, в журнале указывалось, на что конкретно должен был обратить внимание проверяющий.

Предполагалось, что у журнала будет читатель – чиновник казенной палаты, который на основании полученных сведений⁴⁰ делал выводы как о правильности ведения торговли в населен-

---

³⁷ Там же. Л. 46.

³⁸ ПСЗ РИ – II. Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г.

³⁹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 987. Л. 7–54.

⁴⁰ В определенных случаях, составителем журнала мог быть член городской думы или волостной старшина, но в городах Енисейской губернии при поверке, как правило, присутствовал чиновник казенной палаты.

ном пункте, так и о правильности проведения поверки. Вероятно, именно ему адресовались замечания о правомерном поведении такого рода: «Весы и гири верно, билет на видном месте»⁴¹. Подобные записи могли делать для того, чтобы при чтении журнала не возникало уточняющих вопросов, чтобы продемонстрировать, что торговая депутация осмотрела то, что нужно. Тем не менее, именно на этапе проверки журнала генеральной поверки торговли и промыслов возникал вопрос о доверии к качеству ее проведения. Рассмотрим один из типовых документов такого рода – по городу Канску за 1888 г., в котором присутствуют пометы, оставленные чиновником, проверявшим журнал в Енисейской казенной палате⁴². Составителем числился чиновник особых поручений той же палаты П. Кузнецов, лично проводивший поверку.

Чиновник казенной палаты, читая журнал, задавал вопросы и просил объяснения по всем случаям, вызывавшим у него сомнения. Диапазон вопросов колебался от «А кладовых сколько?» до «Хозяйка и приказчик – евреи? Объясниться о праве жидов производить торговлю»⁴³. П. Кузнецов, в свою очередь, давал ответы, что «кладовых одна в гостином ряду», что владельцы являются евреями и что «при выдаче свидетельства евреям, вне черты еврейской оседлости, должны требоваться удостоверения о праве их на жительство и производство торговли»⁴⁴. Представляется, что последний вопрос свидетельствовал о недоверии не только к проверяющему, но и к лицам, выдававшим торговые документы, т.к. данный вопрос должен был возникать на этапе получения свидетельства, когда и запрашивались все необходимые дополнительные документы.

Также возникали вопросы о наличии документов у сыновей и братьев владельца, если они торговали с ним в одной лавке, уточнялось к какой гильдии приписан тот или иной купец. Чиновника интересовало, сколько в лавке рабочих, могут ли евреи быть купцами, есть ли дополнительные свидетельства (разрешения), например, при торговле золотыми или серебряными веща-

---

⁴¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 568. Л. 45.

⁴² ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 987. Л. 7–54.

⁴³ Там же. Л. 8, 9 об., 10.

⁴⁴ Там же.

ми⁴⁵. Иными словами, его волновало все то, что могло повлиять на выбор свидетельства и билетов к нему, а в конечном итоге на размер поступлений в казну. В таком случае почему эти данные не указал при проверке сам Кузнецов? Он счел подобную информацию само собой разумеющейся и не требующей уточнения или же вовсе о ней не подумал? Вероятно, последнее. Так, при другой проверке на вопрос из казенной палаты о наличии договоров с приказчиками был получен ответ, что «договора, кажется, имеются, но мною пропущено по ошибке»⁴⁶.

Возникали и более сложные вопросы. В аптеке провизора Геймана Афанасьевича Сафонова, который продавал медикаменты по рецептам, казенную палату заинтересовал следующий вопрос: «А приготавливаются ли минеральные воды, продаются ли таковые, потребляются без рецептов? В утвердительном случае обязательно иметь свидетельство второй гильдии. Нет ли товаров хирургических и косметических?»⁴⁷. Ответом было: «Минеральных вод не приготавливается, хирургических и косметических товаров не продается»⁴⁸. Эти же сведения были включены в соответствующую графу описания торговли, по всей видимости, уже после возникновения такого вопроса. Примечательно, что карандашом записывали ответ на вопрос, а затем ручкой вносили эту информацию в графы. Вероятно, таким способом её пытались сделать официальной, поместив в положенное место в журнале проверки.

Поставленные вопросы показывают наиболее типичные потенциальные нарушения, имевшие место при ведении торговли. Они возникали на основе практики обнаружения подобных нарушений ранее. Чем более опытным был тот, кто проверял журнал, тем больше подобных вопросов он задавал. Профессионализм же непосредственного проверяющего, осуществлявшего генеральную проверку торговли и промыслов, ставился под сомнение. Увиденное им в лавке и зафиксированное в журнале не являлось определяющим при принятии решений о правильности ведения торговли.

Выше было сказано, что на этапе подготовки к генеральной

---

⁴⁵ Там же. Л. 8 об., 9 об., 10, 36.

⁴⁶ ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 45. Л. 34 об.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 987. Л. 30 об.–31.

⁴⁸ Там же.

поверке торговли и промыслов к чиновникам казенной палаты не предъявлялись требования о доверии. Анализ же журналов поверки показал, что имело место недоверие к результатам поверки со стороны вышестоящих чиновников казенной палаты. Причина этого – разница взглядов проверяющих. Более опытный чиновник обращал внимание не только на то, что внесено в журнал, но и на то, что оказалось туда не включенным. Представляется, что именно цель унификации взглядов проверяющих преследовали инструкции о проверке торговых заведений, в которых подробно перечислялось все то, что нужно указать в протоколе, включая правомерное поведение⁴⁹.

Таким образом, вопросы доверия возникали как при подготовке к проведению поверки, так и в ходе нее, а также после ее завершения. На разных этапах возникал вопрос о доверии или недоверии к представителям власти или торговцам. Анализ материалов генеральных поверок ставит, таким образом, перед нами вопрос: а насколько сам современный исследователь может доверять такому источнику, как журналы поверок? Внимательное чтение журналов показывает, что слишком много заведений проверялось в один и тот же день. Так, в Канске в 1878 г. за пять дней – с 23 по 27 июня – было проверено 94 торговых и промышленных заведений⁵⁰. В 1880 г. за пять дней – с 16 по 20 сентября – осмотрено 89 заведений. Обращает на себя внимание неравномерность этих поверок. Например, 18 сентября депутаты посетили всего одну лавку в гостином ряду, а 19 сентября – 37 заведений, включая 17 постоянных дворов, 15 харчевен, три питейных заведения, один водочный завод и один оптовый винный склад⁵¹.

При поверках в сжатые сроки и при более развитой торговле интенсивность поверок возрастала: в Красноярске в 1879 г., с 31 мая по 9 июля, проверяющие посетили 445 заведений⁵², но в реальности на визиты было потрачено только 20 дней. Таким образом, в среднем они осматривали 20-25 заведений в день, минимум – 9, максимум – 64 (биржевые заведения привлекли их внимание в последний день работы)⁵³. Возникает вопрос о каче-

---

⁴⁹См. например, ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1876. Л. 190–194 об.

⁵⁰ГАКК. Ф. 921-Д. Оп. 1. Д. 69. Л. 73 об.

⁵¹Там же. Д. 104. Л. 4–29 об.

⁵²443 пронумерованных + 2 из-за ошибок в нумерации. Среди них были не только торговые заведения, но и биржевая торговля, водочные заводы и пр.

⁵³ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 73.

стве подобной поверки, т.к., даже без учета перемещений по городу, на одно заведение уходило крайне мало времени. Кроме того, исследователь не может быть уверен, что проверяющие посетили все имеющиеся в городе торговые заведения и что указанные в журнале сведения о наличии или отсутствии нарушений соответствовали реальному положению дел.

В связи с этим вызывает особый интерес уникальный источник — следственное дело «О вымогательстве волостным старшиной Колмаковым с лиц торгового сословия в Минусинском округе Енисейской губернии в 1887 году», зафиксировавшее разбирательство по поводу нарушения представителем власти правил проведения проверок торговых заведений⁵⁴. Оно позволяет пролить свет на вопрос о фиксации нарушений в ходе этого процесса.

Тесинский волостной старшина Колмаков обвинялся во взятии им при поверке торговли в 1887 г. взятка с сидельцев питейных заведений. По формулировке следствия, он «взял взятку за недонесение о найденных им при поверке торговли в их питейных заведениях беспорядках»⁵⁵. Сообщалось о семи случаях в пяти деревнях. Нарушения были выявлены следующие: незапертые двери в соседнее помещение, распечатанные бутылки, отсутствие приказчиьего свидетельства. Сумма взятки варьировалась от пяти до 15 руб.

Следователь Куменков обнаружил протоколы, составленные в ходе поверки Колмаковым и смог сравнить сведения из них с журналом генеральной поверки торговли и промыслов. Среди материалов оказался и протокол, за уничтожение которого Колмаков получил от сидельца пять рублей. По неизвестной причине волостной старшина не выполнил своего обещания, но в журнале поверки записи о нарушении нет. В выписках Куменкова, сделанных из журнала, указаны обстоятельства поверки лавки: «В ней двое дверей, одни на улицу, другие в жилое помещение приказчика, которые были заперты навесным замком»⁵⁶. В протоколе же было указано, что в заведении было две двери: одна с улицы, а другая в жилые комнаты, и она была отперта: «И во время входа в заведение эти двери быстро заперла

---

⁵⁴ ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 981.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Там же. Л. 96.

женщина, назвавшая себя женою приказчика того заведения»⁵⁷. Итак, тексты протокола и журнала поверки противоречили друг другу. По всей вероятности, Колмаков все-таки планировал выполнить свою часть «соглашения», но по какой-то причине не сделал этого. В то же время перед нами пример своеобразной попытки «переписать» событие в журнале. Таким способом скрывали нарушение, описав вариант правильного поведения, а не абстрактное «нарушений не обнаружено». Вероятно, подобного рода фразы в журналах поверки могут свидетельствовать о том, какое именно нарушение обнаружено, особенно если результаты поверки других заведений описаны более скудно.

Заслуживает внимания и другой случай «работы с журналом». Согласно показаниям, с казака Черкасова за отсутствие свидетельства приказчика Колмаков взял 10 руб. Сумма взятки в данном и еще одном случае с «бесписьменностью» сидельца была выше 5 руб. Вероятно, это связано с тем, что речь шла об отсутствии документов, т.е. нарушение было серьезное. Оба этих проступка, впрочем, доказать не удалось, т.к. сидельцы не признавались в даче взятки.

В случае с Черкасовым из журнала поверки следует, что сидельцем в питейном заведении купца Данилова был указан фельдфебель запаса армии Шаболин, и, согласно журналу, «неисправностей не найдено»⁵⁸. Но свидетельские показания говорят об обратном. Из-за отъезда Черкасова на новое место жительства было решено о его случае допросить бывшего сельского старосту Степана Журавлева, который стал в этом деле понятным, а также крестьянина Никиту Медведева и сельского писаря Никиту Гамаюнова. Все они показали, что у Черкасова «не оказалось приказчиьего свидетельства, о чем тут же и был составлен Колмаковым акт»⁵⁹. Документ был ими подписан, но про взятки они ничего не знали. Этого Куменкову показалось недостаточно, и Гаврилу Черкасова все-таки «вытребовали» с его нового места жительства. Он признал, что свидетельства у него не имелось и что акт был составлен, но «о том, чтобы не давать хода составленному акту, я Колмакова не просил и сам он мне подобного предложения не делал; денег у меня не вымогал и я

---

⁵⁷ Там же. Л. 24.

⁵⁸ Там же. Л. 80.

⁵⁹ Там же. Л. 53.

ему денег не давал»⁶⁰.

Независимо от факта дачи или не дачи взятки, свидетельские показания подтвердили отсутствие у Черкасова документов и факт его работы сидельцем в момент поверки. Перед нами, таким образом, предстает случай, который, по логике «Положения о сборах за право торговли и других промыслов», должен был повлечь последствия. Речь идет не столько о привлечении к ответственности, сколько о необходимости взятия Черкасовым отсутствующего документа. Колмаков же вписал в журнал другого человека, вероятно, второго сидельца, для сокрытия нарушения – он не мог оставить не заполненную соответствующую графу. Тот факт, что, в отличие от некоторых других случаев, протокол был подписан всеми участниками поверки, говорит, вероятно, о серьезности намерений Колмакова относительно дальнейшего продвижения дела, а отсутствие протокола – на то, что его мнение что-то изменило. Случай Черкасова показывает, что сомнению необходимо подвергать не только фразы «нарушений не обнаружено» в журналах генеральной поверки, но и записи фактического характера, которые воспринимаются как правдивые.

Сокрытию нарушений способствовала практика ведения чернового и белого журналов. В рассматриваемом случае писал их писарь Петрашкевич⁶¹, но, по его свидетельству, делал он это спустя несколько недель после окончания поверки. Волостной писарь Селецкий просил сделать это скорее, «что мы и делали таким образом: Колмаков говорил мне, что писать, а я, с его слов, писал; многие беспорядки Колмаков признавал пустячными и включать их в белой журнал не приказал; поэтому много того, что заключалось в черновом журнале, в белой не вошло»⁶².

Колмаков же сообщил, что в составлении белого журнала он не участвовал, составлял его Петрашкевич в волостном правлении, а он подписал, не глядя⁶³. Колмаков был малограмотным, так что вполне мог и не вдаваться в подробности того, что написано в итоговом документе. В любом случае мы видим определенные практики заполнения журнала поверки. Лица низового

---

⁶⁰ Там же. Л. 90.

⁶¹ Петр Антонович Петрашкевич был сослан в Сибирь за участие в польском мятеже 1863 г., но по манифесту 15 мая 1883 г. ему вернули права дворянства. Он был холост и занимался письмоводством: Там же. Л. 86 об.

⁶² Там же. Л. 87 об.

⁶³ Там же. Л. 125.

уровня управления определяли, что заслуживает внимания, а что нет, при этом их решения могли противоречить действующему законодательству. В связи с этим справедливыми представляются вопросы, задававшиеся чиновниками казенной палаты в ходе ревизии журналов поверки.

Таким образом, особенности ведения делопроизводства позволяли скрывать нарушения. Проверяющие, в данном случае волостной старшина и писарь, оказывались один на один с бумагами и могли уничтожить протокол (как правило, за взятку), признать нарушение маловажным или просто не вносить его в журнал поверки и пр. В таких условиях протоколы являлись орудием в руках власти, а выявление и фиксация нарушений зависела и от личности представителя власти. Это ставит под сомнение любые сведения, содержащиеся в журналах генеральных поверок торговли и промыслов.

Рассмотрение вопроса существования между контрагентами доверия и недоверчивости в ходе проведения генеральных поверок показывает, что те, кто должны были «пользоваться особым доверием» торговцев, не всегда являлись таковыми. В то же время результат работы людей, к деятельности которых никаких требований в отношении доверия не предъявлялось, подвергался сомнению, их записи анализировались, им не доверяли. Особо значимым являлось доверие в процессе самой поверки, т.к. и та, и другая сторона могла стать жертвой обмана.

Журналы генеральных поверок торговли и промыслов как исторический источник не всегда содержат правдивые сведения о развитии и ведении торговли, но вместе с сопутствующими материалами они могут показать отношения, которые складывались между людьми в процессе проведения генеральной поверки торговли и промыслов, и то, как в них причудливо переплетались доверие и недоверчивость.

«Обман, везде обман!»

Глава 5

РЕВИЗИЯ ГИПОТЕЗЫ О ГИБРИДНЫХ ГРАМОТАХ*

«Доверяй, но проверяй!». Обычно этой поговорке следуют по отношению к высказываниям других. Мне же, вопреки обычаю, хочется подвергнуть сомнению свое собственное суждение.

Дело касается недавно опубликованной мной статьи, в которой я обратил внимание на некоторые странные грамоты XII в. из архива аббатства св. Петра в Генте¹. Во всех этих документах имеются явные нестыковки при их датировке, т.к. упоминаемые в них властные лица и свидетели, жившие в совершенно разное время, якобы были современниками или свидетелями зафиксированных в тексте актов самодарений на алтарь монастыря, совершенных некогда некими женщинами, хотя сами эти персоны, годы жизни которых нам часто хорошо известны, никак не могли бы все вместе стать участниками этих событий.

Объяснения этим несуразностям, когда-то предложенные моими предшественниками, суть которых сводилась лишь к возможным *ошибкам*, допущенным писцами при датировке грамот, не вполне меня удовлетворили. Речь идет не о двух-трех, а о целой *серии* таких документов, в чем можно легко убедиться, обратившись к таблице, приложенной к вышеупомянутой статье². Мы здесь сталкиваемся не просто с отдельными случаями, а с неким пока плохо или вообще необъясненным явлением.

Кроме того, эти якобы «ошибочно датированные» грамоты почти все были составлены исключительно *до* XIII в., что создает явно ложное впечатление о какой-то «особой рассеянности» писцов только того времени, которое предшествует указанному веку.

Наконец, даже если допустить возможность совершения этими монахами подобных описок, – которые, естественно, пусть и не в таких масштабах, вполне могли иметь место – то и тогда

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ Габдрахманов П.Ш. Мнимые ошибки в датировке грамот об алтарных трибунах аббатства св. Петра в Генте XI–XIII вв. // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 13–58.

² Там же. С. 32–58; Прил.: илл. и табл.

варианты «исправления» этих ошибок, предложенные моими предшественниками, далеко не всегда снимают все вопросы в датировке указанных грамот.

Вот почему мной и была предложена принципиально иная объяснительная схема, в которой я – обратив внимание на существовавший тогда средневековый обычай *многократного повторения* одного и того же публичного акта³ – предположил, что мы в таких случаях будто бы «неправильно» датированных документов, в действительности, имеем дело со своеобразными *гибридными* грамотами, в которых в ходе их *реновации* произошло наложение текста одного, более раннего акта на текст другого, более позднего, вследствие чего упомянутые здесь лица, жившие в совершенно разное время, и оказывались как бы современниками друг друга.

Можно ли полностью довериться этой версии? При всей кажущейся логичности предложенного мной объяснения речь все же пока идет не более, чем о *гипотезе*, которую еще необходимо подтвердить и которую можно было бы посчитать доказанной, если бы нам удалось воочию проследить *сам процесс* такого слияния текста прежней грамоты с текстом новой. Иначе говоря, если бы в подтверждение этого предположения в архиве аббатства удалось бы найти такой документ, который позже в ходе реновации объединился бы с новым в один общий обновленный текст дошедшей до нас гибридной грамоты с явными изъянами в ее датировке. Тогда «прямые улики» были бы налицо. Но, к сожалению, подобной «пары» грамот мне пока не удалось обнаружить.

Зато, напротив, в архиве аббатства оказалось немало так на-

---

³ В том числе, даже и таких торжественных, как так называемые праздничные рекоронации французских королей: *Польская С.А.* Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.) М.; СПб., 2017. С. 312–313. Обычный же дарственный акт многократно повторялся, как сказано в одной из грамот, «чтобы был крепче» (*ut firmior esset*): “...His apud Wilengem gestis, ut firmior esset eiusdem terrae largitio iterata est et renovata post paucos dies Gandavi ante altare sancti Petri” (Chartes et documents de l’abbaye de Saint-Pierre au Mont-Blandin à Gand / Éd. par A. Van Lokeren. T. I. Gand, 1868(далее. – VL). № 277. P.159, a.1163). С этой же целью иногда осуществлялось даже трехкратное его повторение, ибо – как говорилось в другой грамоте – «тройная веревка с трудом рвется»: “...Et quia funiculus triplex difficile rumpitur tercio omnia haec renovata, reconfirmata, exfestucata et abjurata sunt” (VL. № 286. P.164, a.1163).

зываемых *грамот-дубликатов*, которые, хотя и были составлены в самое разное время, являются абсолютно идентичными по своему содержанию⁴. Несмотря на разницу (порой довольно существенную) во времени записи, в каждой из них, тем не менее, дублируется один и тот же текст, который, как правило, совершенно одинаковым образом сообщает об одном и том же акте превращения одного и того же человека в алтарного трибутария аббатства⁵.

Вот, к примеру, две дубликатные грамоты (см. илл. № 1), повествующие об акте дарения себя на алтарь некоей женщиной по имени Иммецин, совершенном ею в 1108 г.⁶ По своему содержанию и формуляру они являются близнецами, совершенно неразличимыми и похожими друг на друга «как две капли воды», хотя по своей внешней форме они достаточно заметно отличаются друг от друга, так как между ними есть одно очень важное различие: судя по их письму, они были записаны в разное время, причем обе гораздо позже 1108 г., времени совершения самого акта. Одна (правая) – более ранняя – была написана во второй четверти XII в., другая (левая) – еще позже, в четвертой четверти XII в., т.е. обе они являются как бы обновленными

---

⁴ Вплоть до того, что вторая грамота воспроизводит иногда даже ошибки предыдущей.

⁵ Сохранились даже грамоты, которые были продублированы не дважды, а трижды. Об одном таком документе, дошедшем до нас в трех совершенно идентичных экземплярах, записанных трижды в разное время на протяжении почти полувека с конца XII в. до середины XIII в., см.: *Габдрахманов П.Ш.* Странный средневековый свиток. Загадки описания алтарных трибутариюв в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. Книга I. М., 2012. С. 65–68.

⁶ “Sciant tam presentes quam futuri sanctae matris ecclesie filii, qualiter quedam femina Immechin nomine, libera cum esset, tributariam se esse constituit in monasterio beati Petri apostolorum principis, ad venerationem beati Gudwali confessoris Christi, eo videlicet rationis tenore, ut tam ipsa, quam omnis posteritas ex ipsa processura singulis annis in censu solvant II den., in copula matronali (*sic!*) VI, post mortem XII. Advocatum vero nullum preter abbatem prefati loci habeant. Si quis autem hanc largitionis cartulam infringere temerarie presumpserit, iram Dei sanctique Gudwali confessoris incluti incurrat, et perpetue maledictionis vinculo nisi resipuerit subiaceat. Actum apud Alost anno dominice incarnationis M^o.C^o.VIII°, Philippo Francorum rege regnante, Rotberto iuniore monarchiam Flandrie tenente, et domno Sigero Abbate hoc cenobium regente; coram testibus subtitulatis: Sigero abbate. Huboldo Castellano. Ingelrico. Lidone. Bennone. Bovone. Folkino. Eremberto. Amalrico” (RijksarchiefteGent, Sint-Pietersabdij, VanLokeren N 178 (далее – RAG, StP, VL N 178) (a.1108); charte en double expédition: N 178a (a. 1108/2e *kwart* 12e e.) *Verso*: Immechin; N 178b (a. 1108/4e *kwart* 12e e.) *Verso*: Immechin de Morcele).

грамотами-копиями.

Впрочем, по отношению к ним и многим другим подобным им грамотам-дубликатам речь скорее следует вести не просто об их копировании, но и об *одной из форм реновации* грамот. Не случайно, что обе грамоты (каждая отдельно) были учтены дважды и в так называемом «странном» свитке, причем в совершенно разных местах содержащейся в нем описи грамот об алтарных трибутариях аббатства⁷. Этот факт явно свидетельствует о том, что автор этого перечня воспринимал их отнюдь не как *копии* одного и того же акта, а как две вполне *самодостаточные и равноценные* грамоты.

Это обстоятельство заставляет и нас тоже рассматривать их не просто как грамоты-дубликаты, но видеть в них прообраз гибридных грамот, в которых время их поздней записи как бы совпадало с более ранней датой отраженного в них события. По всей видимости, их нужно расценивать не как копии, а как некие своеобразные псевдо-оригиналы⁸.

Судя по тому же свитку, на момент его создания около 1238 г. в архиве монастыря хранилось гораздо больше грамот-дубликатов данного типа, чем то их число, которое дошло до нас. А потому возможно, что среди несохранившихся документов данного рода вполне могли оказаться и такие, которые на самом деле не являлись «близнецами», а фактически образовывали интересующие нас «гибриды», тем более, что некоторые из них, вероятно, были не просто воспроизведены, но и заново *воссозданы* в различное время при разных аббатах уже *вновь редакци*. На такую вероятность указывают некоторые несовпадения в содержании как несохранившихся документов, кратко описанных в том же свитке, так и грамот сохранившихся, но по какой-то причине не нашедших отражения в данном свитке, и которые несколько по-разному повествуют об актах дарения

---

⁷ См.: “Quedam femina nomine Immeccin sub Sigero abbate” (Габдрахманов П.Ш. Станный средневековый свиток. Приложения. С. 294; С. 191–192. № 115 = RAG, StP, VL N 178a (a. 1108/ 2^e *kwart* 12^e e.) *Verso*: Immeccin); “Quedam Immeccin nomine de Morcele sub Sigero abbate” (Тамже. С. 291; С. 158–159. № 49 = RAG, StP, VL N178b (a.1108/ 4^e *kwart* 12^e e.) *Verso*: Immeccin de Morcele).

⁸ Не исключено, что об этом догадывался уже издатель документов из архива аббатства Огюстен Ван Локерен, который был не так уж неправ, относя все подобные грамоты, в том числе и вышеупомянутые, к оригиналам – VLN 178, P. 114 (a.1108): *Original*.

себя на алтарь одними и теми же людьми⁹.

Об этом говорят и некоторые дошедшие до нас пары грамот, которые в какой-то мере *приближаются* к искомым «гибридам». Речь идет о тех случаях, когда в текст последующей грамоты-дублия все же вносились кое-какие модификации.

Например, сохранилась пара грамот, сообщающих вновь об одном и том же событии – акте дарения себя на алтарь, совершенном в 1222 г. при аббате Арнольде некоей девушкой по имени Аделиза¹⁰. У этих двух документов имеются не только свои палеографические особенности, поскольку второй из них был записан другим почерком на два-три десятилетия позже первого (ср. илл. № 2 и № 3), но и одновременно обращают на себя внимание некоторые довольно существенные различия в их содержании.

В текст более поздней грамоты был внесен ряд изменений: в ней дополнительно упоминались имена родителей этой *puellae*, и заново отредактирован список свидетелей, из которого исчезло имя одного из них – монаха Ансельма, а взамен него было внесено имя другого – Балдуина Фламинга. Кроме того, были добавлены имена двух других свидетелей – неких Ламберта,

---

⁹См.: “Quedam due femine nomine Allif et Hildewi tempore Sigeri (I?) (a.1089–1108) abbatis” (Тамже. С. 292; С. 169. № 72). Ср.: “... quedam femine nomine Hallief, Liedwif, Hildewif ... ad altare beati Petri ... cum filiabus suis Heila et Heila, Imma ... domno Gisleberto (a.1132–1138)abbate” (RAG, StP, VL N 219, a. 1137/*I^e kwart 13^e e.*). “Quedam de oppido Gandensi nomine Margareta cum filia Beatrice anno M.CC sub Arnoldo (II?) (a.1208–1230) abbate” (Тамже. С. 294; С. 195–196. № 123). Ср.: “... Ego Margareta filia Willelmi oppidani Gandensis ... in festo sancti Bavonis ad altare beate Marie in cripta ... anno dominice incarnationis M.C.XC.V^o, sabbato ante purificationem beate Virginis, coram domino Hugone (a.1190–1201)abbate” (RAG, StP, VL N 367, a. 1195–96, janv.).

¹⁰ “+ In nomine patris et filii et spiritus sancti amen. Notum sit omnibus christi fidelibus presentibus et futuris quod cum quedam puella Adelisa nomine de Nuekerke iuxta Rusflita, libera esset et liberis parentibus procreata se cum omni posteritate sua ad altare beatorum apostolorum Petri et Pauli in Blandinio tributariam constituit et ancillam tali conditione ut tam ipsa quam singule successionis sue persone ad idem altare duos denarios annuatim persolverent in matrimonio sex, in obitu XII. Advocatum nullum preter abbatem eiusdem loci haberent. Actum publice apud Rusflita, incarnatione dominice anno M^o.CC^o.XX°.II°. domno Arnoldo abbate (a.1208–1230) iam dictum cenobium regente, coram his testibus. S. domni Arnoldi abbatis. S. Willelmi de Port. S. Roberti de Velda. S. Anselmi monachorum. S. Hugonis et Balduini avunculorum predictae puelle. S. Johannis filii Bertulfi” (RAG, StP, VL N 467, a. 1222).

сына Бенигны и Вальтера из Занда¹¹. Примечательно, однако, что и в этой поздней грамоте сохранилось упоминание об аббате Арнольде II (1208–1230), хотя в действительности она была записана уже при аббате Иоанне (1245–1270), и оставлены без изменений сведения о некоторых прежних свидетелях, среди которых мы вновь находим двух дядей Аделизы по матери, Гуго и Балдуина, несмотря на то, что с момента составления первоначального документа прошло уже более двух-трех десятилетий.

Подобный «дубль» очень напоминает процесс создания обновленной гибридной грамоты, и даже, возможно, вторая грамота отчасти ею уже и является. Но тут неизбежно возникает другой вопрос: почему же тогда составители этих документов при их дублировании в одних случаях оставляют их текст без каких-либо изменений, а в других, наоборот, подвергают его все же некоторому редактированию?

Можно предположить, что в последнем рассмотренном примере имена новых свидетелей могли появиться в поздней грамоте как результат проведения какой-то *публичной процедуры*, очевидцами которой они могли стать и которая сопровождала процесс обновления прежнего текста.

В этой связи как же нам снова ни вспомнить и в который уже раз ни обратиться вновь как к «неисчерпаемому источнику» ко все той же судебной грамоте о статусе членов рода (*familia*) некоей Герлинды! Тем, кто следит за моими публикациями, вероятно, уже хорошо известно содержание этого акта¹². Тем не ме-

---

¹¹ “+ In nomine patris et filii et spiritus sancti amen. Notum sit omnibus christi fidelibus presentibus et futeris quod cum quedam puella Adeliza nomine filia Willelmi et Vorlief de Nova Ecclesia iuxta Rusflita libera esset et liberis parentibus procreata se cum omni posteritate sua ad altare beatorum apostolorum Petri et Pauli in blandinio tradidit tali conditione quod tam ipsa quam singule successionis sue persone ad idem altare duos denarios annuatim persolverent in matrimonio sex in obitu XII. advocatum nullum preter Abbatem eiusdem loci haberent. Actum publice apud Rusflita in presentia domni Arnoldi abbatis. Anno domini M^o.CC^o.XX°.II°. Coram hiis testibus.S. domni Arnoldi abbatis. S. Roberti de Velda. S. Willelmi de Port. S. Balduini Flamingi monachorum. S. Hugonis et Balduini avunculorum predictae puelle. S. Lamberti filii Benigne. S. Walteri de Zanda. S. Johannis filii Bertulfi, et multorum aliorum” (RAG, StP, VL N 467bis, a. 1222 /v.1245–70).

¹² См. подробнее о ней: *Габдрахманов П.Ш.* Странный средневековый свиток. С. 63–64; *Он же.* Время в родословных описаниях алтарных трибунариев XII–XIII вв. из аббатства св. Петра в Генте // Ретроспективная информация источ-

нее, кратко напомним, что представленная сначала на суде древняя грамота Герлинды о добровольном превращении себя в трибутарию аббатства не произвела на представителей графа Фландрии особого впечатления, поэтому ее потомкам, которым со стороны графа вменялся иск об их сервилном статусе, пришлось проходить особую публичную процедуру клятвенного соприсяжничества на специально для этого доставленных из монастыря по приказу аббата мощах святых. Лишь таким способом им удалось отстоять свой статус алтарных трибутариев аббатства. Затем была составлена новая грамота, которая, разумеется, сильно отличалась по своему содержанию от прежней, но в качестве исходного пункта в ней неслучайно сохранялось также упоминание и даже краткое описание содержания самого древнего акта дарения, составленного еще при жизни Герлинды¹³.

Обращаясь снова к грамотам-дубликатам, хочется спросить себя: не означает ли то, что в тех случаях, когда имело место лишь простое дублирование более раннего текста без внесения в него каких-либо новаций, в ходе обновления грамоты никакой публичной процедуры не проводилось и она лишь копировалась рукой другого писца?

Соответственно, в тех случаях, когда прибегали – как об этом свидетельствует только что вновь рассмотренный судебный

ников: образы и реальность / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2013. С. 36–52; *Он же*. Мнимые ошибки датировки грамот. С. 25–26.

¹³ “IN NOMINE PATRIS ET FILII ET SPIRITUS SANCTI. Gerlendis bene libera tributariam se constituit cum omni posteritate ex se processura ad locum Blandinium ut esset de familia sancte Amalberge virginis ad II, VI, XII denarios. Actum sub Lodthario(a.954–986) rege et Gerardo(a.941–955)abbate. Testes Walradus, Odachart, Ricolfus, Wenebertus, Segardus, Lezzo, Genboldus, Adhalarus, Bernardus, Blidardus. Ego quoque Rodulfus monachus vidi et notavi. Hec Gerlendis genuit filiam nomine Juttam, cuius filie fuerunt, Hildegardis, Ermengardis, Imma, et Helewit. Hildegardis genuit Juttam et Margaretam. Imma genuit Sigerum, Huboudum, Helewit, et Juttam. Hanc familiam tempore Philippi (a.1168–1191) comitis et Domni Hugonis(a.1161–1177) abbatis Sigerus notarius et Gerardus Blunde minister comitis servos et ancillas comitis esse dixerunt, et eorum substantiam ad comoda comitis publicare voluerunt.... Jussu abbatis allatis reliquiis sancti Petri quinque de familia eadem Sigerus scilicet et III nepotes eius idem iuraverunt, et Sigerus et Gerardus in presentia abbatis astantibus tam hominibus comitis quam abbatis tunc et sequenti dominica in ecclesia sancte Pharahildis coram omnibus vice comitis exfestucando eadem familiam Deo et sancte Amalberge virgini recognoverunt...” (RAG, StP, VL N 319, a. 954–955/a.1170/einde vande 12^e–begin vande 13^e eeuw).

процесс о статусе потомков Герлинды, – к публичному акту подтверждения грамоты в суде, либо потомки дарительницы совершали повторный акт дарения себя на алтарь, в текст обновленного документа, естественно, вносились соответствующие изменения.

Так это или не так, но все сказанное указывает на *множественность форм* реновации грамот данного типа, которые не сводились лишь к двум рассмотренным, причем некоторые другие их варианты представляют собой иногда довольно курьезные казусы¹⁴.

Так, в одном из них, судя по оставшимся внизу пергамена следам (см. илл. № 4), текст предыдущей грамоты был попросту смыт, а на его месте появился новый, написанный другим, более поздним почерком акт, в котором говорится о дарении себя на алтарь монастыря св. Петра некоей Титбергой, якобы совершенном ею вместе с ее дочерью Бертой в 1118 г.¹⁵ Не имея возмож-

---

¹⁴ Напротив, Юбер Нелис – единственный из моих предшественников, кто специально проанализировал по ряду аспектов проблему реновации грамот об алтарных трибунариях, – полагал, что существовали лишь две основные формы их реновации. Первая состояла в скрытном копировании текста первоначальной грамоты без какого-либо объявления, что речь идет об обновленной копии. Во втором случае, напротив, прямо и открыто заявляли, что грамота была заново обновлена (*renovata est hec carta*): *Nelis H. La rénovation des titres d'asservissement en Belgique au XIIe siècle // Annales de la Société d'émulation de Bruges. 1923. T. 66. P. 191–197.*

¹⁵ “In nomine sancte et individue trinitatis. Notum esse volumus universis sancte matris aeclesiae filiis presentibus et futuris, mulierem quandam nomine Thitbergam de Ansoldengem liberis parentibus procreatam, pro amore celestis patriae se cum filia sua Berta, et omni posteritate ex se processura, ad altare sancti Petri Gandensis seu Blandiniensis aeclesiae tradidisse, ea scilicet ratione, ut tam ipsa quam omnis posteritas sua singulis annis in censu II^{ss} persolverent *denarios*, pro badimonio VI, post mortem XII. Advocatum nullum preter ipsius loci abbatem haberent. Si quis hanc traditionem infringere temptaverit, iram Dei omnipotentis, et beati Petri et omnium sanctorum incurrat, et perpetue maledictioni, nisi resipuerit, subiaceat. Actum publice in monte Blandinio, anno dominice incarnationis M^o C^o XVIII°, comite Flandrie Balduino, Arnolfo abbate prefatum cenobium regente. Coram his testibus: Signum Hunradi decani. Signum Wetherici filii eius. S. Gerolfi. S. Henrici de sancto Petro. S. Franconis. S. Wigmanni magistri. S. Arnoldi villici. S. Alsteni. S. Rotberti. *Verso* : h Thitberga Titberga” (RAG, StP, VL N 193, a. 1118 /eind 12^e – begin 13^e e.). На последней строке грамоты проступают еле видимые слова, написанные несколько иным почерком: “... Franconis ..... S. Arnoldi villici S. Als.....”, схожие по письму и бледности чернил с одной из дорсальных надписей: “Thitberga”.

ности прочитать смытый текст, конечно, трудно судить об его содержании¹⁶. Но, очевидно, что он также имел прямое отношение к более раннему акту Титберги, поскольку в сохранившихся на пергамене следах читаются имена тех же двух свидетелей – Франко и Арнольда, которые были включены и в новый текст грамоты. А что еще важнее, обе дорсальные надписи на обороте грамоты дважды фиксируют разными почерками имя самой Титберги (см. илл. № 5). Значит, оба писца (каждый в свое время) описывали один и тот же акт ее дарения себя на алтарь.

В других курьезных случаях старый текст сохранялся, но в нем выскабливалось имя дарительницы (или со-дарительницы), а взамен его вписывалось новое имя. Например, в грамоте от 1132 г. сообщается, что некая уроженка Гента по имени Вергина стала алтарной трибутарией аббатства св. Петра вместе со своими дочерьми Матильдой и Агатой¹⁷. Однако, достаточно лишь взглянуть на фрагмент этого манускрипта (см. илл. № 6), чтобы сразу же заметить, что имя Агаты было вписано в него более поздним почерком, вероятно, вместо какого-то другого. Примечательно, что такое же исправление автор не забыл осуществить и на обороте грамоты в своей дорсальной надписи (см. илл. № 7).

---

¹⁶ Разумеется, его можно было бы прочесть при наличии у нас в руках самого манускрипта и специального оборудования для чтения палимпсестов. К тому же такая возможность явно создает некоторую интригу. Если новый текст окажется полным дубликатом предыдущего, то это неизбежно вызовет вопрос о причинах, по которым зачем-то потребовалось смывать старый текст. Он стал плохо читаемым (как это обычно декларируется в грамотах)? Или авторами этой затеи двигала какая-то другая цель? Конечно, если новый текст, напротив, был существенно изменен, это представляет для нас еще больший интерес.

¹⁷ “+ In nomine patris et filii, et spiritus sancti, amen. Notum sit universis Christi fidelibus tam futuris quam presentibus, quod ego Verghina ex oppido Gandensi orta, cum essem libera, et ex liberis parentibus procreata, ut tam ego quam omnis posteritas mea, in posterum de familia beati Petri principis apostolorum essemus, ad candelabrum ipsius In Cenobio Blandiniensi, ubi requiescunt corpora sanctorum confessorum : Wandregisili abbatis, Ansberti, Wlframni, et Gudwali episcoporum, cum beatissima Christi virgine Amalberga, ceterisque aliorum sanctorum pigneribus, cum filiabus meis, Machtilde et *Agatha*, ancillam tributariam constitui, ea siquidem conditione, quod tam ego quam omnis mea posteritas In Cathedra eiusdem apostoli II^{os} denarios, In matrimonii contractione sex, post mortem vero duodecim singulis annis persolvam. Advocatum vero nullum preter abbatem prefati loci habebimus. Actum anno domini M^o.C^o.XXX°.II°” (RAG, StP, VL N 210, a. 1132 / I^e kwart 13^e e.). *Verso* : “*Werghina de Gandavo cum filiabus suis Machtilde et Agatha*”.

Еще один похожий случай мы находим и в другой, более ранней грамоте, написанной в 30-е гг. XI в., в которой сообщалось об акте дарения себя на алтарь некоей Фортлиф. Позже ее имя было стерто, а вместо него почерком уже второй половины того же века в грамоту вписали другое имя, некоей Хильдегардис – дочери, как полагают издатели, этой Фортлиф (см. илл. № 8). Но на этот раз писец «забыл» удалить имя ее матери в других местах грамоты. В результате на свет явился странный гибрид, из текста которого весьма трудно понять, кто же являлся истинным субъектом самой сделки – Фортлиф или Хильдегардис¹⁸.

Все эти манипуляции могут показаться нам примитивными способами какой-то грубой фальсификации. Но, по всей видимости, подобные «исправления» и «ошибки» не считались подделками грамот, ведь они дошли до нас не из личных архивов семей алтарных трибутариев, а из архива самого аббатства. Значит, все это проделывалось писцом, видимо, с ведома администрации монастыря и по обычаю того времени, а сами алтарные трибутари, прибегая к такого рода странным обновлениям грамот своих предков, тем самым просто экономили средства на изготовлении новых документов на дорогом пергамене.

В этой связи следует отметить, что не только изготовление подобных странных и сомнительных частных грамот, но и написание различного рода фальшивых папских булл, королевских дипломов, графских и епископских актов было чуть ли не обыч-

---

¹⁸ “In nomine patris et filii et spiritus sancti. Notum volumus esse universis sanctae matris ecclesie filiis, presentibus et futuris, qualiter quedam femina nomine *Hildegardis* (*Hildegardisvan hand tweede helft XIe eeuw op rasuur te schrijven – прим. издателей*), libera cum esset et ab ingenuis procreata parentibus, tributariam se et omnem posteritatem ex se processuram constituit esse, Gandavi in loco Blandinium dicto, ... Ea etiam interposita ratione, ut si ipsa Fortlifh virum suum, nomine Raingerum, supervixisset, et se solam absque filiis per istum virum procreatis, si tamen aliqui sunt, absolvere vellet ab illius traditionis lege, unam de suis propriis mancipiis mulierem filios procreantem et eiusdem traditionis legibus cum omni posteritate sua subiacentem, pro se sancto Petro in memorato loco traderet, et sic libera permaneret. ... Actum publice Gandavi in loco Blandinium dicto XI° kl. Augusti, regnante rege Henrico. Signum ipsius Fortlifh, que hanc traditionem fecit et firmari petiit...” (RAG, StP, VL N 103 / Uitg. M. Gysseling et A.C.F. Koch. *Diplomata Belgica ante annum millesimum centesimus scripta*. s. l., 1950. № 89. P. 192, a. 1031–1034, Juli 23 / *Deze oorkonde werd klaarblijkelijk later in de 11^e eeuw vernieuwd door op rasure de naam van de dochter(?) van Fortlifh te schrijven*).

ным делом монахов средневековых монастырей, в том числе и в аббатстве св. Петра в Генте¹⁹. Между тем, важно учесть и те мотивы, в соответствии с которыми фабриковались сами эти подделки. Как правило, монахами двигали не жажда наживы или желание незаконным способом приобрести явно им не принадлежащее, а стремление отстоять и подтвердить свои законные права на то владение, обладание которым казалось им абсолютно справедливым²⁰. Вот почему и манипуляции с текстами грамот потомков алтарных трибутариес казались им, вероятно, вполне приемлемыми и легко вписывались в их собственные представления.

Вспоминая о вышеупомянутой Агате, следует заключить, что и в ее случае речь тоже, видимо, следует вести о подтасовке, совершенной по просьбе самой Агаты, давшей согласие, ради подтверждения своего собственного статуса, на удаление из прежнего текста грамоты имени какой-то из своих старших сестер.

Сохранилось множество других грамот, в которых дочери дарительниц якобы совершают совместный акт дарения себя на алтарь вместе со своей матерью, хотя на самом деле акт их родительницы и их собственные акты были, скорее всего, составлены каждый в свое время и отдельно друг от друга, о чем эти дочери иногда даже проговариваются.

Так, в одной грамоте говорится об акте дарения себя на алтарь, совершенном в 1090 г. некоей Дувин якобы *вместе* с ее двумя дочерьми Фольквиф и Одой²¹. Между тем, из дальнейше-

---

¹⁹ Не без влияния этой всеобщей практики в папской канцелярии, начиная с XII в., создается даже целая система защиты апостольских привилегий от подделок, сопоставимая по своей надежности с системой защиты на денежных знаках. См. подробнее: *Чиркова А.* Можно ли рисовать на папских привилегиях? (Казус конца XII века) // *Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней* / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2010. С. 33–66, здесь С. 39.

²⁰ См. обзор: *Huyghebaert N.* Quelques chartes épiscopales fausses pour Saint-Pierre au Mont Blandin à Gand forgées aux XIIe et XIIIe siècles // *Bulletin de la Commission Royale d'Histoire*. 1982. T. 148. P. 28–31; *Declercq G.* Traditievorming en tekstmanipulatie in Vlaanderen in de tiende eeuw. *Het Liber Traditionum Antiquus* van de Gentse Sint-Pietersabdij. Brussel, 1998.

²¹ “IN NOMINE PATRIS ET FILII ET SPIRITUS SANCTI AMEN. Notum sit in nobis sanctae matris ecclesiae filiis tam presentibus quam futuris, quod quaedam faemina nomine Duvin, cum filiabus Folquif, et Oda, et Ingelrad de villa Horenbecca, cum essent liberae tributarias se constituerunt ad altare sanctae Mariae

го рассказа следует, что упомянутые две сестры, дочери Дувин, совершили данный акт дарения самостоятельно и без всякого участия в нем их матери, о чем было прямо сказано в конце самой грамоты: *S. Folquif et Odae quae hanc traditionem fecerunt; nos duae sorores traditionem hanc fecimus.*

Как же можно объяснить это странное противоречие? Очевидно, имело место следующее: в 1090 г. Дувин действительно пожертвовала себя и свое потомство на алтарь Девы Марии, но была ли при этом написана грамота, мы не знаем – она до нас не дошла. Зато сохранилась более поздняя грамота ее дочерей, в которой они повторно оформляют ранее совершенный в 1090 г. акт их матери как якобы совместный вместе с ними и еще какой-то другой родственницей. Вероятно, тем самым они хотели оформить свою связь с монастырем как имеющую более древние корни.

Возможно, что эти акты дарения себя на алтарь со стороны дочерей не обязательно всегда совершались публично в ходе специально проведенной процедуры, и женщины могли лишь просто добавить свои имена к имени своей матери в акте, совершенном ею ранее, составляя об этом якобы их совместном акте новую запись.

Можно было бы и дальше продолжать рассматривать одну за другой грамоты об алтарных трибутариях аббатства св. Петра, но уже и сейчас ясно, что тексты документов данного типа в процессе их реновации спустя многие годы не только могли неоднократно дословно дублироваться, но и подвергались различного рода редактированию и даже сомнительным манипуляциям. В итоге часто образовывалось некое подобие гибрида, а это

---

virginis in loco Blandinium dicto, ea ratione ut singulis annis in nativitate eiusdem virginis solvant II denarios, in coniugali copula VI, in morte XII. Advocatum nullum preter abbatem eiusdem loci haberent. Si quis autem aut ipsae matronae, quod absit, aut alia quaelibet persona hanc traditionem infringere temptaverit, iram sanctae Mariae et omnium sanctorum incurrat, et perpetuae maledictioni nisi resipuerit subiaceat. Actum anno M^o. nonagesimo dominicae incarnationis, Phylippo Francorum rege, Rotberto Flandriarum comite, Abbate Folcardo hoc cenobium regente, coram hiis testibus, quorum haec sunt nomina: S. Folquif et Odae quae hanc traditionem fecerunt. S. Folcardi abbatis. S. Razonis de Gavera. S. Rothardi de Sotengem. S. Razonis de Melne. S. Ascrici de Munte. S. Erpulf de Suinarde. S. Ascrici de Afsne. S. magistri Rengeri. Coram hiis testibus nos duae sorores traditionem hanc fecimus et tam posteritatem ex nobis processuram quam nos ad supranominatum locum presenti carta constrinximus” (RAG, StP, VL N 162, a. 1090 / *vernieuwd 1^e kwart(?) 12^e e.*).

значит, что гипотеза о возможности «наложения» текста прежней грамоты при ее последующем подтверждении на текст обновленной грамоты вполне имеет право на существование

.

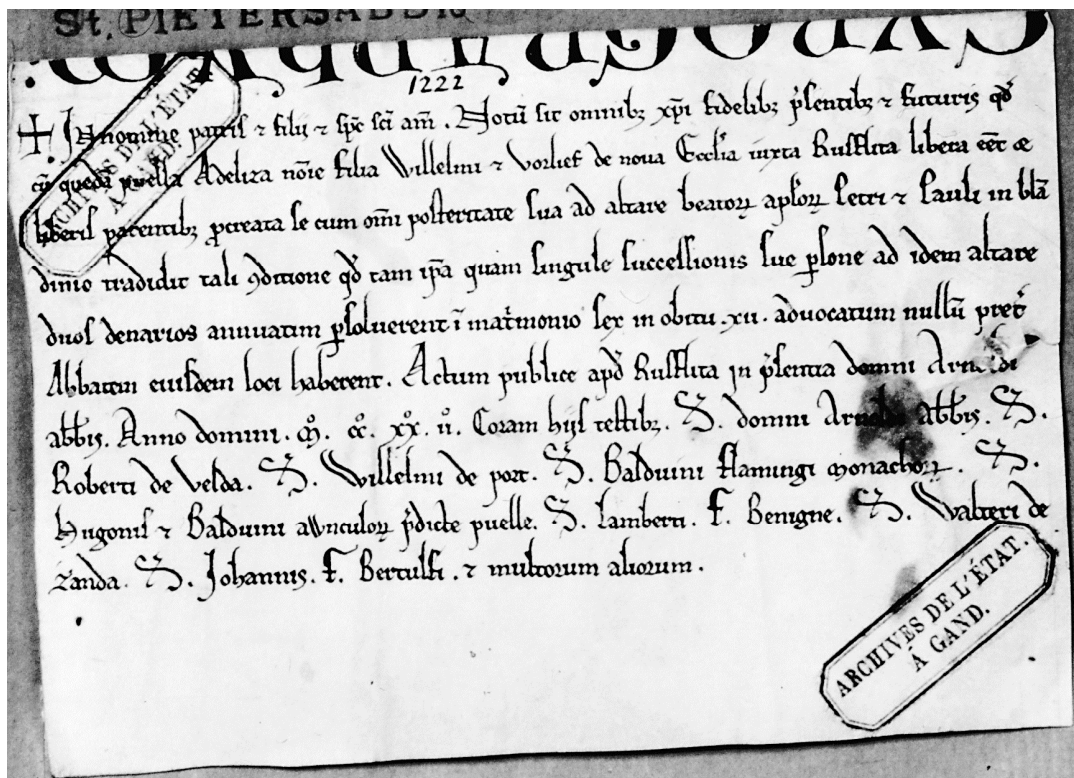

1108
 Sciatis tam presentes quā futuri sēc mat̄ ecclie filii. qualiter
 quedā femina Immezin nomine. libera cū esset. obutaria
 se ēē constituit in monasterio beati Pet̄ ap̄loy p̄ncipis. ad
 uenerationē beati Guduali confessoris xpi. eo uidelicet
 rationis tenore. ut tā ip̄a. quā om̄is posteritas ex ip̄a pro-
 cessura singulis annis in censu soluant. ii. den. in copula
 matrimoniali. vi. post mortē. xii. Aduocatū ū nullū p̄t
 Abbate prefati loci habeant. Siq̄s autē hanc largitionis
 cartulam infringere temerarie p̄sumpserit. iram dei. s̄q̄
 Guduali confessoris inelyti incurrat. et p̄ter maledictio-
 nis uinclo nisi resipuerit subiaceat. Actū apud Alost anno
 dñice incarnationis. m̄. c̄. viii. Philippo francoꝝ rege reg-
 nante. Roebro iuniorē monarchiam flandrie tenente. et
 domno Sigero Abbate hoc cenobiū regente. corā testib; sub-
 titulatis. Sigero Abbate. Huboldo Castellano. Ingelrico
 Lidone. Bennone. Bouone. Folkino. Erembro. Amalrico.

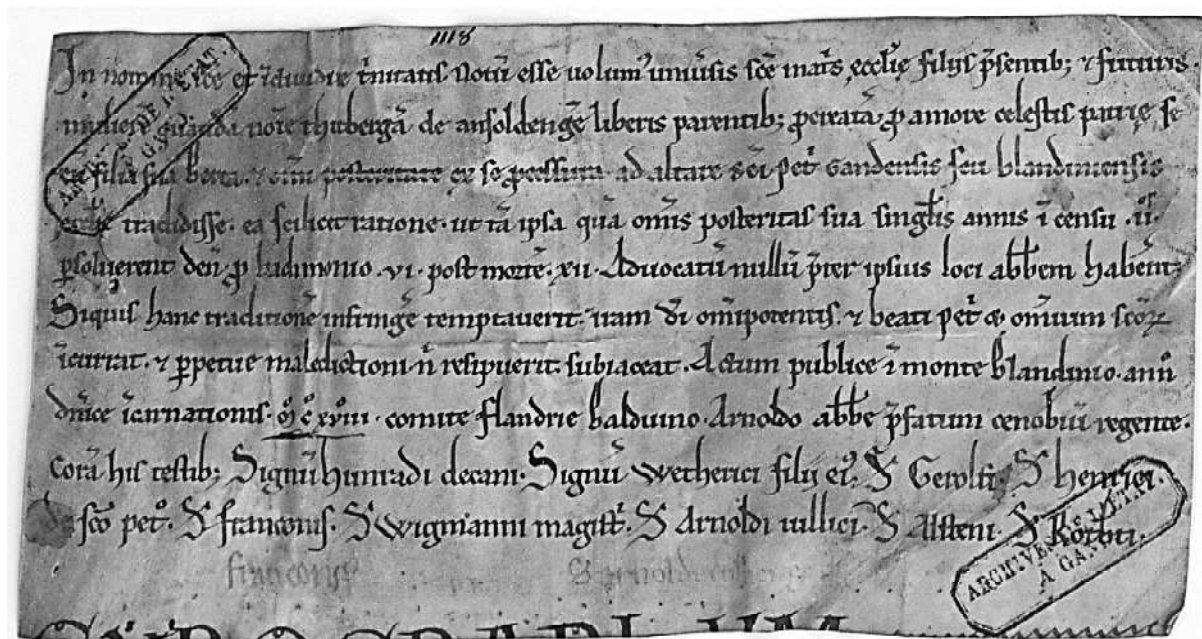
1108
 Sciatis tam presentes quā futuri sēc mat̄ ecclie filii.
 qualiter quedā femina Immezin nomine. libera cū
 esset. obutaria se ēē constituit in monasterio beati Pet̄
 ap̄loy p̄ncipis. ad uenerationē beati Guduali confessoris
 xpi. eo uidelicet rationis tenore. ut tā ip̄a. quā
 om̄is posteritas ex ip̄a. p̄cessura singulis annis in
 censu soluant. ii. den. in copula matrimoniali. vi.
 post mortē. xii. Aduocatū ū nullū. p̄t abba-
 tem prefati loci habeant. Siq̄s autē hanc lar-
 gitionis cartulam infringere temerarie p̄sumpse-
 rit. iram dī. s̄q̄s Guduali confessoris inelyti incur-
 rat. et p̄ter maledictionis uinclo. nisi resipue-
 rit subiaceat. Actū apud Alost anno dñice
 incarnationis. m̄. c̄. viii. Philippo francoꝝ
 rege regnante. Roebro iuniorē monarchiam
 flandrie regente. et dono Sigero abbe hoc
 cenobiū regente. corā testib; subtitulatis. Sigero
 abbate. Huboldo castellano. Ingelrico. Lidone.
 Bennone. Bouone. Folkino. Erembro. Amalrico.

COPIA
✠ In nomine patris et filii & sps sci amen. Notum sit omnibus xpi fidelibus presentibus et futuris
quod cum quedam puella adalisa nomine de muerke in ruffata libera esset & liberis parantibus pro
creata se cum omni posteritate sua ad altare beatorum apostolorum petri et pauli in blandino tributariam con
stituit: ancillam tunc condicione ut tam ipsa quam singule successiones sue persone ad idem altare duos de
narios annuatim persolverent in matrimonio sex. n. obit. xii. Advocatum nullum preter altarem eadem loci
haberent. Actum publice apud ruffata. incarn. dnice anno. d. cc. xx. n. domino arnoldo altare iam dicti
cenobii regente. coram his testibus. I. domini arnoldi altaris. I. Wilhelmi de port. I. rothi de veld. I.
anselmi monachorum. I. hugonis et baldum advocatorum predictae puelle. I. Johis. f. bertulfi.

ARCHIVES DE L'ÉTAT
A GAND.

Илл № 3: RAG, StP, VL N 467bis (a.1222/v.1245–70)

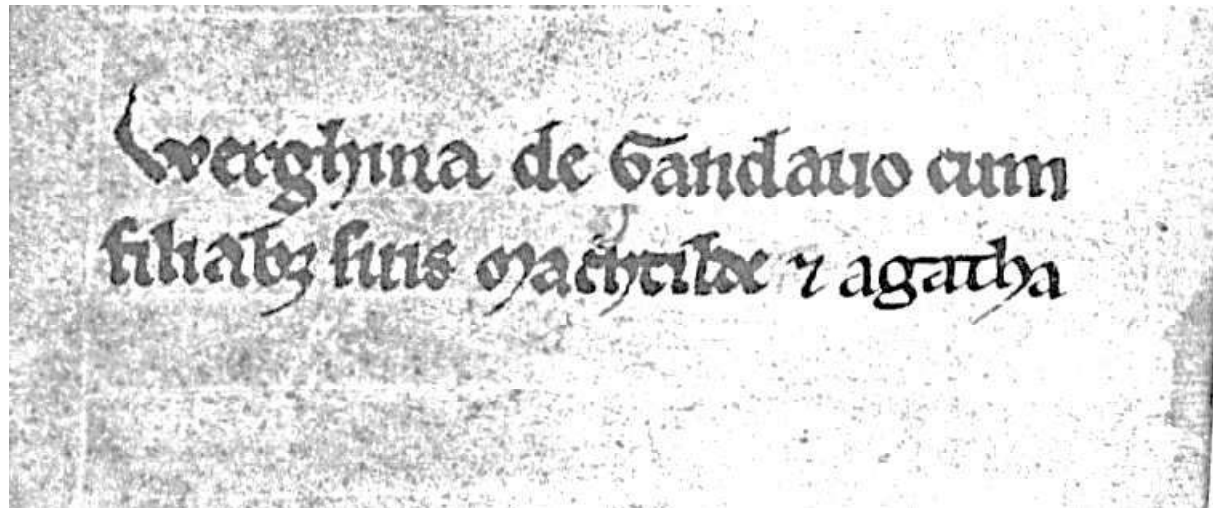
Илл. № 4: RAG, StP, VL N 193 (a.1118 /eind 12e – begin 13e e.)

Илл № 5: RAG, StP, VL N 193 (a.1118 /eind 12e – begin 13e e.) Verso: h Thitberga Titberga

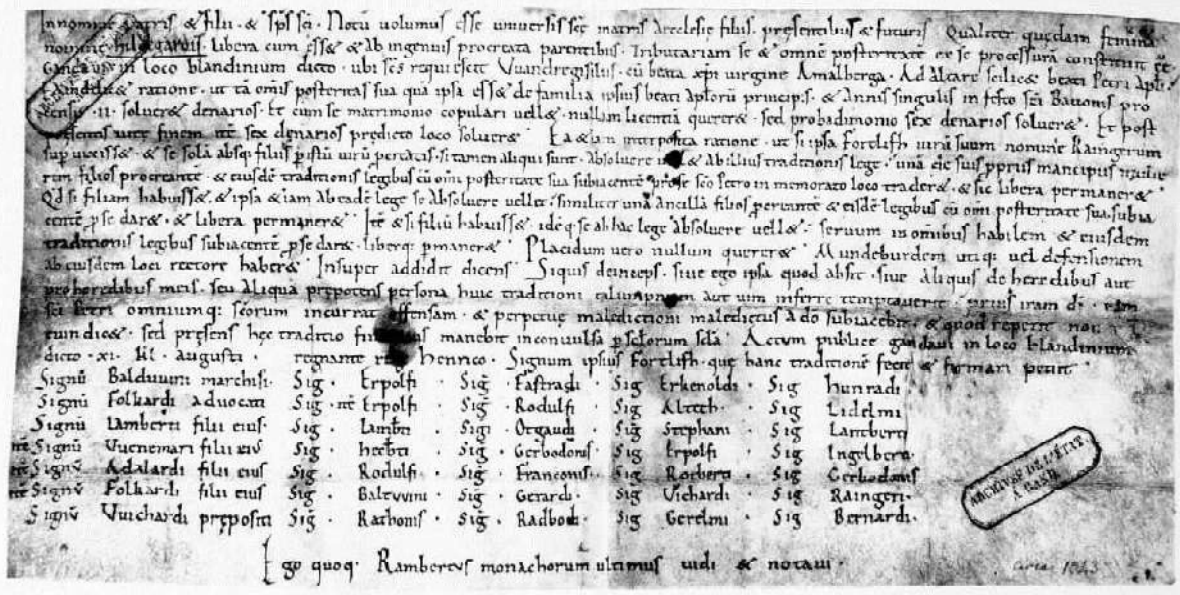
Amalgā. ceterisq; aliorū scōrū pig
neribz. cū filiabz meis. machabe
et agatha. ancillam t̃butariā
constitui. ea siq̃dem conditione.
qđ tam ego quā omīs mea poste

Илл. № 6: RAG, StP, VL N 210 (a.1132/1e kwart 13e e.), fragment

Илл. № 7: RAG, StP, VL N 210 (a.1132/1e kwart 13e e.), verso (fragment)

Илл. № 8: RAG, StP, VL N 103 / uitg. M. Gysseling; A. C. F. Koch. Diplomata Belgica ante annum millesimum centesimus scripta. s. l., 1950, N 89, P. 192 (a.1031–1034, Juli 23 / Deze oorkonde werd klaarblijkelijk later in de 11e eeuw vernieuwd door op rasure de naam Hildegardis van de dochter(?) van Fortilsh te schrijven)

Глава 6

КАК НАС ОБМАНЫВАЮТ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

Историку часто приходится работать не с оригиналами, а с публикациями исторических источников. От качества этих публикаций во многом зависит результат труда исследователя. Беда, однако, в том, что даже так называемые академические издания текстов далеко не всегда дают адекватное представление об изучаемом тексте.

***

Все начинается с разделения источника на слова. Особенно важна подобная процедура при публикации ранних документов, поскольку их текст – полностью или частично – писался слитно, без разбивки на слова, так, как говорили и слышали. При этом никто не подозревал, что тем самым (чаще всего вопреки собственным желаниям) создавал трудности для будущих читателей, переписчиков¹, а также для позднейших публикаторов и, следовательно, для обмана всех, кто будет пользоваться подобными изданиями.

О сложности процедуры разбивки публикуемых текстов на слова говорили уже первые издатели древнерусских источников. Так, одним из немногих отступлений, которое А.Н. Оленин считал допустимым при публикации «подлинников», было «разделять слова (писанные в древних рукописях по большей части сплошь) одно от другого, для удобнейшего чтения, исключая токмо сомнительные места»². «Не в сохранении древних букв и сокращений состоит *истинная* точность изданий Исторических рукописей, – поддерживал его П.М. Строев, – но в правильном

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001 (далее: Лихачев Д.С. Текстология). С. 72–73.

²Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания дееписателей // Сын Отечества. 1814. Ч. XII. № 7. С. 12.

словоразделении. Старинные писцы наши писали сплошь, без всяких расстановок, а потому все искусство Издателей должно заключаться в умение рассекать сии сплошные строки и посредством препинательных знаков давать им надлежащий смысл. В подтверждение сего можно представить великое множество неправильных и даже смешных *рассечений* из всех доселе изданных Летописей и других памятников древности»³.

Целый ряд недоразумений такого рода отметил А.И. Ермолаев, который вместе с А.Н. Олениным предложил план издания русских летописей: «Следующий пример послужит доказательством, что при издании древних рукописей малейшее от строгой точности отступление может совершенно затмить смысл. В Новгородском летописце, изданном во 2-й части продолжения Древней российской вивлиофики на стр. 351 напечатано: “*В лето 8675 заратися Всеслав сын Бречеславль, Полотъскый за Янов город*”. Из сих слов ничего другого понять нельзя, кроме того, что Всеслав ополчился за город Янов. – Из других же летописей известно, что в сем году Всеслав занял Новгород или, словами Новгородского летописца: *зая Новгород*, по нынешнему же: занял Новгород своим войском». И далее: «В 1-й части древнего летописца на стр. 22-й в обвинении новгородцами великого князя Ярослава Ярославовича вместо следующих слов: “*отнял еси у нас Волхов и иные воды утечеими ловцы*, (т. е. ловцами уток) ...*отнял еси у нас поле заечьими ловцы*” напечатано: “*отнял еси у нас Волхов и иные воды, Утече и Миловцы... отнял еси у нас поле Заечь и Миловцы*”... Вот каким простым способом ловцы или охотники, упражняющиеся в ловле уток и зайцев, преобразились вдруг, помощью необдуманной расстановки в словах, в какие-то небывалые урочища! Так, как в предыдущей статье, от подобной же расстановки внезапно является какой-то небывалый город Янов»⁴.

Подобные ошибки отмечал и П.М. Строев: «например, в *Русской летописи по Никонову списку*, Ч. VII, стр. 219, вместо *иНагаи бы к Асторохани кочевали*, напечатано: *иНагаи быка Сто-*

---

³*Издатель*. Предисловие // Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П.М. Строев. М., 1820. Ч. 1. С. XXI, прим.

⁴*Оленин А.Н.* Краткое рассуждение об издании полного собрания деесписателей [примечания А.И. Ермолаева] // *Сын Отечества*. 1814. Ч. XII. № 7. С. 17–18.

рохани кочевали. – И опытейшие критики, каковы Шлецер и Карамзин, не могли избежать погрешностей сего рода»⁵.

Естественно, при таких ошибках в публикации текстовистики, пользующиеся ими, будут введены в заблуждение.

Ярким примером того, какие могут возникнуть сложности при чтении источника, не разделенного на слова, и какие последствия может иметь тот или иной вариант членения текста, дают споры по поводу 26-й статьи Краткой и 16-й статьи Пространной Русской Правды. Списки Краткой Правды дают два варианта: «А въсмердѣ и въ хо[ло]пѣ 5 гривенъ»⁶ и «А въсмердѣи [или: *въсмердѣ и*] в холопѣ 5 гривѣнъ»⁷. Пространная Правда предлагает следующее чтение: «А за смердии холоп 5 гривенъ»⁸. От того, как исходный текст будет разбит на слова, зависит решение принципиально важного вопроса: были ли смерды владельцами холопов, либо смерды и холопы стояли, так сказать, на одной социальной ступени. М.Н. Тихомиров, например, считал «единственным правильным чтением “смердихолопъ”»⁹, считая, что это холопы, исполнявшие «смерды» обязанности. «В этом смысле смердий холоп упомянут именно в статье о ремесленниках, под которыми Пространная Правда, несомненно, понимает холопов или, по крайней мере, зависимых от князя людей», – писал он¹⁰.

Любопытный пример того, как возникают подобные недоразумения, и к чему это может привести, дает описание Лиственской битвы между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутараканским в Повести временных лет под 6532/1024 г. На стороне Ярослава в ней принимает участие варяжский отряд под пред-

---

⁵Издатель. Предисловие // Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П.М. Строев. М., 1820. Ч. 1. С. XXI, прим.

⁶Краткая Правда: Академический список // Правда Русская. М., 1940. Т. 1: Тексты / Подг. В.П. Любимовым, Н.Ф. Лавровым, М.Н. Тихомировым, Г.Л. Гейермансом и Г.Е. Кочиным; под ред. Б.Д. Грекова. С. 105; ср.: Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. 2: Комментарии / Сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов; под ред. Б.Д. Грекова. С. 171.

⁷Краткая Правда: Археографический список // Правда Русская. Т. 1. С. 80; ср.: Правда Русская. Т. 2. С. 171.

⁸Пространная Правда: Троицкий список // Правда Русская. Т. 1. С. 105; ср.: Правда Русская. Т. 2. С. 319.

⁹Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 237, прим. 5.

¹⁰ Там же. С. 201.

водительством некоего Якуна. Внимание исследователей в этом сообщении давно уже привлекло упоминание: «и бѣ Якунъ слѣпъ, [и] луда бѣ у него золотом истъкана»¹¹. Эта фраза породила множество трактовок. Прежде всего, в ней поражает указание на слепоту военного предводителя варягов. Характеристика эта настолько устойчива, что, кажется, рассматривалась в качестве личного прозвища. Во всяком случае, автор Слова первого Киево-Печерского патерика о создании в монастыре Богородичной церкви прямо называет его Якуном Слепым: «Бысть въ земли Варяжской князь Африканъ, братъ Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от златаы луды, биася полком по Ярославѣ съ лютым Мьстиславомъ»¹². В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и другие не менее авторитетные историки высказывали самые различные предположения относительно того, как понимать странное прозвище Якуна. Ясность внесло, как будто, предположение Б.А. Воронцова-Вельяминова, который попытался объяснить это тем, что у некоторых потомков рода Шимона, племянника Якуна (например, у Аксаковых), наблюдался наследственный птоз (непроизвольное опускание верхнего века)¹³. Однако, во-первых, генеалогии, возводимые к Шимону, являются поздними и носят, видимо, искусственный характер. Во-вторых, по справедливому замечанию Н.П. Ламбина, здесь в летописи «нет ни малейшего намека на употребление слова “слеп” не в буквальном смысле»¹⁴. Не снимала вопроса и допущенная С.М. Соловьевым возможность перевода на древнерусский язык скандинавского имени Хакон, с которым обычно в нашей литературе идентифицируется летописное «Якун», означавшее, по А.А. Кунику, «одноглазый»¹⁵. Подобный перевод не мог стать основой для утверждения, что Якун «был слеп», поскольку это

¹¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. [3-е изд.] М., 1997. Т. 1. Стб. 148.

¹² Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси [далее: ПЛДР]: XII век. М., 1980. С. 412.

¹³ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысячских // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 126.

¹⁴ Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде: Историко-филологическое исследование // Журнал Министерства народного просвещения. 1858. Ч. 98. № 5. С. 36.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1. М., 1984. С. 313 (прим. 314).

противоречило бы элементарной логике. К тому же, имя Хакон явно не могло восприниматься летописцем как прилагательное, входящее в составное именное сказуемое, связанное с самим этим именем. Остается лишь согласиться с предположением Н.П. Ламбина, что слепота Якуна явилась следствием «умственной слепоты переписчика»: варяг «ослеп» по ошибке, возникшей из-за неверного прочтения текста. Слово «слѣпъ» получилось, по мнению исследователя, в результате неправильной разбивки сплошной строки на слова. Первоначально же фраза должна была выглядеть так: «И бѣЯкунъслѣпъ». При таком прочтении варяжский предводитель был неслепцом, а красавцем¹⁶.

Но тогда возникают новые проблемы. Прежде всего, непонятно, почему для внешности Якуна было выбрано определение, допускавшее двойственное толкование? Зачем летописцу понадобилось уточнять, что красив был именно *этот* Якун? Ведь никаких других персонажей с тем же именем на страницах летописи не встречается. Не снимает недоумения и догадка Н.П. Ламбина, что появление здесь указательного местоимения «сь» требовалось «по правилам связной речи»¹⁷. Фраза: «и придеЯкунъс Варягы, и бѣЯкунъслѣпъ» выглядит, несмотря на повтор имени, вполне нормально. Зачем же в нее было вставлено уточняющее местоимение? И еще: неужели сам летописец не понимал, что написанную им фразу можно прочесть, по меньшей мере, двумя способами? Что это – «умственная глухота» автора, не заметившего двусмысленность написанного, или умышленно подобранная им блестящая деталь? Учитывая несомненное литературное мастерство летописца и сам характер его работы, когда за год записывалось всего несколько строк текста, приходится отдать предпочтение намеренному выбору, а не оплошности. Указательное местоимение потребовалось летописцу именно для того, чтобы возникла игра слов: «слѣпъ» – «слѣпъ»¹⁸. Подобный литературный прием, получивший название «темного» или «разделенного» языка, был, видимо, достаточно хорошо известен всем индоевропейским народам и неоднократно использовался на Руси. Под «разделенным» языком

---

¹⁶Ламбин Н.П. Указ.соч. С. 74, 76.

¹⁷Там же. С. 76.

¹⁸Подробнее см.: Гогошвили А.А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991. С. 82–98.

понимается намеренное составление текста таким образом, что, благодаря возможности различного деления единого звукового комплекса на слова, он приобретает смысловую многозначность. В данном случае это позволило автору данной вставки¹⁹, описывая красавца-варяга, ввести в рассказ о Лиственской битве новый смысл, уточняющий символическую «расстановку сил». Сочетание хромца Ярослава и «слепца» Якуна, преградивших Мстиславу путь в Киев, вполне можно рассматривать как признание летописцем преимущественного права Мстислава на киевский престол.

Как видим, иногда «языковая ясность», внесенная в текст источника при его разбивке ни слова, может породить новые вопросы и сложности.

Ошибки в разделении текста на слова могут привести к серьезным недочетам не только в публикации источника, но и, как следствие, к конкретно-историческим ошибкам.

Так, неверное чтение приписки к Служебнику XIII в. («...дрьмляМис[ахе]»), предложенное публикатором «Свода записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков»²⁰, – вместо верного «охоохоодрѣмлет ми ся»²¹ – ведет к появлению мифического писца с редко встречающимся именем Мисах²².

Записи в Сийском Евангелии и Псковском Апостоле прочтены публикатором «Свода записей писцов...» как «жидовьсегоурук»²³. Между тем, верным чтением является следующая разбивка на слова: «жидовь-

---

¹⁹ О том, что фраза «бѣЯкуньслепъ, и бѣ у него луда золотомъ исткана» является вставкой, можно судить по обрамляющим ее повторяющимся оборотам: «и придеЯкунъ с варягы<...> Ипридекъ Ярославу» (Лаврентьевская летопись. Стб. 148). Этот повтор выпадает из логики изложения и в ряде летописей (Софийской I, Воскресенской и Никоновской) отсутствует. Здесь фраза читается так: «И придеЯкунъ с варягы к великому князю Ярославу» (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. извлечений из монографии Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков» // ПСРЛ.Т. 9. М., 2000. С. 78). Вставочной заметкой называет пассаж о слепоте Якуна и Н.П. Ламбин (*Ламбин Н.П.* Указ.соч. С. 42).

²⁰ *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М, 2000. С. 163.

²¹ *Словарь древнерусского языка: (XI–XIV вв.)* [далее: СлДрЯXI–XIV вв.]. М., 1990. Т. 3: добродѣтельно – изгечиса. С. 95.

²² *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Плоды ливанского кедра». [М., 2003.] С. 52.

²³ *Столярова Л.В.* Указ.соч. С. 237.

сего и рук» («жидовь сего [года] и рук(а)»), что является указанием на таблицы 19-летнего Круга Луны («рука жидовская» или «пасха жидовская») ²⁴, без чего читатель цитируемого текста лишается важного хронологического указания.

Иногда разбивка текста источника на слова может повлиять на выводы о времени появления того или иного понятия.

Так, по мнению А.В. Соловьева, название «Русия» впервые было употреблено в 1270 г. болгарским деспотом Иаковом-Святославом в письме киевскому митрополиту Кириллу II (в церковной традиции – Кириллу III) ²⁵. Оно адресовано «Богомъизбраному пастырю и учителю словеснаго стада правовѣрныхънашаеяотцю ми по духу святомоупреосвященномуархиепископоуКоурилоупрѣславнаго града Кіева. оучителя же всеиРоусиисвѣтилніка церквамъбогоспасенаго града Кіева» ²⁶. Однако в данном случае текст может быть прочтен и иначе: «Оучителя же всеиРоуси и светилникацерквамъбогоспасенаго града Кіева» ²⁷.

***

Следующим источником ошибок при публикации источника является расстановка знаков пунктуации. Это, как и деление текста на слова, – важный шаг в интерпретации любого документа, существенно влияющий на понимание его содержания.

Как известно, к пунктуационным знакам – внеалфавитным графическим обозначениям, структурирующим текст, – относятся конечные знаки, фиксирующие конец фразы (точка, вопросительный и восклицательный знаки, а также многоточие), знаки середины предложения (запятая, двоеточие, тире и многоточие) и знаки выделительные (скобки, кавычки). Однако со-

---

²⁴Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002 С. 57–58.

²⁵Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 141.

²⁶Письмо Иакова Святослава, деспота Болгарского к митрополиту Русскому Кириллу: 1262 г. // Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках: Приложение к 34-му тому Записок имп. Академии наук № 4. СПб., 1879. С. 12.

²⁷Столярова Л.В. Еще раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Россия и мир. Панорама исторического развития: Сб. науч. ст., посвященный 70-летию исторического факультета Урал.гос. ун-та им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 195, 198.

временные правила пунктуации сложились довольно поздно. В ранних источниках – до XVIII в. – действовали совершенно иная система знаков препинания и иные принципы их расстановки²⁸. От них отличались так называемые экфонетические знаки, обозначающие способ мелодического, интонационного (псалмодийного) произношения текстов, не предназначенных для пения. Они позволяли выделять при чтении наиболее значимые смысловые обороты, повышая или понижая высоту звука в отдельных слогах. Кроме того, использовался целый ряд знаков, указывавших на сокращения слов: титло, паерок и др. Знакомство с этими знаками позволяет правильно прочесть слово, а иногда и установить, с какого оригинала была переписана рукопись или конкретная цитата²⁹.

Древние знаки препинания, по верному замечанию М. Феррана, были «не собственно “пунктуацией” в нашем современном понимании, имеющей целью обозначить границы синтаксических сегментов [текста], в первую очередь независимых предложений, а практикой чисто ритмического назначения, и то непоследовательной»³⁰. Поэтому перед современным исследователем встает непростая задача: учитывая их, верно расставить нынешние знаки пунктуации, которые бы прояснили – и не исказили! – текст изучаемого источника.

Поэтому уже на начальных этапах научного издания древнерусских текстов публикаторам предлагалось «знаки препинания ставить точно против подлинников, как бы сия расстановка не казалась бестолковою, предоставляя остроумным критикам и толкователям... оные расставить по приличию, с надлежащими на то доказательствами; ныне же избегать должно всякого могущего быть нареkania в каком-либо существенном отступле-

---

²⁸ Загребин В.М. Диакритика средневековых славянских рукописей // Загребин В.М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 27–200. Древнерусские пособия, подробно описывавшие, в частности, знаки препинания, собраны в труде: Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Труды по русскому языку: издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1885–1895. Т. 1.

²⁹ Гранстрем Е.Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев (далее. – ТОДРЛ). Т. 10. С. 429, 431.

³⁰ Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999. С. 34.

нии от подлинников... Непременно издать каждую рукопись... с самую строжайшею точностию, не только в правописании, но даже и в препинаниях, ибо хотя сии последние в древности совсем не к стати употреблялись, но как произвольная перемена препинаний может иногда совсем переменить смысл написанного Автором, то гораздо надежнее и в сем случае строго держаться подлинника»³¹.

Целый ряд недоразумений такого рода привел сам автор процитированных строк, А.И. Ермолаев: «1) При издании Кенигсбергского списка позволено было издателю изменять препинания по своему усмотрению. На 4 стр. печатного Кенигсбергского списка находим: *“реку Тигр, текущую межи Миды (т. е. Мидиею) и Вавилоном до Понтийского (т. е. Черного) моря”*, но где слыхано, чтоб Тигр впадал в Черное море? Надлежало бы так, как Шлецер и сделал, кончить период словом: *Вавилоном*, слова же: *до Понтийского моря*, принадлежат к последующей речи. 2) Нестор называет Мефодия, бывшего епископом в Моравии, настольником, т.е. преемником св. Андроника, одного из 70 учеников апостола Павла; далее он же говорит, что Мефодий поручил двум священникам перевести все священные книги с греческого на славенский язык. — *“Окончав же,* — продолжает Нестор, *— достойно хвалу и славу Богу воздаст, дающему таку благодать епископу Мефодию, настольнику Андронику. Тем же славенску языку учитель есть Андроник апостол: в Моравы бо ходил и апостол Павел, учил ту, ту бо есть Илюрик его же доходил и апостол Павул”*. Здесь препинания поставлены так, как оные находятся в первом издании Владимирского или Лаврентьевского летописца, которое не dokonчено и ныне уже прекращено. Но следующим образом сделанное препинание, кажется, было бы гораздо естественнее: *“Тем же славенску языку учил есть Андроник апостол: во Моравы бо ходил. И апостол Павел учил ту: ту бо есть Илюрик, его же доходил и апостол Павул”*. Смысл будет такой: апостол Андроник должен почитаться учителем славенского народа: ибо он ходил (проповедывал) в Моравии. И апостол Павел там учил и проч., а не так, как в первом издании сказано, что Андроник потому почитаться

---

³¹Оленин А.Н. Краткоеразсуждение... С. 12–13, 14–15.

должен учителем славян, что апостол Павел там учил и проповедывал слово Божие»³².

Насколько важна верная расстановка современных нам знаков пунктуации для понимания смысла текста древнерусского источника показывает и следующий пример.

В академическом издании Слова Даниила Заточника предлагается следующая разбивка текста на фразы: «Имѣюбо сердце – аки лице безъочию, И быстьумъмой – аки нощныйвранъ на нырищи.Забдѣх – и расыпасяживоть мой, аки ханаонский царь, буестию;Ипокрымя нищета, аки Чермное море фараона»³³. Соответственно, дается такой перевод этих фраз на современный русский язык: «Ведь сердце мое – как лицо без очей, и был ум мой – как филин на развалинах. Радел я <о твоём благе> – и дерзостью погубил свою жизнь, как хананейские цари; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона». При этом, выражение: «Имѣюбо сердце – аки лице безъочию, и быстьумъмой – аки нощныйвранъ на нырищи» трактуется так: «Этим выражением Даниил объясняет, почему он не имеет “плода покаяния”. Вероятно, смысл его таков: “имел я бесстрастное сердце и настороженный, бодрствующий, как филин в ночи, ум”, то есть руководствовался в своих поступках не сердцем, а разумом». И далее: «Смысл данного выражения, вероятно, таков: пребывая в бдении (бдительно, ревностно служа князю), Даниил своей “буестью” (дерзостью, излишней прямоотой) погубил, расстроил свою жизнь, подобно хананейским царям. Говоря о буестихананейских царей, Даниил, очевидно, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейский города были преданы заклятью и полностью истреблены (см.: Нав 11 19–20; Пс 134 10–12)»³⁴. Д.С. Лихачев полагал, что в данном случае «имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона», не поясняя, как это связано с «буестью» ханаанского царя³⁵. Трактуя выражение «нощныйвран на нырищи» как

³² Оленин А.Н. Краткоеразсуждение... [примечания А.И. Ермолаева]. С. 15–16.

³³ Слово Даниила Заточника / Подг. текста, пер. и комм. Л.В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 268.

³⁴ Соколова Л.В. Слово Даниила Заточника[: комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 636.

³⁵ Лихачев Д.С. Моление Даниила Заточника [: комментарии] // ПЛДР: XII век. С. 689.

«бодрствующий, как филин в ночи, ум», Л.В. Соколова вполне обоснованно исходила из текста, который в данном случае цитирует Даниил Заточник. Однако такой перевод вовсе не соответствует ее прочтению текста: остается совершенно непонятным почему «нощныйвранъ» – это именно «бодрствующий в ночи ум», поскольку слово «забдѣх» (буквально – ‘не заснул’³⁶) Л.В. Соколова оторвала от исходного текста, произвольно присоединила к следующей фразе.

Все становится на свои места, если верно поставить запятую и точку: «Быстьумъ мой аки нощныйвранъ на нырищи,забдѣх» («Я стал как филин на развалинах; не сплю»³⁷ (ср.: «Бых яко нощныйвранъ на нырищи. забдѣх...»³⁸). Иначе непонятно, почему свой ум Даниил сравнивает с филином на развалинах башни. Слово же «забдѣх», которое Л.А. Соколова переводит – с неизбежным «авторским» дополнением оригинального текста «<о благе твоём>», без которого оно полностью теряет смысл, – как «радел я», на самом деле, относится к предыдущей фразе, являясь частью цитаты из 101 псалма. Смысл фразы, которую цитирует Даниил, становится понятным при обращении к источнику: «Я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня клянут мною. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами, от гнева Твоего и негодования Твоего, ибо Ты вознес меня и низверг меня» (Пс 101 7–11).

Так что, расстановка современных пунктуационных знаков при издании источника может не только помочь исследователю понять его текст, но и ввести в заблуждение.

---

³⁶ «ЗАБЪДѢТИ... остаться бодрствовать, не спать...: забдѣхъ і быхѣкопѣтицасобѣщаѣся на здѣ» (Старославянский словарь: (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 224); «ЗАБДѢТИ.Начать бодрствовать. Бых яко нощныйвранъ на нырищи, забдѣх и бых яко птица, особнящаися на здѣ (Псал.СІ, 7–9) Библ. Генн. 1499 г.» (Словарь русского языка XI–XVII вв. [далее:СлРЯXI–XVII вв.] М., 1978. Вып. 5: Е–ЗИНУТИЕ. С. 132; ср.: «ЗАБЪДѢНИЕ. *Отсутствие духовного бдения (?)*» – СлДрЯXI–XIV вв. М., 1990. Т. 3: добродѣтельно – изжечиса. С. 282). Других значений слова *забдѣти* исторические словари русского языка не предлагают.

³⁷ Пс 101 7.

³⁸ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе: С иллюстрациями. В десяти томах. М., 1997. Т. 4. С. 247.

***

Проблема корректного издания текстов источников волновала специалистов уже с первых шагов формирования истории как самостоятельной дисциплины.

При первом издании Полного собрания русских летописей было принято следующее решение: «Выбрав лучший список по каждому разряду Летописей, принимать его за основу издания, а из побочных списков заимствовать варианты и помещать в подстрочных выносках, с повторением в нужных случаях слов главного списка, разнящихся с побочными». При этом допускалось «явно испорченные выражения основных списков исключать из печатного текста и показывать в вариантах, взамен же их вносить в текст исправнейшие из побочных списков; равномерно ошибки в собственных именах, исторические, хронологические и проч., справлять в подстрочных выносках особыми примечаниями». Кроме того, поскольку «не подлежит сомнению, что все известные списки Летописей, относящиеся к пространству времени от XIV до XVI столетия: а) не принадлежат к первобытным памятникам Славяно-Русской письменности, и б) не имеют определенных грамматических форм и постоянного правописания», «затруднительное употребление Славянской азбуки надлежало заменить в сем издании новейшею гражданскою, подтительные слова (сокращенные слова под титлами. – *И.Д.*) печатать полным чтением, употребляемые старинными писцами различные буквы и слоги в одних и тех же словах привести в однообразие, с соблюдением по возможности древнего правописания в собственных именах, некоторых церковных речениях и в титулах известных лиц, и посредством знаков препинания дать смысл сплошным строкам рукописей, писанных без всяких расстановок». Оговоренные исправления, деление текста на слова, раскрытие сокращений, расстановка знаков пунктуации объяснялись тем, что ПСРЛ предназначалось «преимущественно для исторических занятий» и «облегчение употребления его составляло одну из главнейших обязанностей издания»³⁹. Однако не-

---

³⁹ Предисловие к Полному собранию русских летописей // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 5–7 (первая пагинация).

смотря на то, что публикация готовилась, так сказать, по последнему слову филологической науки середины XIX в., такой подход не исключал ошибок и недоразумений, которые могли ввести читателей в заблуждение.

Поэтому при подготовке нового издания ПСРЛ было решено, «вопреки принятому обычаю “исправлять явно испорченные места и слова” и “восстанавливать явно испорченные места и слова”», не делать этого «в самом тексте, а только в примечаниях»: «Поправки и восстановления текста всегда носят субъективный характер, что неоднократно можно встречать в предшествующих изданиях, где часто древнерусские формы и обороты исправлялись на церковнославянские. По той же причине удержаны были без раскрытия и титла, так как в предыдущих изданиях, особенно в окончании глаголов формы подновлялись на современный лад»⁴⁰. В то же время, при сохранении оригинальных орфографии, знаков препинания, слов под титлами и выносных букв, «большое сплошное письмо» «для удобства читателей» было разделено на слова, а также добавлены заглавные буквы в написании имен собственных и «в начале отделов, хотя бы в рукописи в таких случаях были и строчные буквы»⁴¹. Отсутствующие фрагменты (как, скажем, в Лаврентьевском списке, в котором утрачены 6 листов со статьями 6604–6429 гг., 5 листов со статьями 6771–6791 гг. и 1 лист с текстом 6796–6802 гг.) давались по близким спискам, что специально оговаривалось в предисловии к публикации и помечалось на полях издания.

Через четверть века, при подготовке издания Новгородской первой летописи разбивка текста на слова уже не оговаривалась, буквы подлинника, отсутствующие в гражданском шрифте (ѣ, ѓ, ѡ, ѧ, Ѩ, ѩ и др.), были заменены современными (я, е, и, о, ф, кс, пс, я, ю и др.), титла раскрыты, а надстрочные буквы введены в строку – по «правилам современного правописания»⁴².

Между тем, даже невинные, казалось бы, замены букв, обозначающих одни и те же звуки, способны порождать довольно сложные вопросы.

⁴⁰ Предисловие // ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т.1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. С. 3 (первая пагинация).

⁴¹ Там же. С. 8 (первая пагинация).

⁴² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.:Л., 1950. С. 11–12 (репр. воспр.: ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись. М., 2000).

Так, в Задонщине и Сказании о Мамаевом побоище встречается выражение «чаша поведеная»⁴³: «Брате князе Владимире, тутоиспитимедвеная чаша поведенье»⁴⁴; «Брате князь Владимир Андрѣвичь, тут, брате, испитимедовыа чары повѣденые»⁴⁵; «...утрѣбо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси възжелѣша»⁴⁶. Принципиально важным в данном случае является вопрос об орфографии слова «поведеная». Во многих сохранившихся списках Задонщины оно написано через букву е («поведеная»). Такая форма вполне отвечает традиционному пониманию этого выражения как «круговая, застольная чаша». Однако в реконструкции первоначального чтения текста, основывающейся на списке Исторического музея 2 (№ 3045; конец XV – начало XVI в.), В.П. Адрианова-Петерц предпочла дать форму «повѣденая»⁴⁷. Представление о ней, очевидно, связано не столько с круговой чашей, как этот оборот обычно переводится⁴⁸, сколько с образом чаши в рассказах евангелистов о Тайной вечере и молении Христа в Гефсиманском саду. В таком случае «повѣденая» восходит к «повѣдь» – «весть, проповедь, учение»⁴⁹ или «повѣдети, повѣде» – «предсказать, предвозвестить, явить»⁵⁰. В зависимости от того, в какой форме будет опубликовано указанное выражение, зависит его истолкование: в первом случае можно говорить о языческой топике изучаемых текстов, восходящей к представлению о битве как пире⁵¹, во втором же – о христианском контексте описания Мамаева побоища.

---

⁴³ Пользуюсь случаем поблагодарить В.Н. Рудакова, обратившего мое внимание на это выражение.

⁴⁴ Слово о Куликовской битве Софониярязанца: Задонщина // Воинские повести древней Руси. М.: Л., 1949. С. 39.

⁴⁵ Задонщина // ПЛДР: XIV – середина XV века. М., 1981. С. 108.

⁴⁶ Сказание о Мамаевом побоище // ПЛДР: XIV – середина XV века. С. 166.

⁴⁷ Адрианова-Петерц В.П. Задонщина: Опыт реконструкции авторского текста // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 236).

⁴⁸ СлРЯ XI–XVII. М., 1989. Т. 15. С. 143; иллюстрации к этому значению даны только из Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище.

⁴⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1007; СлРЯ XI–XVII вв. Т. 15. С. 144.

⁵⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Т. 15. С. 143.

⁵¹ Ср.: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирѣдокончашахрабрии Русичи: сватов попоиша и сами полегоша» (Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным рус-

Еще один пример, относящийся к гораздо более позднему времени. Современному читателю остается только догадываться, что скрывается за названием знаменитого романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Дело в том, что в дореформенной орфографии русского языка было два одинаково звучащих, но различающихся по написанию слова: *миръ* ('согласие, соглашение; отсутствие войны; покой, перемирие' и т.п.) и *миръ* ('Вселенная, космос; Земля со всем существующим на ней; все, реально существующее на Земле; общество, люди' и т.п.). Так что, широко распространенный с мая 1951 г. советский лозунг должен был писаться так: «Миру – мирь!». Для первых же читателей романа было очевидно, что Л.Н. Толстой имел в виду именно 'состояние без войны', поскольку название романа было «Война и мирь»: все прижизненные издания романа выходили именно с ним. Это подтверждается и тем, что сам Л.Н. Толстой по-французски называл его «Laguerreetlapaix». Лишь в издании 1913 г. на титульном листе одного из томов было по ошибке напечатано: «Война и миръ».

Все подобные ситуации в той или иной степени ставят перед историком множество вопросов, связанных с пониманием и последующей интерпретацией опубликованных текстов.

***

Однако, пожалуй, чаще всего исследователей способно ввести в заблуждение и недоумение издание контаминированных текстов источников. Речь идет, прежде всего, о так называемых реконструкциях текста.

Реконструкция текста, как правило, включает чтения, встреченные в различных списках одного и того же источника (так называемые *лучшие чтения*, которые по тем или иным причинам представляются издателю первоначальными), исправление написаний, которые считаются ошибочными (хотя, естественно, ошибаться может сам исследователь, встретивший незнакомое слово или написание и заменивший его формой, которая ему кажется верной).

Наиболее уязвимыми в реконструкциях являются конъектуры – «исправления... предлагаемые исследователем на

ским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 18).

основании различных соображений, но которые не могут быть подтверждены чтениями других списков». Предполагается, что они являются «частичными восстановлениями первоначального текста». Основанием для их появления служит убеждение, будто текст в данном месте «явно испорчен», либо «не мог быть в первоначальном тексте (авторском, редакторском и пр.)»⁵². Опасность конъектуральных исправлений очевидна. Причиной непонимания исследователем смысла прочитанного может быть вовсе не «испорченность» текста, а различия (иногда принципиальные) в мышлении нашего современника и автора текста. При этом призывы «уподобиться автору произведения, проникнуться его духом и манерой»⁵³, которые казались вполне научными в начале прошлого века, сегодня выглядят, по меньшей мере, наивными. В основе их лежит давно опровергнутое наукой представление о неизменности человеческого мышления во времени. Именно следствием такой иллюзии может стать убеждение в алогичности древних текстов.

Подобные представления свидетельствуют о том, что, исходя из собственного опыта, их авторы оказались не в состоянии уловить логику автора (редактора) исторического источника. Но вместо того, чтобы честно признать это, ответственность за непонимание текста они перекладывают на создателя текста. В господствующих в отечественных историографии и литературоведении научных школах вопрос о непонимании (в том смысле, о котором ведется речь в данном случае) источника практически не поднимается. Мало того, высказывания оппонентов, говорящих время от времени о некотором «недоразумении» в общении историка с документом прошлого⁵⁴, ставятся им в упрек⁵⁵. Нет никаких объективных критериев, опираясь на

---

⁵² *Лихачев Д.С.* Текстология. С. 163–164.

⁵³ *Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники. Киев, 1914. С. 276.

⁵⁴ Ср., напр.: «“Повесть временных лет” уводит нас в мир..., в котором многое для нас, людей XX века, загадочно, “странно”, непонятно» (*Еремин И.П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946. С. 38–39).

⁵⁵ «Мне бы не хотелось оскорбить память Игоря Петровича неправдой (хотя бы и из самых почтительных побуждений). Я не могу сказать, что и я во всем солидарен с Игорем Петровичем в сделанных им характеристиках. Я не могу, например, согласиться с его характеристикой “Повести временных лет” как продукта особого мышления ее составителя» (*Лихачев Д.С.* Об Игоре Петро-

которые можно установить, насколько исследователю удалось проникнуть в замысел того или иного автора, уловить его логику. Недаром Д.С. Лихачев неоднократно подчеркивал «непоследовательность религиозного мировоззрения» древнерусских книжников⁵⁶ (предполагая, видимо, что любое «нерелигиозное» мировоззрение всегда последовательно). Так что призыв «как бы стать на место автора» текста, вряд ли может быть реализован – по крайней мере, в научном исследовании.

Собственно, включение в реконструируемый текст «лучших чтений», заимствованных из других списков текста произведения (исторического источника), представляет собой, по существу, несколько смягченную форму конъектуры. Рассуждая о подобных исправлениях текста произведения, Д.С. Лихачев отмечал: «Вообще следует сказать, что общее предубеждение против конъектур у некоторых исследователей не имеет почвы, так как текст подавляющего большинства рукописей полон этими же самыми конjekтурами, но конjekтурами, сделанными не учеными, а самими древними переписчиками, часть из которых была несомненно невежественна... Очень часто поэтому конjekтуры исследователей – это только раскрытие конjekтур переписчиков. Оставлять конjekтуры переписчиков, не допуская конjekтур исследователей, – нелепо. Все дело только в том, что, предлагая ту или иную конjekтуру, исследователь обязан объективно оценить степень ее достоверности и не выдавать в издании конjekтуру за текст подлинного списка или списков, а строго ее оговаривать (например, в тексте конjekтура печатается курсивом, а в сноске отмечается чтение списка)»⁵⁷.

Признавая определенную резонность этих рассуждений, следует, тем не менее, подчеркнуть, что издательские конjekтуры предпочтительно давать в сносках, оставляя текст

виче Еремине // Еремин И.П. Литература древней Руси: (этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 7).

⁵⁶ См., напр.: Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 297; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. 1979. М., 1979. С. 68; Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 129–130, и мн. др.

⁵⁷ Лихачев Д.С. Текстология. С. 165.

списка в неприкосновенности. Для историка основой должны оставаться чтения, сохранившиеся в оригинале источника. Приведенные же выше слова ведущего текстолога России следует помнить, изучая источники по публикациям, подготовленным согласно этим рекомендациям, – чтобы не принимать опубликованный текст, включающий конъектуральные исправления, за истинный текст конкретного списка. При этом особое внимание необходимо уделять выяснению правил передачи текста в данном издании, а также примечаниям и сноскам, сопровождающим публикацию.

Вместе с тем, однако, следует помнить, что реконструкции текста источникам могут стать основой исторических построений. Они – лишь наглядный итог, иллюстрация проведенного исследования и гипотетических построений автора. Достаточно вспомнить резкую критику А.А. Шахматовым М.Д. Приселкова за то, что тот использовал в своих конкретно-исторических исследованиях шахматовские реконструкции Повести временных лет и предшествующих ей сводов, а не реальные списки летописей⁵⁸. И дело здесь, как совершенно справедливо отмечает В.Г. Вовина-Лебедева, не в научной скромности А.А. Шахматова (как полагал Я.С. Лурье), а в принципиальном подходе к тексту реально сохранившегося списка как к *единственному* источнику ретроспективной информации⁵⁹.

Между тем, используя публикации, историк чаще всего сталкивается именно с реконструкциями текстов исторических источников. Так, в подавляющем большинстве случаев летописи цитируются по «Полному собранию русских летописей», в котором публикуются контаминированные тексты (правда, сопровождаемые подробным археографическим и текстологическим комментариями, позволяющими – при желании – установить, из какого именно списка взято то или иное «лучшее чтение»). Мало того, историки часто цитируют Повесть временных лет по

---

⁵⁸ Магистерский диспут М.Д. Приселкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н.И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1–3. № 3. С. 137; *Шахматов А.А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Там же. Т. 2. Вып. 2. № 3. С. 30–32.

⁵⁹ *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 305.

публикации в серии «Литературные памятники»⁶⁰. Она «до сих пор постоянно используется в профессиональной научной литературе»⁶¹. И это при том, что данное издание «носило не столько чисто научный, сколько просветительский характер (“издание для чтения”))»⁶². Характеризуя его, М.Б. Сverdлов писал: «Основу подготовки текста составили исследования шахматовского направления в изучении древнерусского летописания. Научно обоснованные конъектуры позволяли приблизиться к первоначальному тексту в многочисленных случаях описок, ошибок и более позднего редактирования, накопившихся в течение многовекового бытования ПВЛ в составе летописных сводов. Эти конъектуры избавляли исследователей от необходимости повторять при цитировании нарушения первоначального текста или самостоятельно исправлять их, если только текстология ПВЛ не являлась предметом специальных разысканий»⁶³. Другими словами, М.Б. Сverdлов прямо указывал, что перед нами – гипотетическая реконструкция некоего «первоначального текста», включающая, помимо всего прочего, издательские конъектуры. Сам же Д.С. Лихачев утверждал, что публикует «не “сводный текст” “по всем спискам” и не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а *реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст*»⁶⁴. Эта декларация смогла ввести в заблуждение даже такого внимательного и скрупулезного исследователя как В.Г. Вовина-Лебедева, которая, говоря о данном издании, отметила, что, в отличие от А.А. Шахматова и учених его школы, стремившихся «реконструировать несохранившиеся древние памятники», «для Д.С. Лихачева главным оказалось изучение того, что реально сохранилось до наших дней от древнерусской культуры, в том числе и в первую очередь – средне-

---

⁶⁰ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 1996 (далее цитаты приводятся по этому изданию).

⁶¹ Сverdлов М.Б. Дополнения // Повесть временных лет. С. 584.

⁶² Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей // Лихачев Д.С. Текстология. С. 741.

⁶³ Сverdлов М.Б. Дополнения. С. 584.

⁶⁴ Лихачев Д.С. Археографический обзор списков // Повесть временных лет. С. 359–360 (курсив мой. – И.Д.).

вековые тексты, такие, какими они дошли до нас»⁶⁵. Действительно, сам Д.С. Лихачев подчеркивал: «Старая текстология XVIII и XIX вв., выясняя происхождение разночтений по отдельности, по отдельности же заменяла в тексте более новое чтение более древним и таким образом “восстанавливала”, как казалось, древнейший текст. В настоящее время мы не можем считать правильным такой метод “восстановления” древнего текста. Создающийся таким путем лоскутный текст никогда, конечно, не существовал»⁶⁶. Тем не менее, перед нами именно такая «лоскутная» реконструкция, причем, местами довольно произвольная.

Приведу лишь один пример предложенной в этой публикации конъектуры, которая существенно исказила смысл оригинального летописного текста, но широко используется историками и филологами без всяких оговорок.

После заключения договора с греками в 6415 (907) г. Олег якобы приказал изготовить для своих воинов необычные паруса – «паволочиты Руси, а словеномъкропинныя». Как только новые паруса были подняты, их разорвал ветер. «И рѣшасловени, – читаем мы в этом издании, – “Имемся своим толстинам, не даны суть словѣномпрѣпаволочиты”»⁶⁷. Между тем, *ни в одном реальном списке* летописи такого текста нет. Действительно, в Лаврентьевском списке текст выглядит несколько странно, он как бы не закончен: «И раз^лра а (их; то есть, все паруса. – И.Д.)вѣтръ. и рѣшаСловенииме^мса свои^мто^лстина^м. не даны соу^тСловѣно^мпрѣ»⁶⁸. В Новгородской первой летописи младшего извода (которая, по мнению А.А. Шахматова, сохранила текст, предшествующий Повести временных лет) встречаем уточнение, казалось бы, несколько проясняющее чтение Лаврентьевского списка: «И раздравѣтръкропинныя(паруса. – И.Д.). И рѣшаСловенѣ: “имемся своих тольстинах; не даны суть Словеномъпрѣ”»⁶⁹; то есть ветер разорвал только *кропинные* паруса словен. Однако и это уточнение не вносит окончательной

---

⁶⁵ Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей. С. 492.

⁶⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 181.

⁶⁷ Повесть временных лет. С. 17.

⁶⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 32.

⁶⁹ Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. С. 108–109. Текст, выделенный курсивом, написан на полях наверху с выносным знаком, тем же почерком, что и основной текст, но более светлыми чернилами.

ясности: непонятным остается, почему именно *словенам* «не даны» паруса. В Ипатьевском списке в последней фразе находим еще одно уточнение – «прѣкропѣнныя»⁷⁰. Однако это чтение в упомянутой публикации не приведено. Появление же нового – «реконструированного» с оборотом «прѣпаволочиты» – текста объясняется просто: «Добавл. по смыслу»⁷¹. При этом не уточняется, откуда заимствовано это добавление.

Источником его, очевидно, стал текст компилятивного хронографического свода XV в. – Летописца Еллинского и Римского. Там, однако, вся история с парусами выглядит несколько иначе: «И въспяшапрѣрусѣпаволочитыя, а словенѣкропѣнныя, и раздравѣтрѣкропѣнныя. И рѣшасловенѣ: “Имемся своим тольстинам. Не даны суть словеномпрѣпаволочиты”»⁷².

Кстати, академическая публикация, из которой взята эта цитата, сама является ярким примером реконструкции публикуемого текста. Как отметил О.В. Творогов, «выбор основного списка издания представил немалые трудности. Во-первых, в списках Академического вида, лучше сохранивших тексте ЕЛ-2 (Второй редакции Еллинского летописца. – *И.Д.*), отсутствует Вводная часть, входившая в архетипный текст ЕЛ-2, поэтому Вводную часть мы воспроизводим по списку А (рубежа XV–XVI вв. – *И.Д.*) и списку Ч [к. XV в.]. Во-вторых, лучший список Академического вида – список Б [посл. треть XV в.] – утратил начало, поэтому оно восполняется по списку П [к. XV в.], являющемуся... его копией. Наконец, все без исключения списки ЕЛ-2 утратили свои первые листы. Поэтому первые два листа памятника воспроизводятся по тождественному тексту ЕЛ-1 – списку РНБ, собр. Погодина № 1437, XVI в., затем по списку А, пока не начинается текст списка Ч – лучшего списка Чудовского вида. Основная часть ЕЛ-2 издается по списку П, а когда начинается список Б – по этому списку»⁷³. Как видим, издатели публикуют гипотетический текст, созданной из фрагментов текстов различных списков Летописца Еллинского и Римского. Мало того, в реконструкции они используют даже тексты различных

---

⁷⁰ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 23.

⁷¹ Разночтения // Повесть временных лет. С. 132.

⁷² Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 473 (вторая пагинация), причем в сноске помечено, что в списке Ч слов «и раздравѣтрѣкропѣнныя» нет.

⁷³ Там же. С. 3 (первая пагинация).

«редакций», которые сами же характеризуют как «весьма отличные друг от друга памятники», различающиеся не только количеством источников, на которые опираются, но и «манерой построения» текста⁷⁴!

Вернемся, однако, к истории с парусами. Основанием предложенной Д.С. Лихачевым конъектуры стала догадка, будто в данном случае летописец хотел показать «недовольство новгородцев, подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта»⁷⁵. Комментатор, очевидно, полагал, что летописная *коприна*, из которой сшили паруса словеном (в отличие от паволоки, которая пошла на паруса для «варяжской» руси), – какая-то дешевая ткань. Такого мнения придерживался, в частности, А.С. Львов, считавший, что в данном случае речь идет о парусах, сшитых из *крапивной* (сделанных из волокон крапивы) ткани. Он исходил при этом не столько из собственно филологических оснований, сколько из буквального понимания текста и так называемого здравого смысла: «Едва ли ветер так легко может разодрать шелковую ткань. В самом деле, здесь речь, должно быть, идет о ткани из волокон крапивы – наименее устойчивой, которую ветер легко мог разодрать». При этом, правда, А.С. Львову приходилось делать одно небольшое допущение: «Обычай ткать из крапивной пряжи холст *мог существовать* и в древней Руси». Такое решение, однако, не снимало формально-логического противоречия: «Правда, немного странно то, что после того, как ветер разодрал *пря кропиныя*, *словѣне* взялись за *тѣлстины*, т.е. за парус из простого и грубого холста. Чем лучше холст из крапивы холста из конопли или льна?»⁷⁶. Эта догадка не получила поддержки у специалистов. Гораздо более вероятным было предположение И.И. Срезневского, что форма *кропинынь* возникла из *копринынь* («сделанные из коприны, шелковые») ⁷⁷. Современные исторические словари русского языка дают только

---

⁷⁴Творогов О.В. Предисловие // Летописец Еллинский и Римский. С. 1, 2 (первая пагинация).

⁷⁵Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. С. 419.

⁷⁶Львов А.С. Указ.соч. С. 79 (курсив мой.–И.Д.).

⁷⁷Срезневский И.И. Материалы для словаря... СПб., 1893. Т. 1: А – К. Стб. 1330.

такое значение этого слова⁷⁸. При таком прочтении вставка «по смыслу» полностью теряет смысл.

Реальный текст источника оказался издателю непонятным – и тот его «исправил», «вписав» в него собственный смысл, которого, скорее всего, никогда не было. Естественно, такое «прояснение» текста источника закрывает возможность его понимания. Зато дает основания для весьма вольных интерпретаций – и новых, еще менее надежных конкретно-исторических построений.

***

Дополнительные недоразумения порождает смешение понятий *реконструкции* и *реставрации* текста, которое допускают многие публикаторы исторических источников. В отличие от реконструкций, реставрация подразумевает действия, которые создают необходимые условия для верного понимания источника и направлены на восстановление первоначальных чтений списка, если он плохо сохранился, был искажен в результате вносившихся в него «поправок» и дошел до нас не в своем изначальном состоянии.

Как в свое время отмечал И.Э. Грабарь, «реставрация в современном понимании этого термина есть не восстановление памятника в его первоначальном виде, а только освобождение его от вековых наслоений, или иначе – его раскрытие. Основное требование, предъявляемое современной теорией и практикой, сводится к тому, чтобы памятник только раскрывался, но не восстанавливался»⁷⁹. Главная задача, которая стоит перед исследователем в ходе реставрации, – сохранить текст каждого списка в максимально возможной неприкосновенности, в том виде, в котором он дошел до нашего времени⁸⁰. Главный принцип, которым должен руководствоваться историк при проведении такой операции, как и в медицине, – «Не навреди». Любое вмешательство в текст списка при этом недопустимо. Все позднейшие исправления, приписки и собственные соображения при

---

⁷⁸СлДрЯXI–XIV вв. Т. 4: изживати – моление. С. 302; СлРЯXI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8: КРАДА – ЛЯЩИНА. С. 73.

⁷⁹Грабарь И.Э. Реставрация // Энциклопедический словарь русского bibliографического института Гранат. 7-е изд. М., 1932. Т. 36. Ч. 1: Растение – Речь Посполитая. Стб. 559–560.

⁸⁰Ср.: Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. СПб., 1997.

этом должны выноситься в сноски и комментарии. Любое вторжение в источник (в том числе, разбивка на слова, расстановка знаков пунктуации и т.п.) уже есть по сути своей его интерпретация.

Конечно, при реставрации текста можно встретить и конъектуральные исправления. Но там они занимают подобающее им место: в комментариях и подстрочных примечаниях – с подробным объяснением, почему данное чтение представляется ошибочным и как могло выглядеть первоначальное чтение. Вместе с тем обязательным условием должно стать строго научное обоснование как предположения об ошибке, так и предлагаемого исправления. Лучшим подтверждением конъектуры считается обнаружение предполагаемого чтения в одном из списков источника, хотя и в этом случае необходимо текстологически доказать, что именно оно присутствовало в исходнике. Конъектуры при реставрации никогда не вносятся в основной текст, но являются важной составной частью гипотетической реконструкции.

Ярким образцом подобной реставрации является подготовка изданий рукописи Изборника 1076 г. Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Институтом русского языка АН СССР). Единственный список Изборника сохранился в очень плохом состоянии. Помимо плачевного внешнего вида (перепутанные тетради, местами порванный, покореженный и затертый, со следами сырости пергамен, выцветшие чернила слабой концентрации и т.п.), сам список в прошлом был неоднократно «отреставрирован», письмо его несколько раз поновляли, причем довольно грубо. Один из «реставраторов» использовал чернила, содержавшие высокий процент какой-то кислоты, которые «не только погубили текст, но также и разрушили, прожгли пергамен. К тому же, «поновление не только изменило древний облик письма XI в., но исказило местами содержание, затемнило смысл отдельных частей текста». Дополнительные потери текст понес в XIX в.: «Желание если не сохранить почти угасший текст рукописи, то хотя бы прочесть его, привело к употреблению кем-то в начале XIX в. реактивов для проявления угасшего письма. В качестве такого восстановителя был использован горячий настой дубового орешка. Пергамен, покрытый этим раство-

ром, приобрел густой коричневый цвет, в котором впоследствии старый текст почти утратился и местами даже совсем исчез»⁸¹.

Тем не менее, использование современных методов оптического и оптико-фотографического анализа (включая наблюдение и фотографирование рукописи в лучах собственной люминисценции, возбуждаемой средним и ближним ультрафиолетом, а также красной люминисценции) позволило точнее восстановить первоначальные чтения, обнаружить плохо различимые или совсем невидимые записи и элементы письма (часть из которых выцвела, часть была умышленно стерта или зачеркнута, а часть – просто сильно загрязнена). Фотографии рукописи дали возможность зарегистрировать кратковременные оптические эффекты, обнаруженные в невидимых лучах спектра, изображения с низким уровнем яркости, а также увеличить линейные размеры элементов письма, что существенно облегчило их изучение. Благодаря этому были восстановлены многие правильные чтения не только отдельных букв, но и целых слов, исправлены ошибки, уточнены сомнительные чтения и восстановлены пропуски, допущенные прежними издателями Изборника. В тех случаях, когда текст был утрачен безвозвратно, либо слово искажалось так, «что по его виду нельзя не только установить первоначальное значение этого слова, но иногда вообще и прочесть его», издатели прибегали к восстановлению искаженного слова с помощью греческих параллелей. Те же параллели привлекались и для верификации чтений, установленных с помощью фотоанализа⁸².

В результате кропотливой работы исследователям удалось максимально полно реставрировать текст Изборника 1076 г., что нашло отражение в его публикациях 1965 и 2009 гг.⁸³ Эти издания оказываются для исследователя даже более полезным, чем

---

⁸¹ [Гольшненко В.С.] Палеографическое описание // Изборник 1076 года / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965. С. 34–36, 40, 41; Гольшненко В.С. Палеографическое описание // Изборник 1076 года / Под ред. А.М. Молдована. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 82–83, 85.

⁸² [Гольшненко В.С.] Палеографическое описание. С. 39; Гольшненко В.С. Палеографическое описание. С. 86.

⁸³ Изборник 1076 года / Под ред. С.И. Коткова; изд. подгот. В.С. Гольшненко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965; Изборник 1076 года / Отв. ред. А.М. Молдован; изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшненко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1–2. (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия)

непосредственное обращение к оригиналу, поскольку современное состояние рукописи не позволяет верно прочесть его без специального оборудования и привлечения внешних источников.

К сожалению, публикаторы далеко не всегда отличают реставрацию текста источника от его реконструкции. Характерно, что в фундаментальном труде Д.С. Лихачева по текстологии термин *реставрация* встречается всего один раз, да и то в цитате. Рассказывая о том, как удалось реконструировать текст утраченной в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи, знаменитый текстолог не обратил внимания на один очень важный нюанс в приведенном им высказывании М.Д. Приселкова. Тот писал: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложений и чтений». В основу своей реконструкции М.Д. Приселков положил «достоверные куски подлинного текста, в отношении которых могут быть колебания или неуверенности только в смысле орфографии или данных форм языка» (что было связано с тем, что фрагменты Троицкой летописи сохранились только в выписках Н.М. Карамзина). При этом, «в отношении каждого кусочка текста Троицкой.., к подлинным выпискам из Троицкой, в примечаниях к реконструированному тексту дается весь доказательный материал и излагаются все соображения о их подлинности»⁸⁴. Текст этих фрагментов, как отмечал Д.С. Лихачев, «им отнюдь не реставрировался, а сохранялся в подлинном виде»⁸⁵ (однако, по сути, эта часть работы М.Д. Приселкова как раз и была *реставрацией*). Дополнение же этих фрагментов выдержками из других летописных списков, привлечение каждого из которых было весьма серьезно обосновано, позволило создать *гипотетическую реконструкцию* текста утраченной летописи. При этом, публикуя ее, исследователь, используя различные шрифты, четко различил пассажи из основного реконструируемого источника, сохранившиеся в выписках Н.М. Карамзина, и заимствования из «посторонних» летописей, привлекавшихся для реконструкции состава Троицкого списка. «Мне думается, – уточнял М.Д. Приселков, – что в та-

---

⁸⁴Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 24–25.

⁸⁵Лихачев Д.С. Текстология. С. 469.

ком виде этот опыт реконструкции утраченного текста Троицкой летописи никого не введет в заблуждение, но может помочь всем тем исследователям, которые трудятся над изучением событий XIV в. или над изучением наших летописных сводов»⁸⁶.

***

Требование использовать в качестве исторических источников издания реальных текстов списков, а не гипотетических реконструкций в последнее время находит все большую поддержку. В качестве примера приведу два из семи основных принципов научного издания древнерусских летописей, которые сформулировал один из наиболее авторитетных современных специалистов в этой области: «При издании летописных текстов недопустимо исправление текста одной летописи по другой, а также подведение вариантов из текста другого летописного памятника... Публикация реконструкции летописного текста возможна только как результат полностью завершенного исследования, с целью закрепления и иллюстрации полученных текстологических выводов, либо может быть предпринята в популярном издании для чтения, не имеющем чисто научного характера»⁸⁷.

Эти принципы должны распространяться на публикации всех без исключения исторических источников. Несоблюдение их может ввести в заблуждение любого, даже самого внимательно-го исследователя и стать основой серьезных ошибок.

---

⁸⁶Приселков М.Д. Троицкая летопись. С. 25.

⁸⁷Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей. С. 744.

Глава 7

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПО НАСЛЕДСТВУ: ГЕНРИХ (VII) ШТАУФЕН И ЕГО ОТЕЦ*

Для средневекового правителя передать наследство своему сыну – способ показать могущество собственной власти. В первую очередь, конечно, в этом следует видеть стремление установить собственную династию в качестве правящего дома на как можно более долгий срок. В германской империи, в условиях выборности королевской власти, наследование трона близким родственником было особенно важной задачей для действующего государя. Штауфены отличались стремлением разнообразными, в том числе репрезентационными, способами утвердить идею, что их династия будет занимать германский престол вплоть до Страшного суда¹. Вместе с тем, унаследовать политику и именно *modumvivendi* предшественника на престоле не просто означало для преемника принадлежать династии и следовать потестарной традиции рода, но и позволяло усилить собственную легитимность, укрепить свою власть за счет «харизмы» и авторитета предыдущего правителя².

В этой статье я постараюсь установить, удалось ли Генриху (VII) Штауфену (1211–1242) перенять некоторые черты управления государством у своего отца. Насколько *успешно* для себя и для страны он применял приёмы, властные стратегии, *modumregnandi* Фридриха II – при выстраивании коммуникаций с различными социальными группами германской империи

---

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00154-ОГН.

¹См., например: *Schaller H.M.* Das Relief an der Kanzel der Kathedrale von Bitonto: einDenkmal der KaiserideeFriedrichs II // *Stupor Mundi. Zur Geschichte Friedrichs II. von Hohenstaufen.* Darmstadt, 1966. S. 591–616; *Neu-Kock R.* Das Kanzelrelief in der Kathedrale von Bitonto // *ArchivfürKulturgeschichte.* 1978. Bd. 60. № 2. S. 253–267.

² Так, невозможно разделить, являлись ли у побочных сыновей Фридриха II страсть к охоте (Манфред) или сочинение стихов (Энцо) их личными предпочтениями или же копированием занятий, которым уделял время их родитель-император.

(светскими и духовными князьями, министрами, городами), а также в «межправительственных» взаимоотношениях отца-императора и сына-короля.

Характерной чертой канцелярии Фридриха II было то, что она – поскольку этот правитель был также и сицилийским королём – многое унаследовала от придворного аппарата Византии. Будучи многоуровневой сложной структурой, она создавала для императора послания, богатые сложными риторическими конструкциями, отсылками к авторитетным сочинениям Античности и Средневековья. Интеллектуалы, трудившиеся в канцелярии Штауфена, прекрасно знали как правовые тексты, так и Священное писание. Всё это делало послания Фридриха II действенным политическим оружием, против которого было сложно защищаться даже апостольскому престолу. С помощью сложных цепочек умозаключений и доказательств, подкреплённых ссылками на авторитеты, Штауфен объяснял и доказывал в посланиях правоту своих политических действий. Так создавались не просто «официальные объяснения» императорского престола, но конструировалась иная реальность, где интерпретация значила больше и зачастую иное, чем само действие. И эта интерпретация событий вплотную подходила – а иногда и переступала – грань обмана.

Для того, чтобы решить поставленные задачи и всесторонне оценить кульминационный эпизод деятельности Генриха (VII) как правителя в 1235 г., необходимо проследить особенности становления младшего Штауфена как политической фигуры начиная с самого его рождения.

В первой половине 1211 г. у 16-летнего Фридриха II (сицилийского короля с 1198 г.) родился первенец. Ребенок в семье правящей династии, по широко распространенному в средневековой Европе обычаю, сразу же превратился в субъект политических отношений и властных притязаний его отца. Фридрих назвал новорожденного в честь своего родителя, германского императора Генриха VI, показав тем самым, что он, занимая сицилийский престол, сохраняет и укрепляет связь с германскими правителями-предками по отцовской линии. В марте 1212 г., когда германские князья уже избрали Фридриха королем Римлян, этот 17-летний правитель короновал наследника короной Сицилии; регентом стала мать младенца, Констанция Арагонская.

Междукоролевским и апостольским престолами шли перегово-

воры о том, что Штауфен передаст свое южное королевство сыну, а сам будет управлять только германскими землями. Иннокентий III справедливо опасался угрозы папскому государству при соединении в одних руках власти над Сицилийским королевством и германскими землями и заставил Фридриха пообещать «раздельное» их правление³. Однако, когда понтифик через две недели после этого соглашения скончался, король более не чувствовал себя связанным словом с апостольским престолом. Штауфен оставил за собой корону Сицилии и инициировал избрание малолетнего сына германским королем⁴. В этой рокировке уже угадывался характерный стиль правления Фридриха: он стремился сохранить за собой верховную власть и над сицилийским королевством, и над германскими землями, отводя Генриху роль своего наместника. Этой дипломатической игрой правитель стремился добиться выгод для себя и при этом сохранить видимость того, что другая сторона не является пострадавшей и что такое одностороннее изменение условий соглашения на самом деле выгодно оппоненту так же, как и ему самому.

Пока юный Генрих не достиг совершеннолетия, такого рода отношения между двумя правителями, отцом и сыном, были сравнительно устойчивыми и гармоничными. Окружение юного германского короля составляли штауфенские епископы, представители знати и министерялы, которых сам Фридрих избрал сыну в воспитатели: Конрад фон Шарфенберг, Эберхард фон Вальдбург, Конрад фон Винтерштеттен, Генрих фон Нойфен, Вернер фон Боланден, Герхард фон Диц и другие. Через два года после избрания Генриха королем, 8 мая 1222 г. в Аахене его ко-

---

³См. опереговорахвСтрасбурге: Regestaimperiiinde ab anno MCXCVIII usque ad annum MCCLIV – Die Regesten des Kaiserreichs unten Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII) und Conrad IV. 1198–1254 / Hrsg. von I.F. Bömer, J. Ficker, E. Winkelmann. Innsbruck, 1881–1901. T. V, 1, 1. № 866; T. V, 1, 2. № 3844a (далее – RI). Такое же обещание Фридрих снова принес в 1220 г.: MGH.Constitutionesetactapublicaimperatorum et reguminde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198–1272) / Hrsg. von L. Weiland. T. 2. Hannoverae, 1896.S. 82–83 (далее – MGH. Constitutionesetacta).

⁴Для этого Фридрих сначала сделал сына герцогом Швабским (в 1216 г., согласно В. Штюernerу, или в 1217 г., согласно Х.М. Шаллеру), а в 1220 г., незадолго до имперской коронации Фридриха, на хoftаге во Франкфурте Генрих был избран имперскими князьями и получил титул *RexRomanorum*; также он стал ректором Бургундии.

роновал архиепископ Кёльнский Энгельберт.

И, тем не менее, очень скоро, после убийства этого архиепископа, бывшего регентом германского королевства, 7 ноября 1225 г. между Генрихом и его отцом наметились первые расхождения. Последний искал нового советника для сына, и, после длительных уговоров, эту роль – в должности управляющего делами – согласился взять на себя светский князь Людвиг Баварский. Обсуждение данного вопроса Фридрих вынес на рейхстаг в Кремоне (1226 г.), куда Генрих был приглашен, но не прибыл. Таким образом, император не позволил 15-летнему германскому королю править самостоятельно⁵. Любопытно при этом, что в свое время, когда самому Фридриху исполнилось 14 лет, он был объявлен его опекуном Иннокентием III совершеннолетним, и его первые действия на сицилийском троне были столь решительными, что даже вызвали протест папы⁶. Генрих пытался идти по стопам отца, предпринимая самостоятельные шаги в качестве германского короля: он, 14-летний, лично председательствовал на суде 21 ноября 1225 г., где рассматривалось дело убийц архиепископа Энгельберта Кёльнского.

В 1227 г. император Фридрих II был отлучен от Церкви за неисполнение клятвы крестоносца⁷. Вскоре правитель все же от-

---

⁵*Stürner W. König Heinrich (VII.) – Rebell oder Sachwalter staufischer Interessen? // Staufisches Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze zur Herrschaftspraxis und Persönlichkeit Friedrichs II. / Hrsg. von F. Reichert. Köln, Weimar, Wien, 2012. S. 256–290, здесь S. 272.*

⁶Фридрих вмешался в процедуру назначения архиепископа Палермо; от этого права короны отказалась еще его мать, о чем тогдашний pontифик Иннокентий III напомнил юному правителю.

⁷Подробнее о причинах и общественно-политическом контексте папской буллы см., например: *Rader O.B. Friedrich II. Der Sizilianer auf dem Kaiserthron. Eine Biographie. München, 2012. S. 371–406; Abulafia D. Frederick II: a Medieval Emperor. L.; N.Y., 1988. P. 164–201; Kantorowicz E.H. Frederick the Second, 1194–1250. N.Y., 1957. P. 167–220; van Cleve T.C. The Crusade of Frederick II // A History of the Crusades / Ed. by K.M. Setton. T. 2. Philadelphia, 1962. P. 377–428; Smith Th.W. The Role of Pope Honorius III in the Fifth Crusade // The Fifth Crusade in Context: The Crusading Movement in the Early Thirteenth Century / Ed. by E.J. Mylod, G. Perry, Th.W. Smith, J. Vandeburie. L., 2017. P. 15–26. См. также: http://www.academia.edu/6378841/The_Role_of_Pope_Honorius_III_in_the_Fifth_Crusade_in_The_Fifth_Crusade_in_Context_The_Crusading_Movement_in_the_Early_Thirteenth_Century_ed._E.J._Mylod_Guy_Perry_Thomas_W._Smith_and_Jan_*

плыл в Святую землю, не примирившись с папой, а апостольский престол предпринял попытки занять земли Штауфена верными войсками и тем фактически лишить его власти. Среди тех, кто встал на сторону понтифика, был и регент германского королевства Людвиг Баварский. Чтобы сохранить земли Южной Германии под контролем Штауфенов, Генрих вторгся с войском в 1229 г. в Баварию, нанес герцогу поражение и вынудил того укрыться в замке Кельхаймер. С этого началось фактическое самостоятельное правление младшего Штауфена в Германии. Также король предпринял ряд шагов против еще одного сторонника папы, епископа Страсбургского Бертольда. Генрих в Эльзасе сознательно продолжил политику отца⁸ в начале его правления: покровительствовал городам, приобрел крепость Кайзерсберг и сделал из нее плацдарм Штауфенов на случай военных конфликтов с верхне-эльзасскими герцогами. Укрепление позиций королевской власти в этом регионе (графы фон Пфирт передали часть своих прав Генриху, став его вассалами) вызвало озабоченность страсбургского епископа, который, заручившись поддержкой папы, разбил в вооруженном конфликте войско вассалов короны и нанес ущерб ряду королевских городов. Таким образом, молодой король пробовал самостоятельно выстраивать отношения и укреплять свою власть на разных уровнях, региональном и «федеральном», и между двумя престолами, светским и духовным.

Во время крестового похода Фридриха, когда он не мог жестко контролировать сына, тот искал иные силы и средства, которые стали бы опорой его власти. Молодой правитель поддерживал города и министриалов, укреплял штауфенский домен и особенно противодействовал тем, кто принял сторону понтифика в конфликте с императором. В этом можно видеть как проявление его преданности отцу, действующему в Святой земле, так и стремление Генриха утвердить собственную власть в Германии относительно князей. К концу 20-х гг. XIII в. уже становились заметными частые конфликты интересов короля и крупных сеньоров, власти центральной и власти федеральных правителей. Таким образом, речь шла не об инфантильных эпизодических порывах юного правителя, но о подлинной стратегии царствования, вполне зрелом понимании интересов короны и по-

---

Vandeburie_London_Routledge_2017_pp._15-26 и др.

⁸StürmerW. Op. cit. S. 273.

пытке реализации этой стратегии рациональным способом.

***

Примирение императора Фридриха с апостольским престолом в 1230 г. существенным образом повлияло на характер взаимоотношений Генриха (VII) и германских сеньоров. Дело в том, что шесть имперских князей из Юго-Восточной Германии выступили посредниками при заключении мира между отлученным от Церкви правителем-крестоносцем, вернувшим Иерусалим в руки христиан, и папой римским. А потому Фридрих был вынужден им покровительствовать в благодарность за их поручительство, даже если это шло вразрез с интересами короны в Германии.

23 января 1231 г. в Вормсе Генрих под давлением князей издал запрет для городов заключать между собой союзы против их воли. Правитель даже не имел права санкционировать создание подобных объединений. Князья также вынудили короля не только отозвать недавние Мааские привилегии городам, но и подтвердить их права как сеньоров городов (*Stadtsherren*)⁹. В мае 1232 г. Вормские соглашения санкционировал император: в *Statutum infavorem principum* за светскими имперскими князьями среди прочего, закреплён статус суверенных правителей земель, *dominiterre (Landesherren)*¹⁰. Германский король также обязался следить, чтобы развитие имперских городов не наносило ущерб интересам князей. Формально все эти меры выглядели как уступки центральной власти в пользу территориальной. Авторитет короля в такой ситуации едва ли возрос. Однако ведущий специалист по истории Штауфенов В. Штюрнер считает, что эти привилегии¹¹ имели небольшое практическое значение, поскольку в своем правлении король также мало придерживался княже-

---

⁹HistoriadiplomaticaFridericiSecundi, siveconstitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersuntistiusImperatorisetfiliorumejus. AcceduntepistolaePapaeetdocumentavariorum. Collegit, ad fidemchartarumetcodicumrecensuit, juxtaferiemannorumdisposuit et notisillustravit / Ed. par J.-L.-A. Huillard-Breholles. 7 t. P., 1852–1861. T. 3. P., 1862. P. 445–446 (далее – HD).

¹⁰MGH.Constitutionesetacta. T. 2. S. 212.

¹¹*Statutum in favorem principum* давали привилегии светским князьям. Духовные же князья Германии добились от короны существенных уступок раньше, в 1220 г. (*Confederatio cum principibus ecclesiasticis*). Поэтому оба этих соглашения принято расценивать в едином ключе, как дарование центральной властью прав территориальным правителям.

ских требований к его земельной политике, как и до подписания этих соглашений¹². Также, по мнению исследователя, в них формально признавалось то положение дел, которое фактически уже существовало во многих землях.

Анализ центробежных и центростремительных сил в Германии XIII в., а также городской истории в разных частях Священной Римской империи заслуживает отдельного исследования. В рамках же заявленной темы важно подчеркнуть, что в начале 30-х гг. XIII в. окончательно оформились силы, вставшие в жесткую оппозицию по отношению друг к другу. И она с каждым месяцем становилась все более бескомпромиссной. С одной стороны находились города, которым пытался покровительствовать король Генрих (VII), а с другой – владетельные сеньоры, которым жаловал различные привилегии император Фридрих II. Я уже упоминала, что союз старшего Штауфена с князьями был закреплён вследствие их посредничества между ним и апостольским престолом при заключении перемирия в 1230 г. в Сан-Джермано. Но опора на крупных феодалов была также выгодна Фридриху, поскольку те поставляли воинов в императорское войско. Ценой широких привилегий обеспечивалась их верность правящему дому Штауфенов, их поддержка при выборе Фридриха, а позже и Генриха королем.

В то время, когда реальные права императора в германских землях постепенно переходили в руки князей, полномочия и место *германского короля* в этой системе властных отношений (притом, что германский император и германский король были разными лицами!) оставались фактически неопределёнными. И поддержку Генрихом городов (перемежающуюся актами денонсации данных привилегий под нажимом князей), монастырей и его опору на министериалов надлежит рассматривать именно в свете поиска молодым правителем пути обретения реальной власти короны в сложившихся специфических условиях, как попытку стать самостоятельной фигурой на политической арене средневековой Германии. В этом смысле младшему Штауфену предстояло доказать свою состоятельность как правителя, не только зафиксировав определенные потестарные отношения с князьями и городами, но и с отцом-императором.

Возможность для этого представилась через несколько меся-

---

¹²Stürner W. Op. cit. S. 276.

цев после подписанных Генрихом в начале 1231 г. привилегий: в декабре того же года Фридрих пригласил князей и Генриха на рейхстаг в Равенну. Фон для возможной встречи отца и сына – а последний раз они виделись 12 лет назад, в 1220 г., когда Генриху было восемь лет, – был неблагоприятным для младшего Штауфена. В то время, когда союз с князьями был столь стратегически важен для Фридриха, Генрих не оставлял попыток уменьшить их влияние и за счет этого укрепить собственную власть. По оценке императора, правление его сына наносило королевству все новые и новые убытки, но не приносило никаких выгод¹³. Скорее всего, Генрих предчувствовал, что рейхстаг окончится урезанием его прав или категорическим приказом отца не предпринимать ничего в ущерб интересам князей. Вот почему в Равенну германский король не приехал. С одной стороны, ломбардские города блокировали альпийские перевалы, что могло помешать ему прибыть к отцу на совет. Хотя многие германские князья, находясь в тех же условиях, все же на рейхстаг явились. С другой стороны, высказывалось предположение, что Генрих действительно пытался избежать встречи и, очевидно, не предпринял никаких усилий, чтобы добраться до Равенны¹⁴.

Таким образом, уже вторично молодой король проигнорировал приглашение родителя явиться на рейхстаг. Такое поведение Генриха можно расценить как проявление страха перед отцом. А можно – как сознательное политическое поведение: уходя от очного разговора с Фридрихом, он стремился защитить свои интересы и сохранить возможность проводить те решения, которые он считал выигрышными для собственной власти. И здесь он перенимал тактику своего предшественника. На сей раз разгневанный Фридрих отправил своего рейхсканцлера, епископа Регенсбургского Зигфрида, в Германию, с приказом Генриху явиться именем императора. Посланец застал короля в Аугсбурге в середине марта и уговорил выполнить указание венценосного родителя. Перед отъездом, 17 марта 1232 г., ссылаясь на якобы данное ему отцом право полновластного управления Германией, Генрих подтвердил свободы горожанам Вормса и санкционировал учреждение их городского совета¹⁵. Такая политика шла

---

¹³Stürner W. Op. cit. S. 277.

¹⁴Ibid.

¹⁵RIV, 1, 2. № 4228. См. также: HD. T. 4. P., 1860.P. 564.

вразрез с постановлениями Фридриха на рейхстаге в Равенне тремя месяцами ранее и правам князей, которые сам Генрих подтвердил год назад¹⁶. Со стороны германского короля такое поведение было крайне рискованным. Если он рассчитывал после встречи с отцом на рейхстаге возвратиться в Германию в прежнем качестве, то, рассердив императора своими последними решениями, противоречившими воле Фридриха, Генрих совсем не повышал своих шансов сохранить трон. Кроме того, у него уже был опыт, когда данные им привилегии отец впоследствии отзывал.

Не лишенной оснований будет здесь и трактовка «психологическая»: такие шаги Генриха можно объяснить его импульсивностью, политической «агонией» перед грядущим «переоформлением» его полномочий. Однако мне кажется более правомерным объяснение рациональное. Подобные действия младшего Штауфена, здравомыслящего правителя с планом действий, имели значение прежде всего в сфере репрезентационной: так он показывал городам, что его покровительство останется неизменным, что они – его союзники, и представлял в их глазах как полновластный, независимый король, который едет на рейхстаг с намерением отстоять их права перед имперским собранием.

Свою независимость от Фридриха II его сын пытался утвердить не только в сфере взаимоотношений с князьями. В 1225 г. был заключен брак между Генрихом и Маргаритой, дочерью австрийского герцога Леопольда VI, которая была старше жениха на семь лет. Невесту сыну выбрал отец, руководствуясь своими политическими интересами. Фридрих хотел усилить связи короны с австрийским герцогством и плотнее включить его земли в орбиту влияния империи. В конечном счете ему это удалось. Союз с Леопольдом Австрийским был настолько прочным, что тот выступил одним из поручителей Фридриха при заключении мира между империей и папством в 1230 г. Однако для Генриха брак оказался несчастливым. Несмотря на то, что Маргарита родила ему двух сыновей, германский король планировал развестись с ней и жениться на своей юношеской любви Агнессе Богемской, с которой был помолвлен еще в 1220 г. В качестве повода для разрыва младший Штауфен указывал, что после смерти тестя в 1230 г. он так и не получил оговоренную в брачном соглашении часть приданого Маргариты. Аббат Санкт-Галлена с

---

¹⁶См. прим. 9 и связанный с ним текст.

трудом уговорил короля отказаться от данного намерения. Фридрих выплатил Генриху недостающую сумму из собственной казны.

Как видно, желание Генриха и в матримониальных вопросах шло вразрез с планами отца: во-первых, развод рассорил бы Штауфенов с австрийским герцогом; во-вторых, Фридрих и сам посватался к Агнессе. Она, однако, попросив заступничества папы Григория IX, вообще отказалась выходить замуж¹⁷, предпочла духовную жизнь по примеру своей кузины Елизаветы Тюрингской и Клары Асизской, с которой переписывалась. В 1234 г. она ушла в монастырь клариссинок, основанный самой Агнессой годом ранее в Праге.

Таким образом, сразу в двух важнейших стратегических направлениях политика Генриха (VII) и его способы обретения независимости как политической фигуры входили в конфликт с интересами императора Фридриха II.

Когда германский король уже находился поблизости от Аквилеи, где отец устраивал рейхстаг, он получил приказ оставаться в Чивидале. Генрих покорно ждал, пока рейхстаг переместится в этот город, где и состоялась встреча отца-императора и сына-короля, которая оформила взаимоотношения между двумя правителями и определила дальнейший ход событий и плату за политические решения, принятые как одним, так и другим.

Сохранившиеся источники не дают исчерпывающей информации, что именно и как происходило при встрече Фридриха и Генриха. Ее итоги и, по-видимому, даже ее церемониал оказались унижительными для младшего из Штауфенов. Однако в точности происходившее в Чивидале нам не известно, поскольку текст клятвы, данной тогда Генрихом, до нас не дошел¹⁸. Впрочем, о результатах этого знакового свидания, данных обещаниях и условиях их соблюдения можно судить по косвенным источникам: они сохранились в переписке правителей и князей, присутствовавших на рейхстаге. Также в распоряжении исследователей имеется текст от 10 апреля 1232 г., который, скорее всего,

---

¹⁷Фридриху II приписывают такие слова по этому поводу: «Если бы она оставила меня ради простого смертного, я бы дал ей почувствовать силу моего гнева, но я не могу быть оскорбленным, если она предпочла мне Царя Небесного». См.: Агнесса Богемская // Католическая энциклопедия, <http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=403>. дата обращения: 1.04.2018)

¹⁸*Stürmer W. Op. cit. S. 278.*

являлся повторением договоренностей в Чивидале. Король произнес клятву, в которой обязался действовать в интересах Фридриха II и защищать их. Я приведу этот документ полностью, поскольку он позволяет сделать вывод о том, какой тактики и стратегии придерживался Генрих в своей политике по отношению к отцу-императору:

Святейшего отца во Христе и господина Григория, милостью Божьей верховного понтифика святейшей римской Церкви, приветствует и выражает сыновье почтение Генрих, той же милостью король Римлян и вовеки августейший. Да будет известно вам, отец, что мы очень дорожим родительским покровительством и благоволением нам божественного августейшего отца нашего господина Фридриха, императора Римлян, сиятельного короля Иерусалима и Сицилии. Чтобы он был нами вполне доволен и дабы князья и верные империи порадовались нашему единодушию и чтобы целиком и полностью устранить любое основание для подлости увиливания, мы клянемся, по собственному побуждению и добровольному устремлению, что все, что ни определит с нами наш счастливый и прославленный отец, или каждый раз, когда он повелит что-либо исполнить, устно или через свои письма, – мы исполним по собственной воле и добросовестно. И мы не станем – ни словом, ни действием, ни советом или сочувствием, через приказы или исподтишка – чем-либо управлять или что-либо предпринимать, что привело бы к ущербу или ущемлению [интересов] упомянутого нашего отца, личному или земельному, или его чести и достоинства, или к его поражению. Если же кто-то, тем не менее, словесно или действиями тайными или открытыми что-либо затеет или будет побуждать к тому, что идет против [интересов] упомянутого нашего отца, – мы тотчас постараемся известить о возмутителях упомянутого господина отца нашего через письма или с гонцом. И мы ни в коем случае не потерпим, чтобы имели место такие слова или действия против него. И даже для более надежного поручительства: если бы мы поступили против [вышесказанного], то пусть воинст-

вующая Церковь, кроме наказания, которое налагается судом торжествующей Церкви за клятвопреступление, учинит над нами суровое разбирательство. А кроме этого, мы, выказывая свое чистосердечное желание, отдаем себя в распоряжение и во власть святой Римской Церкви. А именно, что в случае противодействия с нашей стороны [отцу] в чем-либо или в целом, да объявите вы и ваши преемники, по требованию упомянутого нашего отца, без заблаговременного предостережения и без проведения гласного судебного слушания, что мы отлучены от Церкви на основании клятвопреступления. И пусть так считают нас отлученными до тех пор, пока мы не дадим соответствующего удовлетворения во всем Богу и упомянутому нашему отцу как если бы против нас был оглашен обычный приговор об отлучении от Церкви. На память об этом мы повелили составить настоящее письмо и скрепить его золотой печатью с оттиском нашего величества¹⁹.

---

¹⁹“Sanctissimo in Christo patri et domino Gregorio, Dei gratia sacrosancte Romane Ecclesie summo pontifici, Henricus, eadem gratia Romanorum rex et semper augustus, salutem et reverentiam filialem. Notum sit paternitati vestre quod nos diligentius attendentes paternam erga nos divi augusti patris nostri domini Friderici Romanorum imperatoris, Hierusalem et Sicilie regis illustris, benivolentiam et favorem, ut in nobis ei bene complacet, et principes et fideles imperii nostra unanimitate letentur, et omnis materies tergiversationis nequitiæ de medio penitus auferatur, motu proprio et spontanea voluntate juravimus quod quicquid et quotiens idem felix et inclytus pater noster nobiscum disponet, aut ore suo vel litteris suis mandaverit faciendum, voluntarie et bona fide complebimus, nec erimus in dicto, facto, consilio seu consensu, vel litteris publicis vel occultis aliquid procurabimus aut quicquam faciemus, quod ad incommodum et damnum personæ seu terre, honoris et dignitatis seu detrimentum eidem patri nostro cedat. Si quis autem vel si que verbis vel factis privatis vel manifestis aliquid suggesserit vel persuaserit, quod sit contra eundem patrem nostrum : statim per litteras velper nuntium eidem domino nostro patri studebimus suggerentium intimare personas, et nullatenus verba illa vel facta patiemur contra eum habere processum. Ad majorem quoque cautelam, ut preter jurisjurandi penam, que triumphantis Ecclesie iudicio irrogatur, si contra veniremus censure subjaceamus Ecclesie militantis, super hoc nos mandato et jurisdictioni sancte Romane Ecclesie de expressa et gratuita voluntate nostra subicimus. Ita videlicet, ut nobis contravenientibus in aliquo vel in totum, liceat vobis et successoribus vestris ad requisitionem dicti patris nostri, nulla admonitione premissa vel strepitu iudicii observato, ratione perjurii excommunicatos nos denunciare, etsic pro excommunicatos habere, quousque proinde Deo et predicto

Этот текст, фиксируя полное подчинение короля носителю универсальной власти, демонстрировал не только расстановку политических сил в Германии и империи. Он должен был регламентировать дальнейшие взаимоотношения Фридриха и Генриха. Тем не менее, между декларацией и точным исполнением написанного существовал зазор, и в последующие годы Штауфену-младшему предстояло решать вопрос, как именно представить свои действия, чтобы они выглядели не противоречащими данным им самим якобы по доброй воле обещаниям.

Первое, что следует отметить при анализе этого основополагающего документа, – это диктат императора. Очевидно, что все формулировки были навязаны Генриху самим Фридрихом. Король, самостоятельно составляя грамоту, не стал бы называть свои возможные действия в будущем *подлыми увертками* (*nequitietergiversationis*). В пользу принуждения младшего Штауфена к принесению подобной клятвы говорит и то, что в этом небольшом тексте дважды указывалось на *добровольный характер* и собственный почин правителя. Очевидно, у адресата послания, Григория IX, а также у подданных могли возникнуть сомнения на сей счет, и автор спешил таким образом заранее их развеять. Однако как раз независимый король не стал бы включать подобные формулировки в текст своих приказов и распоряжений, поскольку свобода его волеизъявления и так была очевидна всем, в первую очередь – ему самому.

Рука Фридриха явным образом чувствуется не только в указанных «психологических» характеристиках Генриха, но и в том, как оказался составлен документ по существу. Цель старшего Штауфена представлялась очевидной – заставить сына быть послушным ему. Фридрих очень подробно описывал действия, за которые молодой король может подвергнуться наказанию. Этим он словно раскладывал по элементам конструкцию дипломатической манипуляции, которая искусно оттачивалась и применялась в его собственной канцелярии по отношению к контрагентам императора. Так более опытный правитель пытался заранее,

---

domino patri nostrosatisfaciamus ad plenum, ac si contra nos sollemnis excommunicationis sententia lata foret. Adujus rei memoriam, presensscriptum fieriet bulla aurea typario nostro majestatis impressajussimus communiri. Datum apud Augustam, anno dominice incarnationis M.CC.XXX.II, quarto idus aprilis, indictione quinta” (HD. T. 4. P. 952–953).

на каждом этапе пресечь распространение выстроенного в посланиях короля дискурса многослойных и много-оправдательных интерпретаций и оценок конкретных политических шагов. В этом дискурсе автор послания превращался из предателя в верного, из обманщика – в государя, который хотел и почти выполнил обещание, только обстоятельства помешали довести дело до донца, или выполнил и был покорен – только «враги империи» доносят до вас ложные сведения об обратном.

В тексте выстроено риторическое причинно-следственное соответствие: в ответ на «отцовское благоволение и покровительство» Генрих «доставлял отцу удовольствие» клятвой. Фридрих еще раз вкладывал в уста сына заявление и обещание поступать угодным ему образом и словно программировал его будущее поведение. Существенно, что император ясно давал сыну понять, как ему следует вести себя, если он хочет успешной «политической карьеры».

Однако все вышеуказанные условия, которые были призваны обеспечить лояльность «неблагонадежного» правителя, Фридрих II очевидно считал недостаточно эффективными. Характерно, что именно император расширил число контрагентов в, казалось бы, семейном договоре двух германских государей. Чтобы связать Генриха еще более жесткими обязательствами, старший Штауфен заставил сына поклясться в верности не только перед ним, но и перед папой римским. Об этом в тексте документа упоминается несколько раз. Фридрих II делает папу участником договора, еще одним гарантом того, что *rex Romanorum* сдержит обещание. Иными словами, император как будто расписывался в том, что его собственного авторитета и угроз в адрес сына может оказаться недостаточно для того, чтобы присмирить Генриха, а потому Фридрих взял в союзники понтифика с его авторитетом в масштабах всего христианского мира, чтобы оставить первенцу только один вариант поведения. Дамоклов меч отлучения от Церкви, нависший над германским королем после принесения данной клятвы, должен был стать ему серьезным предостережением. Генрих прекрасно знал, к каким политическим последствиям для Германии и Сицилийского королевства привела ранее церковная опала самого Фридриха. Однако текст клятвы был составлен таким образом, что оглашение экскоммуникации произошло бы по просьбе императора, а не по решению папы, т.е., несмотря на авторитет понтифика,

решение об отлучении инициировал бы сам Фридрих. Этот тонкий дипломатический ход осуществился бы только при условии мира и согласия между апостольским и императорским престолом. Заключение соглашения с подобными условиями было выгодным для императора сразу по нескольким причинам.

Самому Генриху текст клятвы, безусловно, ограничивал свободу действий. Обещание исполнять все приказы императора не только ставило германского короля в подчиненное положение. Формулировка была четкой, и каждый шаг Генриха в дальнейшем можно было сразу же квалифицировать как соблюдение или же нарушение данного им обещания. Впрочем, условие действовать в интересах императора оставляло все же некоторый маневр для дипломатии: трактовать те или иные поступки младшего Штауфена как выгодные империи в краткосрочной или среднесрочной перспективе.

По возвращении в Германию Генрих в течение нескольких месяцев то поддерживал земельных магнатов и ограничивал самоуправление городов (Регенсбург), то пытался поддержать города против их сеньоров, но, после возражений епископов, запрашивал городской совет и восстанавливал *statusquo* (Метц, Вормс²⁰). Такая непоследовательная политика лишила его симпатии городского населения, но и не привлекла в полной мере на его сторону епископов-сеньоров. До Фридриха доходили вести от князей, что его сын не всегда действует в интересах императора. Вот почему старший Штауфен уже третьего декабря 1232 г. просил архиепископа Трира Дитриха (Теодориха), чтобы тот лично напомнил королю о его клятве послушания и усовестил его²¹. Беседа, очевидно, имела некоторый успех: 10 апреля 1233 г. Генрих отправил папе послание, в котором просил объявить себя отлученным от Церкви за непослушание, если он действительно его проявил²². Здесь перед нами – еще один пример отнюдь не добровольного волеизъявления правителя.

Новое столкновение с Церковью в очередной раз осложнило положение Генриха. В 1233 г. начались первые инквизиционные процессы в Германии. Император, приказавший искоренить ересь, и король были поначалу заодно с инквизицией. Однако

---

²⁰RI V, 1, 2.№ 4245.

²¹RI V, 1, 1.№ 2012.Ср.: RI V, 1, 2.№ 4269a.

²²MGH.Constitutionesetacta. S. 426–427.

вскоре Генрих выступил против присланного римским престолом инквизитора Конрада Марбургского, который проявил себя как ярый религиозный фанатик, становившийся все более опасным²³. Так, король перенес в светский суд процесс графа фон Сайна (лето 1233 г.) и, отложив рассмотрение дела, отпустил обвиняемого на свободу. Через несколько дней инквизитора убили, что обострило конфронтацию Генриха и с епископами, разделявшими взгляды Конрада, и с апостольским престолом²⁴.

Методы, при помощи которых король пытался править самостоятельно в германских землях, устанавливать порядок, суд и справедливость, проводить «сдержанную» политику по отношению к обвиняемым в ереси диссонировали с законами против еретиков, принятыми императором. Противоречия во взглядах отца и сына проявлялись все острее, жалобы князей на Генриха поступали Фридриху все чаще.

Первого июля 1234 г. император объявил, что прибудет в Германию в следующем году, и назначил дату своего хофтага во Франкфурте на 24 июня 1235 г. Пятого июля 1234 г. папа, после встречи с Фридрихом, сообщил Генриху о том, что архиепископ Трирский везет в Германию буллу об отлучении короля от Церкви²⁵. Это ставило того на грань потери авторитета, союзников и, возможно, трона. Хотя он и был законным правителем, избранным германскими князьями, практика выборов контр-королей была исключительно распространена в Германии, причем папы римские в XIII в. играли в этом процессе весьма заметную роль.

Поэтому Генриху было необходимо срочно принимать ответные меры. Для предотвращения потери власти ему следовало сохранить покровительство отца или, напротив, обеспечить себе полностью автономное правление.

Пытаясь достичь первой цели, Генрих направил пространное послание епископу Хильдесхайма, в котором подробно перечислил все свои действия «на благо империи и к увеличению славы императора»²⁶, а также просил Конрада Хильдесхаймского выступить посредником между ним и Фридрихом, чтобы тот не

---

²³Kantorowicz E.H. Op. cit. P. 400.

²⁴Ibid. P. 401.

²⁵HD. T. 4. P. 473–476.

²⁶«...ad augmentum imperii disposuimus et ad promovendum serenissimam patris nostrae commodum et honorem» (HD. T. 4.P. 682).

лишал своего сына милости.

Разумеется, это письмо содержало не все факты, а представляло ситуацию так, как это было выгодно его автору. Главным, что обходил молчанием Генрих (VII), была его клятва в Чивидале в покорности и исполнении приказов Фридриха II. Также не упоминал король и о своем согласии принять отлучение от Церкви в том случае, если император и папа сочтут его непокорным. Теперь же, два года спустя, в письме епископу Хильдесхайма, Генрих критиковал правомочность подобного условия:

Он [император] достиг соглашения с апостольским престолом о том, что черезнескольких германских князей нас должны были объявить связанными узами отлучения от Церкви²⁷. И это было весьма тяжело, но ещё более - пагубно, поскольку является примерным наказанием для нас. Это против всякого права, как церковного, так и мирского, тогда как мы не были уличены и не сознавались ни в какой непокорности или правонарушении, и нас даже не предостерегали и не призывали к ответу²⁸. Поэтому с полным основанием не следовало бы верить и ожидать, что апостольский престол, от которого должно исходить правосудие, а не несправедливость, рассылал подобные письма и приказы против нашего лица, обладая точными знаниями [истинного положения дел²⁹]³⁰.

---

²⁷См. выше об итогах встречи императора и папы летом 1234 г.

²⁸ Глагол *citare* (*immo etiam nec commoniti nec citati*) используется Цицероном в контекстах «вызывать в суд», «созывать судей», «обвинять в преступлении». В правовом поле Римской империи этим глаголом, таким образом, описывалось определенная степень вовлеченности в судебное разбирательство. Видимо, и в Средние века такой «вызов» уже дискредитировал лицо, занимающее тот или иной пост, тем более, если речь шла о короле. Такую «тень на репутации» политической фигуры стоит учитывать при рассмотрении причин, по которым Генрих уклонялся, когда было возможно, от личного присутствия на рейхстагах отца.

Здесь Генрих идет против фактов. Не считая многих писем с предостережениями от императора и высказанных Фридрихом через посланцев призывов следовать определенной политике, юный король умалчивает о Чивидале, когда как раз он был призван явиться именем императора.

²⁹ Таким пассажем Генрих в первую очередь стремится дезавуировать папский приговор и сохранить престиж своей власти. Он делает это мягко, не обвиняя

Схожую реакцию на свой приговор об отлучении от Церкви продемонстрировал в 1227 г. сам Фридрих II, когда пытался доказать несправедливость решения папы Григория IX³¹. С помощью менее или более значительных умолчаний о том, что именно имело место, а также выгодных для себя интерпретаций фактов и оправданий своих действий, приводя контраргументы, призванные разбить всякие правовые и моральные основания папы выносить подобный приговор, Фридрих в свое время старался делегитимировать его, апеллируя к широкому кругу хри-

---

самого понтифика и не обостряя с ним конфликт. Напротив, опять появляется мотив-топос «лукавых советчиков» (Ср.: *Данте*. Божественная Комедия. Ад, Песнь 26), которые не рассказали правды. Однако в роли того, кто дал соответствующую рекомендацию, выступал сам Фридрих II. И, таким образом, здесь просматривается попытка Генриха дискредитировать суждения отца и его самого, что, впрочем, вполне отражает степень конфликта двух правителей, которая имела место в 1234 г.

³⁰“Procuravit etiam apud Sedem Apostolicam quod per quosdam Alemannie principes denunciati debueramus excommunicationis vinculo innodari; quod tanto gravius erat nobis quantum perniciosius est exemplo et contra omnia jura tam ecclesiastica quam mundana, cum de ulla contumacia vel delicto convicti fuerimus vel confessi, immo etiam nec commoniti nec citati. Unde merito credendum non esset vel etiam presumendum a Sede Apostolica, a qua jura prodire debent et non injurie, tales litteras et mandata contra personam nostram de certa scientia emanasse” (HD. T. 4. P. 685).

³¹Ср.

приведенный выше отрывок из письма Генриха с выдержкой из послания Фридриха II от 1227 г.: “In nos et jam, novit Scrutator omnium, injuste debacchantur, dicentes nos nolite ministran fretasse constitutes, cum multa me de eo et ecclesiae et imperio inevitabilia ac arduanegotia, praeter infirmitatis incommode, detinebat, quorum

primum fuit rebellium Siculorum insolentia; nec videbatur nobis sanum fuisse consilium expediens Christianitati, nos in Terram Sanctam transisse, bellum intestinum post tergare linquentes; sicut nec medico, ferro in fixo vulnere, fomentum adhibere medicinae” (*Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronicamajora* / Ed. by H.R. Luard. T. 3. L., 1876. P. 153): «Всезнающему известно, что они ополчились на нас несправедливо, утверждая, что мы не переправились к назначенному сроку, хотя нас удержали от того многие дела Церкви и Империи, неизбежные и тягостные, и еще не к стати случившаяся болезнь. Среди них, в первую очередь, была дерзость восстания сицилийцев. И нам не казался здравым и разумным для христианства совет, чтобы мы отправились в Святую Землю, оставляя за спиной войну внутри [Сицилийского королевства]. Так лекарь не посоветует применить перевязку как лекарство к ране, из которой еще торчит меч».

стиан всего мира и пытаюсь привлечь их на свою сторону.

Ту же цель преследовал и Генрих в отношении епископа Хильдесхаймского. И по методам, и по характеру аргументации послания сын копировал подход отца к решению той же затруднительной ситуации — и в целом, с тем же малым успехом. Но в случае Генриха такая попытка повлиять в своих интересах на князя Церкви порождала одновременно и оппозицию внутри-церковную: епископ Хильдесхайма (как, потенциально, и другие епископы), встав на сторону теряющего власть короля, проявлял бы неподчинение папе. Таким образом, перед церковными князьями Германии стоял выбор не просто между одним или другим германским правителем, речь шла об их подчинении или неподчинении понтифику, о нарушении церковной иерархии. Это было еще одно удачное следствие альянса Фридриха и Григория IX, умелый ход имперской дипломатии, практически полностью исключавший неповиновение воле старшего Штауфена и консолидацию сторонников Генриха.

Однако король сделал ответный дипломатический ход. При помощи своеобразной трактовки фактов он попытался сконструировать совершенно иное представление о собственной власти. В первых строках своего «манифеста» Генрих сообщал, что всегда управлял германскими землями только надлежащим образом, учитывая интересы князей и баронов и советуясь с ними³². Именно этого и хотел Фридрих, в этом же клялся и сам Генрих. Отчасти король был прав, когда характеризовал так свое правление, однако он не упоминал о постоянных трениях с отцом именно в вопросе соблюдения интересов князей. Впрочем, в письме присутствовал на это намек: король опасался, что отец, «не перестающий верить донесениям наших противников», лишит «милости отцовской любви преданного сына»³³. Сам Генрих неоднократно избегал очной встречи с Фридрихом и в то же время апеллировал к тому, что донесения о его действиях предвзяты, ибо составлены его оппонентами...

Действительно, князья писали императору о решениях короля, и, основываясь на их докладах и жалобах, тот призывал Ген-

---

³² “...omniaquefecimus in Alemaniadignarelatu et consilioprincipum et baronum...” (HD. T. 4. P. 682).

³³ См. прим. 36 (текст, выделенный курсивом).

риха к сдержанности в их отношении³⁴. Следовательно, проблема заключалась в том, кого послушает император – сына или князей – и на чью сторону встанет, т.е. кто обладает действительной властью в германских землях? Учитывая дальнейшую судьбу Генриха, можно с уверенностью заключить, что этот спор выиграли князья...

Парадокс ситуации, однако, заключался еще и в том, что, осознавая свое шаткое положение, король просил заступиться за него перед отцом-императором не только своих бывших министериалов, например, епископа Хильдесхайма, но и некоторых духовных князей:

Потому для спасительного противодействия от этих болезней мы чаще частого отправляли наших обычных посланцев, и вот теперь лучших, кого мы только имеем, а именно достопочтенного архиепископа Майнца и епископа Бамберга, наших любезных приближенных князей, мы снова направили к ногам императорского величества, чтобы они истово молили на коленях нашего отца, чтобы он не верил донесениям наших завистников и не лишал преданного сына милости отцовской любви³⁵.

Обращает на себя внимание особенность аргументации Генриха: его политические противники представлены как «распространители болезни», т.е. вредных для империи идей, как личные противники (*emuli*) короля, оппозиционные к нему, «истинному» правителю. Использование германских князей как посредников при примирении – метод, который с успехом использовал и сам Фридрих при примирении с папой тремя годами ранее.

Более того, Генрих попытался представить ситуацию так, что и он сам, и император, и князья как социальная группа в целом, – все стороны конфликта на самом деле выступают заодно,

---

³⁴ Stürmer W. Op. cit. S. 283.

³⁵ “Ad obviandum itaque salutifere his malis sepe sepius direximus solempnes nuntios nostros, et nunc excellentissimos quos habemus, videlicet venerabiles Moguntinum archiepiscopum et Bambergensem episcopum, dilectos familiares principes nostros, ad pedes imperialis eminentie misimus iterato, supplicantes devotissime patri nostro ut *emulorum nostrorum relatibus credulus non existens filialem devotionem a paterne dilectionis gratia non excludat*” (HD. T. 4. P. 685–686, курсив мой. – А.Г.).

и если у послов достанет здравомыслия убедить императора сделать правильный выбор, то это пойдет на пользу не только самому Фридриху и князьям, но и всем подданным империи, а польза эта состоит в том, чтобы король Генрих и дальше продолжал править германскими землями.

Мы настоятельно просим тебя (Конрада Хильдесхаймского. – А.Г.) и взываем к твоей рассудительности, которая придаёт нам твёрдую уверенность, что ты и другие князья (т.к. империя главным образом держится на вас) дадите полезный совет, как сохранить спокойствие и мир в империи и среди её подданных. И что наш светлейший отец и вы, как и мы, со своей стороны, поступили бы так, как не только ему и вам, но также и всем подданным империи пошло бы на пользу и послужило бы славе, и что вы вместе с нами будете молить его на коленях, смиренно и преданно, о том, чтобы он не разбивал нас в прах и не заменял на нашей должности³⁶, которой мы удостоены милостью всемогущего Бога и его³⁷.

Помимо характеристики себя как государя (и высказанной благодарности отцу за свой титул германского короля), Генрих в этом письме выстраивал систему взаимного положения своей персоны и императора. Если он сам представлял здесь рассуди-

---

³⁶ Тео Брёкман, приводя этот отрывок в своей книге, оставляет дословное значение этого слова – «честь» (*Ehre*) (см. в следующем примечании выделенное курсивом): *BröckmannTh. "Rigor iustitiae". Herrschaft, Recht und Terror im normannisch-staufischen Sizilien (1050–1250): Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Darmstadt, 2005. S. 304.* Однако следует понимать, что речь в данном случае идёт о титуле германского короля, который Генрих получил, согласно приведённой в его письме формуле, принятой в канцеляриях правителей того времени, «по милости Божьей».

³⁷ „...rogantes attentissime et monentes prudentiam tuam de qua indubitatam fiduciam obtinemus, quod tu et alii principes, cum imperium maxime consistat in vobis, detis consilium oportunitate qualiter imperium et subditi imperio in tranquillitate et pace permaneant, et quod serenissimus pater noster et vos sic nos ad invicem habeatis quod non solum ipsi et vobis, sed etiam omnibus subditis imperio cedat ad commodum et honorem, et supplicetis eidem una nobiscum humiliter et devote quod *honorem nostrum*, quem de gratia Dei omnipotentis et sua habere dinoscimur, in nullo diminuat vel immutet” (HD. T. 4. P. 686, курсив мой. – А.Г.).

тельным правителем, то действия Фридриха описывались как недалёковидные³⁸; император поступал не рационально:

Итак, к указанным выше приказаниям и распоряжениям господин и отец наш прибавил несколько *необычных угроз*, а именно: если бы обнаружилось, что мы к какому бы то ни было из его предписаний, особенно отпавленных нам после [предупреждений], отнеслись хоть сколько-нибудь невнимательно, то он впредь не стал бы ни принимать наших гонцов, ни заслушивать наших писем³⁹.

В заключении своего послания Генрих отошел от выдержанного тона и раздраженно (и весьма дерзко) высказывался о себе как о состоятельном и самостоятельном государе, чего, по его намекам, его отец так до конца и не признал. Чтобы сделать этот аргумент веским и подчеркнуть свое положение правильного правителя, Генрих приписывает свою точку зрения Богу:

Действительно, ведь известно тому, от кого ничто не укроется и кто видит насквозь сокровенные помыслы и душу человека⁴⁰ (*qui scrutator cordium est et*

---

³⁸Ср. выше слова Генриха о «пагубном» «примерном наказании».

³⁹“Predictis itaque mandatis et preceptis dominus et pater noster quasdam *comminationes* addidit *inconsuetas*, videlicet si in aliquo eorum que nobis specialiter tunc mandavit inveniremur etiam in minimo negligentes, quod nuntios et litteras nostras de cetero non reciperet vel audiret” (Ibid. P. 685, курсивной.— А.Г.).

⁴⁰ Эта фраза является аллюзией на стих Книги премудрости Соломона 1:6. Ср. оборот из письма Генриха (*qui scrutator cordium est et renum*) со стихом в Вульгате: “...quoniam renum illius testis est Deus, etcordis illius scrutatore est verus et lingue eius auditor”. Для католической ветви христианства книга Премудрости Соломона является второканонической, поэтому отсылка к стиху из неё в своей апологической речи со стороны Генриха и его канцелярии была оправдана и функциональна. За аргументацией короля о политической целесообразности его действий вырастает при помощи такой аллюзии авторитет Священного Писания, что призвано придать и самому доводу, и всему посланию силу неопровержимой истины, а заимствование именно из Книги Премудрости Соломона добавляет не только «стоящего за спиной Генриха» «священного» авторитета, но и создает самому молодому королю образ идеального *мудрого* правителя, которому это качество даровал сам Господь. Также данная аллюзия имела и ещё одно смысловое

*renum*⁴¹), известно и князьям германским по всей земле, особенно тем, кто много времени проводит в нашей стране, что с тех пор, как мы вышли из детского возраста, мы стали способны различать добро и зло, что правильно, а что неправильно, справедливость и несправедливость, честность и недостаток честности и что ни в чём и никогда мы не действовали на основании этих представлений, точно зная или ощущая душой, что будут задеты отцовские чувства или что это способно

наполнение. В библейском стихе, откуда взята эта цитата, речь идет о клеветниках и хулителях, предающихся злословию — но от Всезнающего ничего не укроется, и он воздаст по заслугам богохульствующему и говорящему неправду. Иными словами, среди смыслов, который содержит послание германского короля, имеется ещё один — пласт дискредитации политических оппонентов Генриха, жалующихся императору на него. В то же время введение в текст послания такой параллели, как Генрих-Соломон вполне вписывается в контекст общеимперской репрезентации Штауфенов как потомков рода Давидова. Одновременно здесь подразумевается и слава отца, и не меньшая состоятельность сына как правителя. И снова Генрих выступает здесь «наследником» традиций правящего дома. Стоит заметить, что издатель Ж.-Л.-А. Юйяр-Бреоль при публикации текста послания Генриха даёт единственный вариант *rerum* вместо *renum*, что делает невозможным проследить цитирование автором XIII в. Книги премудрости Соломона: HD. T. 4. P. 686. Редактор тома MGH Л. Вайланд отмечает, что данная фраза Генриха отсылает к Псалму 7:10: «Да прекратится злоба нечестивых, а праведника подкрепи, ибо Ты испытываешь сердца и утробы, праведный Боже!» (Согласно Вульгате: “Consumetur nequitia peccatorum; et dirigetur iustum, scrutans corda et renes, Deus”, курсив мой — А.Г.). В этом стихе Библии прямо говорится, что Бог рассматривает сердца и почки. В MGH в качестве основного дан вариант *renum*, с отметкой, что в одной из копий было исправлено на *rerum*. Однако указанный мной источник аллюзии, объясняющий многоцелевые авторские интенции Генриха, не был тогда указан: MGH. Constitutiones et acta publica / Hrsg. von L. Weiland. Hannoverae, 1896. Bd. 2. S. 433.

⁴¹ Принимая во внимание известную многозначность библейских стихов, фразу можно перевести несколькими способами: «Господь видит насквозь сердца и почки человека», «Испытует Он сердце и душу (утробу/внутренности)», «Бог есть свидетель внутренних чувств его и истинный зритель сердца его» и т. п. (Ср. параллельные места: Пс. 7:10, 26:2, 73:21; Иер. 11:20, 20:12, Сир. 42:18-20). Идея при этом остается одной и той же: Господь способен заглянуть внутрь человека и оценить, каков он, грешен или праведен, ложь или истину вынашивает в сердце, живет ли по законам. Именно к этой мысли апеллирует Генрих, приводя в своем послании цитату из Книги Премудрости Соломона.

повредить императорскому величеству⁴².

Младший Штауфен, как видно из приведённого отрывка, создавал себе образ мудрого, самостоятельного правителя. Он даже решился на откровенный выпад в сторону императора Фридриха, который редко бывал в Германии и, соответственно, имел далеко не полное представление о социальных и политических процессах в стране и о людях, которые докладывали ему о положении дел в его «северном королевстве». В то же время, Генрих конструировал образ «верного сына», лояльного отцу и действующего в рамках семейного пиетета, а также соблюдающего границы престижа императорской власти Фридриха II. Тем самым он заявлял о своей готовности к примирению с отцом: для него разделительная линия между правыми и неправыми пролегла не между ним самим и Фридрихом, а между ним и «клеветниками», якобы предоставлявшими отцу неверные сообщения о политике Генриха и мешавшими тем самым династии Штауфенов вести империю к процветанию своим умелым управлением.

Тактика, которую избрал Генрих при выстраивании отношений с императором, копировала поведение самого Фридриха применительно к апостольскому престолу. Во-первых, он так же просил князей выступить посредниками для заключения мира, как и Фридрих в 1230 г. просил князей быть поручителями при переговорах с папой. Во-вторых, умалчивание германским королем фактов или их подача в выгодном для себя свете (даже при том, что сами действия Генриха порой противоречили друг другу) имело целью убедить князей в его правоте и привлечь сторонников, чтобы добиться собственных политических целей. В этом также узнается «стиль» имперской канцелярии Фридриха II, характерный как для 20-х, так и для 30-х гг. XIII в. В-третьих, у имперской канцелярии Генрих заимствовал и противопоставление себя как «праведного правителя» оппоненту, чьи решения не продиктованы ни правовыми нормами, ни целесообразностью

---

⁴² “Novit vero ille qui nihil ignorat et qui scrutator cordium est et renum, noverunt et Alamannie principes universi, specialiter illi qui in nostro latere sunt frequenter, quod postquam a tenera etaterecessimus [et] inter bonum et malum, equum et iniquum, justum et injustum, honestum et minus honestum discernere poteramus, nunquam aliquid eorum fecimus ex certa scientia vel ex animo que deberent paterno affectui displicere aut etiam que offendere possent imperatoriam majestatem” (HD. T. 4. P. 686).

и выгодой для страны. Даже Господь, как декларировалось в письме, выступал на стороне его автора, а отнюдь не на стороне его политических противников. Наконец, отождествление своего курса и благополучия с интересами всей страны и апелляция к высшей силе – прием, также типичный для дипломатии Фридриха II. В этом нет ничего удивительного. Круг лиц, работавших в канцелярии императора и германского короля, был примерно одним и тем же. Образованные люди того времени воспитывались на одних и тех же текстах. Поэтому вполне понятно, что характер аргументации посланий отца и сына, цитаты и иные риторические и стилистические приёмы были очень похожи. Сам Фридрих при выборе Генриха на трон подыскивал ему подходящих помощников. Император руководствовался в первую очередь компетентностью советников (политическая лояльность, как не раз показывали события, была условной величиной).

Напомню, что средневековые правители не сами писали послания и даже не надиктовывали их: государь лишь определял общее содержание и тон письма⁴³. И все же, при всей искусной и стилистически выдержанной работе канцелярии и Генриха, и Фридриха определяющим для устойчивого положения правителя были лояльность к нему его вассалов и блага, которые он мог предложить и гарантировать своим верным. Этот тезис отчетливо доказала дальнейшая история Генриха.

***

Невозможно установить, насколько искренне просил о посредничестве младший Штауфен – очевидно, что он был заинтересован в нем, т.к. в случае успешных переговоров он сохранил бы свою власть, к чему и стремился. Историки XIX в. (Э. Винкельман, И.Ф. Бёмер) считали, что рассмотренное выше письмо короля Генриха епископу Хильдесхайма являлось попыткой вы-

---

⁴³ von den Steinen W. Staatsbriefe Kaiser Friedrichs des Zweiten. Breslau, 1923. S. 3. Более подробно об устройстве и работе имперской канцелярии XIII в. см.: Delle Donne F. Lo stile della cancelleria di Federico II ed i presunti influssi arabi // Atti della Accademia Pontaniana. N.S. 1992. № 41. P. 153–164; Schaller H.M. Die Kanzlei Kaiser Friedrichs II. Ihr Personal und ihr Sprachstil // Archiv für Diplomatik. 1957. № 3. S. 207–286; 1958. № 4. S. 264–327; Zinsmaier P. Die Reichkanzlei unter Friedrich II // Probleme um Friedrich II. Sigmaringen, 1974. S. 134–166.

играть время⁴⁴. Зигфрид Майнцский и Экберт Бамбергский отправились к императору в Фоджу в качестве послов от короля и как посредники между ним и его отцом⁴⁵. Однако намерение Фридриха прибыть в 1235 г. в Германию, заявленное тремя месяцами ранее, оставляли его сыну все меньше времени для того, чтобы разрешить конфликт мирным путем. Генрих предполагал – и небезосновательно, судя по опыту Чивидале, – что очная встреча завершится для него самого отстранением от власти или урезанием его полномочий. Поэтому, не дожидаясь, возымеют ли на отца действие уговоры послов, младший Штауфен предпринял шаги, которые должны были бы, наконец, обеспечить ему в полной мере самостоятельное правление в Германии.

В сентябре 1234 г., т.е. в том же месяце, когда было составлено письмо к епископу Хильдесхайма, германский король на собрании в Боппарде с некоторыми князьями принял решение о выступлении против отца. И здесь вновь можно провести параллели с политикой манипуляции Фридриха II, которую тот с успехом применял в дипломатическом поле к апостольскому престолу, когда принес клятву за Сицилийское королевство, пообещав не объединять Германию и Сицилию под властью одного правителя, и когда оттягивал свое выступление в крестовый поход. В многочисленных письмах заверяя папу Гонория III в том, что он прилагает все усилия для скорейшего отправления в Святую землю, Фридрих занимался внутренней политикой в Сицилийском королевстве⁴⁶.

Генрих потребовал от городов принести ему клятву верности

---

⁴⁴И.Ф. Бёмер, описывая в *Regesta Imperii* это послание, также допускает другой вариант – маскировка истинных намерений Генриха: http://www.regesta-imperii.de/regesten/suche/result/nr/1234-09-00_1_0_5_1_2_645_4349a.html?tx_hisodat_sources%5BsearchMode%5D=20&tx_hisodat_sources%5B%40widget_0%5D%5BcurrentPage%5D=5&cHash=a4f5e08376934c7caf7e7385c8802ab8#r1nav (Дата обращения: 1.04.2018)

⁴⁵В ноябре 1234 г. посланцы прибыли ко двору императора и оставались там какое-то время.

⁴⁶Подробнее о тактике Фридриха II обещать, оттягивать исполнение клятвы, находить новые извинения, просить отсрочки, пользоваться оговорками, трактовать факты в выгодном для себя свете и т.д. см.: *Герштейн А.Б.* Как не выполнять обещанного: дипломатическая стратегия Фридриха II // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / Под.ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 34–59.

против любого противника (среди которых мог быть и сам император)⁴⁷. Королю удалось привлечь на свою сторону швабских дворян и своих министерялов, епископов Аугсбурга, Вюрцбурга, Шпейера и Вормса, аббата Фульды и др. Однако жители Вормса, уже испытывавшие на себе переменчивость судьбы, постоянно отбиравшей у них привилегии, чуть ранее дарованные королем, отказались предоставить Генриху заложников в знак своей верности ему.

В попытке создать против императора устойчивую коалицию, младший Штауфен даже вышел за пределы Германии. Так, он послал ко двору французского короля свое доверенное лицо, Генриха фон Нойфена, с поручением рассказать Людовику IX о том, что император собирается жениться на сестре английского короля: тем самым германский правитель хотел посеять сомнение в том, могут ли в таком случае Фридрих II и французский король и далее оставаться союзниками. Также Генрих попытался укрепить свой личный альянс с капетинским домом через matrimониальный союз. Вероятно, расчет молодого короля в данном случае был в том, чтобы не только закрепить свое положение самостоятельного правителя в полном смысле этого слова, но и в том, чтобы обрести влиятельного заступника перед Фридрихом в случае, если конфронтация с отцом усилится⁴⁸. Однако эта миссия не увенчалась успехом⁴⁹. Письма императора, а также папы к французскому двору убедили Людовика в том, что родство с Плантагенетами не ослабит союза Штауфенов с Капетингами. И в этом случае дипломатия императора Римлян оказалась более ис-

---

⁴⁷См., например: *Annales Erphordenses* / Hrsg. von G.H. Pertz // MGHSS. T. 16. Hannoverae, 1859.S. 30.

⁴⁸Этот поиск влиятельного заступника-миротворца – продолжение известной с 1230 г. практики Штауфенов, выведенной на этот раз за границы империи, на «межгосударственный», общехристианский уровень. К слову, Фридрих II сам обратился к тому же Людовику Святому как к посреднику для заключения мира между империей и папством в 40-х гг. XIII в.

⁴⁹Марбахские анналы пишут, что Генрих пошел на такой шаг «из страха перед отцом»: “Episcopum vero Erpipo-
lensem cum H. de Nifedirexit in Gallias ad regem Francie,
ut cum eo conveniret de matrimonio inter utriusque pueros contrahendo,
qui redierunt infecto negotio. Et hec omnia propter timorem patris”
(*Annales Marbacenses* / Hrsg. von B. Wilmans // MGH SS. T. 17. Hannoverae,
1861.S. 177).

кусной и эффективной, чем дипломатия германского короля.

Большая удача сопутствовала Генриху на итальянском направлении его внешней политики. Его посол, Ансельм фон Юстинген, в ноябре 1234 г. отправился в Милан, где предложил Ломбардской лиге объединиться с королем против общих врагов и обещал, что тот признает законность коалиции ломбардских городов. Между сторонами даже начались переговоры о том, что Генрих станет королем Ломбардии⁵⁰, и 17 декабря 1234 г. был заключен политический союз⁵¹. Условие помогать друг другу против общих врагов подразумевало, что городам Ломбардской лиги (Милан, Брешия, Болонья, Новара, Лоди и др.) король Генрих будет оказывать поддержку⁵², а сами коммуны будут содействовать интересам младшего Штауфена против его оппонентов (к которым мог относиться и император Фридрих) – но только в Северной Италии. Данное соглашение стало важным достижением королевской дипломатии.

Как уже говорилось, Генрих – судя по его поведению – считал, что продолжать править более или менее самостоятельно он сможет лишь в том случае, если ему удастся не встречаться с отцом как можно дольше. В прошлом он уже дважды сумел отложить момент свидания. Но если раньше путешествие предстояло совершить Генриху, то теперь – в том числе и чтобы исключить «хитрости» со стороны сына – сам император объявил о своем переходе через Альпы с юга на север. Таким образом, избежать встречи Генрих мог, только если бы горные перевалы оказались закрыты для прохода его отца со свитой. И договор с Ломбардской лигой как раз содержал нужное условие: с помощью итальянцев Генрих устроил так, что путь через Ломбардию в Германию для Фридриха был отрезан. Учитывая, что Фридрих II Австрийский находился тогда скорее в союзнических, нежели в конфронтационных, взаимоотношениях с германским королем, тот, казалось бы, полностью исключил приезд императора в его северные владения.

Однако положение князя с широкими полномочиями и привилегиями давало австрийскому герцогу некоторую свободу вы-

---

⁵⁰См.: *ChronicaRolandiniPatavini* / Hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. T. 19. Hannoverae, 1866.S. 61.

⁵¹Сохранившиеся условия соглашения см.: MGH.Constitutionesetacta. S. 435–438.

⁵²Против Кремоны, Павии и их союзников.

бора, к которой из противоборствующих сторон примкнуть. Он попробовал помешать проходу через свои земли императору и его свите своеобразным образом, потребовав за это 2000 серебряных монет, но Фридрих продолжил свой путь, проигнорировав это условие. Тогда герцог сообщил императору, что более не желает служить ему. Однако до прямых военных баталий дело не дошло.

Чем дальше продвигался император вглубь Германии (по маршруту Регенсбург-Нюрнберг-Вимпфен), тем более очевидно становилось, что открытого вооруженного выступления против Фридриха II никто не предпримет. Оборонительные бастионы, укрепленные королем Генрихом (в частности, в районе Вормс-Майнц, замки Трифельс, Хозннройфен, Бланкенхорн в Цабергау и др.), были готовы к осаде и дольше других хранили верность королю. Но там, где появлялся император, все сразу же присягали ему на верность. И большая часть королевских крепостей без боя сдавала оборону. Сторонники Генриха лишь раз предприняли вооруженную попытку задержать продвижение императора по германским землям: 21 июня 1235 г. при Швигерштале (ныне – Эрмшталь), по сообщениям констанцского хрониста, произошла битва, длившаяся с полудня до вечера. Силы, верные королю, под предводительством графов фон Урах, фон Тека, фон Нойфена и Ансельма фон Юстингена сражались с императорской коалицией, возглавляемой епископом Констанца⁵³. Победа осталась за приверженцами Фридриха II.

К находящемуся в Нюрнберге императору прибыли послы от Генриха, обещав ему полную покорность и подчинение короля – ход младшего Штауфена, уже известный по 1232 г. Герман фон Зальца, магистр Тевтонского ордена, выступил как посредник между отцом и сыном, сначала уехав от первого в Вимпфен, а затем вместе с ходатаями короля снова возвратившись к императору. Возможно, именно он дал совет Генриху сдаться на милость отца⁵⁴. В любом случае, заявление о полной покорности в

---

⁵³Подробнее об этом событии, имевшем региональное значение, см.: <http://www.die-reisecen.de/hintergrund/gesellschaft.html>, (дата обращения: 1.04.2018). См. также: *Zimpel D. Die Bischöfe von Konstanz im 13. Jahrhundert (1206–1274). Frankfurt-am-Main, 1990. S. 72.*

⁵⁴См. свидетельство Марбахских анналов: “Interea Heinricus rex filius imperatoris, qui ut prius dictum est, plurimos in suum favorem et auxilium per donativa attraxerat, persuasum ei dedit Hermannus magister domus Theutonicorum, et fratris B. eiusdem domus, accessit ad patrem” (Annales Marbachenses. S. 177).

обстановке провалившегося вооруженного сопротивления становилось единственным способом для Генриха сохранить уже если не трон, то хотя бы жизнь.

В начале июля 1235 г. Фридрих прибыл в Вимпфен, где его уже ожидал Генрих. 2 июля сын коленопреклоненно и смиренно просил снисхождения у императора. Анализируя эту сцену, о которой сохранилось мало надежных свидетельств, Тео Брёкман допускает, что Генрих и политическая элита страны ожидали, что Фридрих простит сына. Такова была общая германская постестарная традиция – прощать полностью раскаявшихся мятежников. Тогда как суровое наказание конкурентов за трон являлось как раз чертой норманнского правления. Однако Фридрих перенес стиль правления своим южным королевством на север, на германскую почву⁵⁵.

4 июля 1235 г. в Вормсе состоялся суд над Генрихом. Фридрих сохранил сыну жизнь, но трона и свободы он лишился навсегда. В последующем его несколько раз переводили из одного места заточения в другое, пока в 1242 г., в возрасте 31 года, он не скончался по пути в новую темницу: то ли по случайности его конь вместе с наездником упал в ущелье, то ли Генрих нарочно направил его в пропасть⁵⁶.

***

Как же расценить действия Генриха (VII) по отношению к отцу-императору? Были ли его шаги продиктованы эмоциями, а порой – непоследовательными попытками юноши выйти из-под надзора Фридриха и его доверенных лиц? Являлись ли они проявлением лицемерия, сознательного обмана и циничного расчета сохранить власть любыми средствами? Или в использовании манипуляции как политической стратегии отцом и сыном было больше общего, чем это кажется на первый взгляд?

Важной частью подобного рискованного пути к политическому успеху был как личный талант правителя, шедшего на клятвопреступление, так и сила и возможности его оппонента призвать нарушителя к ответу. В случае с Фридрихом II его первое опрометчивое обещание осталось без наказания по причине смерти Иннокентия III. От нового папы Гонория III Штауфен

---

⁵⁵Brökmann Th. Op. cit. S. 153 ff.

⁵⁶СалимбенедеАдам. Хроника / Пер. с лат. М., 2004. С. 97.

также избежал возмездия как за неисполнение этой же клятвы (разделить управление Сицилией и империей), повторенной понтифику в 1220 г., так и за несоблюдение обета крестоносца. Произошло это, по-видимому, из-за личных качеств понтифика, его особой терпеливости и терпимости; кроме того Фридрих явно превосходил его решимостью и харизмой как политик. Не стоит забывать и о том, что в переписке двух правителей у императора всегда находились искусные контраргументы и объяснения, которые на какое-то время удовлетворяли папу. Это политическая литературная игра пространных трактовок и объяснений фактов в официальных посланиях – которую современные дипломаты практикуют с тем же успехом – вплотную подходила к черте, за которой начинался обман. А иногда и переступала её.

В паре родственников-соперников Генрих также явно оказывался стороной менее искушенной, чем его отец. И хотя его дипломатические маневры и военные таланты приносили ему успех на какое-то время, старший Штауфен находил способ (почти всегда – без применения оружия) переиграть своего способного, но все же уступавшего ему в умении интриговать сына. При том, подчеркну, что репрезентационные возможности их канцелярий были практически равны.

Молодой король перенимал характерные черты политической стратегии Фридриха, потому что он видел их *эффективность*, и они, таким образом, стали для него «рецептами политического успеха». Однако, для того, чтобы они оказались действенными, репрезентационная составляющая власти должна была обязательно подкрепляться и верными союзниками, и вассалами, которые по требованию обеспечат военную помощь; нужно было иметь и полную казну (это позволяло бы как заплатить наемным войскам, так и гарантировать верность уже имеющихся сторонников).

Главное несчастье Генриха (VII) заключалось в том, что его путь к обретению независимости и власти пересекал линию стратегических интересов и личных амбиций его отца. Это предопределило серьезный системный конфликт между двумя правителями, и желание обоих сохранить верность выбранному направлению своей политики сделало примирение невозможным. Центральный тезис апелляции Генриха о том, что его действия направлены на увеличение могущества империи и императора, отчасти имел под собой основание, но не мог быть принят Фридрихом, пока тот придерживался своего курса (в некоторой

степени вынужденного) поощрения германских князей⁵⁷. Поэтому способный молодой король династии Штауфенов был обречен на поражение.

Генрих (VII) шел по стопам отца в гораздо большей степени, чем готов был допустить сам Фридрих. Если император отводил сыну роль наместника и послушного исполнителя его воли, то младший Штауфен выстраивал свой образ независимого короля, ориентируясь на политические приемы и биографию отца. Парадокс конфликта между двумя правителями заключался, таким образом, в том, что Фридриха решительно не устраивал образ действий, которым он сам руководствовался, и который его сын применил к нему самому.

Быть похожим на отца, копировать его поведение и приемы политической стратегии – разве это не означает быть достойным сыном, продолжателем традиций правящей династии, которой, согласно их собственной идеологической программе, предстояло пребывать на престоле империи до Страшного Суда? В принципе, отношение к манипуляции и «обману» как к политической стратегии у Генриха и Фридриха должно было быть одинаковым. Но император преследовал сына и наказал его по всей строгости, лишив его в итоге трона за применение на практике *по отношению к нему* своих же собственных методов. Иными словами, он настаивал, чтобы младший представитель династии действовал другими политическими методами, чем сам император. Таким образом, подводя итог данной истории дипломатических манипуляций, замечу, что именно в возможности не соблюдать данную клятву и сохранить после этого власть и заключалось подлинно независимое положение правителя в Средние века, которого сумел достичь Фридрих и которое он так никогда и не признал за своим сыном.

---

⁵⁷ Действия Фридриха показывают, что в Генрихе он видел только своего покорного наместника, фигура которого позволяла ему создать для апостольского престола видимость, что условие разделения управления Сицилией и Германией соблюдено. И это формальное положение Штауфена-младшего не менялось по мере его взросления, пусть сам он и видел свою роль иначе.

Глава 8

МИФ О ЛЕГКОВЕРИИ «СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРОСТЕЦОВ»: ЧУДЕСА ПРЕОБРАЖЕНИЯ СВЯТЫХ ДАРОВ*

Многое из того, что мы сегодня приписываем Средневековой как его «характерную черту», на самом деле является продуктом восприятия этой эпохи ранним Новым временем. Таково, например, представление о неистребимой, переходящей все разумные пределы вере в божественное чудо, отличающей средневековое благочестие. Этой убежденностью наша эпоха обязана как ожесточенной критике обмана «корыстных священников» во времена Реформации, так и мягкой снисходительности деятелей Просвещения по отношению к «легковерию» средневекового человека. Как мне уже приходилось сать¹, рационалистическое представление о «легковерии» средневековых христиан являет собой не более чем миф эпохи Современности о «темном Средневековье». Во-первых, в религиозной жизни граница между «истинным» и «ложным» пролегла не там, где теперь «обманом» можно считать только те фальсификации, которые делались намеренно с целью выгоды, а все, что входило в понятие «вера, благочестие» (в т.ч. и вера в чудеса) лежит вне проблемного поля истинный/ложный, потому что истинность подобной информации обосновывалась не рациональным опытом, а трансцендентно. Во-вторых, на протяжении всей истории христианской Церкви в Западной Европе существовали группы, в зависимости от уровня образованности, спектра возможностей и горизонта ожиданий в отношении чудес настроенные в разной степени критично. Не только «истинность» событий из сферы благочестия воспринималась по-разному, но и содержание веры образованного клирика существенно отличалось от веры простолюдина. Именно поэтому применительно к сред-

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ Арнаутова Ю.Е. «Ложь» и «ложь святая»: к проблеме обмана в контексте средневекового благочестия / Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени // Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 91–108.

невековой религиозности уместно говорить не о «мире», а о «мирах» представлений. Понятно, что граница между этими «мирами» была проницаемой и официальная Церковь исподволь проникалась многими представлениями, свойственными так называемой народной религиозности: например, все многообразные формы культа святых и их реликвий были навязаны ей «снизу», прихожанами². Именно они и попали впоследствии под прицел критики реформаторов как суеверия и чутьли не идолопоклонство. «Обратных» примеров – когда в сфере официального церковного благочестия рождается и становится популярной практика, с которой теологи вряд ли могли согласиться, гораздо меньше. Мне на ум приходит лишь один масштабный случай, когда Церковь сама отказалась от разряда (типа) чудес, ею же почти два столетия культивируемых, посчитав их не просто «ложными», но и открыто денонсировав их как обман священников. Это чудесные преобразования Святых Даров, т.е. хлеба (облаты, гостии) и вина, которые используются в таинстве Евхаристии (причащения). Пожалуй, это лучшее подтверждение того, что средневековое «легковерие» было отнюдь не безграничным и массовая жажда чуда осознавалась в кругах образованного духовенства как «проблема» задолго до Реформации.

Евхаристия – главное таинство христианской Церкви. Следует напомнить, что уже со времен поздней Античности и самому таинству, и используемой в нем гостии (вином мирян не причащали) приписывалось чудесное (прежде всего целительное) воздействие³. В народе убежденность в силе божественного sacramenta вызвала к жизни множество обычаев, осуждавшихся церковными властями как суеверные, основным предназначением которых было обеспечить здоровье, благополучие и успех в делах, в том числе и в колдовстве. Прихожане старались во время причащения, не глотая облатку, спрятать ее под языком и принести домой, где находили ей вполне практическое применение – в улье, на огороде или в любовной магии⁴. Поэтому обычный

---

² Мои аргументы см.: *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004. С. 340–370.

³ Примеры см.: *Franz A.* Die Messe im deutschen Mittelalter. Freiburg, 1902. S. 95, 96.

⁴ *Browe P.* Die Eucharistie als Zaubermittel im Mittelalter // Archiv für Kulturgeschichte. 1930. Bd. 2. S. 134–154.

вопрос исповедника: «Не уносил ли ты куда-нибудь облатку?»⁵ – не был лишен оснований. Но только на исходе высокого Средневековья, с конца XII в., и именно в церковных кругах появляются сообщения о связанных со Святыми Дарами чудесах, которые к «классическим», т.е. имеющим евангельские прототипы (обычно это исцеления и иная помощь в нужде), отнести уже никак нельзя. Происхождение веры в них, скорее, следствие глубоких изменений в религиозной ментальности, о чем еще пойдет речь далее.

Как известно, вино и гостия символизируют Кровь и Плоть Христовы. В процессе их освящения во время таинства Евхаристии они перевоплощаются в истинные Кровь и Плоть, причем это перевоплощение теологически понимается буквально, но как невидимое человеческому взору. Суть новоявленных чудес заключалась в том, что облата(гостия) превращалась во вполне реальный кровоточащий кусочек плоти, или из нее начиналась кровь, или пятна крови выступали на алтарном покрове, или вообще вместо облаты на дне чаши для причастия появлялся крохотный младенец Христос, его лицо или другая часть тела. Могло произойти и двойное чудо – когда еще и вино превращалось в кровь. Такие превращения – их стали называть чудеса преобразования, *transformatio* – чаще всего происходили во время мессы, реже – вне церкви. Рассказы о них в XIII–XIV вв. стали одной из самых популярных тем так называемых назидательных примеров (*exempla*) и использовались проповедниками или наставниками, наподобие Цезария Гейстербахского, как своего рода универсальный аргумент, пригодный для извлечения «морали» из рассказа о самых разных жизненных коллизиях⁶.

Однако помимо литературных *exempla*, отношение которых к «жизни» не очень понятно (скорее всего они были вполне узаконенной литературной фикцией и эксплицитно выраженных претензий на достоверность не предъявляли), культ преобразенных облат (*hostiae transvornatae*) существовал и в официальной Церкви, в приходах. Чудеса *transformatio* могли длиться всего

---

⁵Correctoracmedicus // Die Bußbücher und Bußdisziplin der Kirche / Hrsg. von H.J. Schmitz. Graz, 1958. Bd. II. S. 440 (Corr.N141; 142).

⁶Об этом, в частности, много писал А.Я.Гуревич: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 161–181.

несколько мгновений или дней (потом Святы́е Дары обретали свой прежний облик). Но могли быть и необратимыми, тогда такие обла́ты хранили в церкви годами и даже столетиями. Они становились объектами культового почитания и источниками чудес, что, соответственно, привлекало множество паломников.

Этот реальный культ исследован гораздо меньше, чем литература жанра *exempla*. Обобщающей работой является, пожалуй, фундаментальный труд о таинстве Евхаристии немецкого теолога Петера Брове, опубликованный еще в 1933 г.⁷ Брове собрал (в основном подиоцезальным архивам) в т.ч. и сведения о почитании чудотворной гостии в средневековой Европе, и за прошедшие 80 лет к его штудиям мало что добавилось.

Как могло выглядеть чудо *transformatio*? Приведу примеры.

Некая монахиня из бенедиктинского монастыря Мюнстерта́ль в Швейцарии, зная, что совершила смертный грех, не отважилась проглотить гостию во время причастия. Она принесла ее тайком в свою келью и спрятала в шкафу. Спустя несколько дней монахиня все же решилась отнести обла́ту обратно в церковь, и там она внезапно превратилась в кровото́чащий кусочек плоти, а затем приняла прежний облик. Наблюдавший все это священник был озадачен и поспешил унести гостию далеко в горы, чтобы в тишине молиться над ней. Однажды во время его молитвы произошло новое превращение: гостия явилась как фрагмент руки с кистью, в другой раз – как лик какого-то «сурового человека», потом – как Агнец Божий и, наконец, опять стала куском плоти. В таком виде священник и отнес ее в монастырскую церковь, где она хранилась потом в хрустальном сосуде и почиталась в течение нескольких столетий. Обнаруживший эту запись в одном из архивов П. Брове полагал, что само событие могло произойти между 1190 и 1220 гг., тогда как первое сообщение о нем, т.е. свидетельство культа чудесной обла́ты, восходит к рубежу XIII–XIV вв.⁸ Именно в это время подобные культы становятся повсеместным явлением.

---

⁷Browe P. Die Verehrung der Eucharistie im Mittelalter. München, 1933. Далее цитаты по новому расширенному изданию: Browe P. Die Eucharistie im Mittelalter: liturgiehistorische Forschungen in kulturwissenschaftlicher Absicht / Hrsg. von H. Lutterbach, Th. Flammer. Berlin u.a., 2009.

⁸Browe P. Op. cit. S. 266.

Или другой пример. По сообщению из диоцезального архива немецкого Хальберштадта от 1401 г., некая женщина унесла домой освященную гостью, которой ее причащали. Этот проступок каким-то образом был открыт, и к ней явился священник «в сопровождении других лиц». Гостью положили в некую чашу, чтобы отнести обратно в церковь. Однако облата обратилась в кровь, которая заполнила чашу до краев, так что ее нельзя было нести, не расплескав содержимого. Тогда излишек крови решили собрать при помощи ткани (*corporale*). Но пока собирали, кровь в чаше обратилась в кусок плоти, принявшей затем форму человеческого пальца. «Епископ, клир и народ» процессией отнесли все это в кафедральный собор, где преобразившаяся облата «хранится со священным трепетом и почитается». А пропитанный кровью покров отправили в цистерцианский монастырь неподалеку, где для него построили отдельную капеллу – *ecclesia in honorem sanguinis Christi*⁹.

Почему вообще возникает «мода» на чудеса *transformatio* Святых Даров? Полагаю, не последнюю роль здесь сыграли существенные изменения в религиозном сознании в высокое Средневековье. Если о раннем Средневековье можно говорить как об эпохе поверхностной христианизации, когда ключевую роль играют именно внешние формы культа (ритуал), то к концу XII в. происходит формирование так называемой внутренней религиозности, когда человек проникается христианским учением и начинает искать формы личного общения с Богом. Он начинает размышлять об искупительной жертве Христа, о его физических страданиях во имя спасения каждого верующего. Формируется своего рода культ Страстей Христовых, в котором можно усмотреть исторические корни многих новых тогда явлений: это движение добровольной бедности, и процессии флагеллантов (бичующихся), и мистика с ее чувственным, до стигматов, переживанием мук Спасителя на кресте, и теологические дискуссии о пресуществлении. Наступают времена, по изящному выражению Й.Хейзинги, «острой религиозной впечатлительности». Добавим сюда «наивный реализм» (определение А.Я.Гуревича) массового сознания, которое, не умея усвоить абстрактные идеи (вроде пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы), трансформирует их в нагляд-

---

⁹Ibid. S. 267.

ную и осязаемую форму. Таким образом, возникновение и распространение культа преображенных Святых Даров имело вполне благоприятную почву. Другой вопрос: откуда они брались в таком количестве? По статистике, в Центральной и Западной Европе на каждые 20 церквей, где почитались чудотворные предметы (реликвии, изображения), приходилась одна спреображенной гостией¹⁰.

Здесь прежде всего возникают подозрения в обмане. Самым простым трюком было побрызгать облатку настоящей кровью. И образованные современники были прекрасно осведомлены об этой практике. Хроника Иоганна из Винтертура содержит рассказ об одном священнике, свершившем в 1338 г. следующий подлог. Чтобы обвинить иудеев в надругательстве над облаткой, он обрызгал ее кровью и подбросил в еврейское поселение. «Преображенную облату», разумеется, тут же нашли и в сопровождении процессии торжественно перенесли в его церковь, куда стало стекаться множество верующих. Их пожертвования изрядно обогатили и церковь, и священника. Хронист недвусмысленно обвиняет этого священника и «подкупленные им диоцезальные власти» в обмане, но обман, с его точки зрения, состоял не в фальсификации чуда, а в том, что верующих вынудили поклоняться неосвященной облатке, тем самым фактически склонили их к греху суеверия (*ydolatria*). Несколько лет спустя это так называемое чудо из Пулкау еще раз стало объектом критики, гораздо более радикальной. Папа Бенедикт XII (ум. 1342) обвинил священника именно в подделке чуда, однако плохо было не это, плох был мотив подделки – приписать преступление иноверцам, что могло спровоцировать погромы¹¹. Как видим, обман в обоих случаях признается, но его меркантильная подоплека – официально – нет.

Хотя об алчности священников «общественное мнение» не питало никаких иллюзий, она была чем-то само собою разумеющимся. Убежденность в ней проникала даже в тексты довольно неожиданных жанров. Вот эпизод из биографии затворницы Вильбурги (ум. 1289), жившей при австрийском монасты-

---

¹⁰ Ibid. S. 274.

¹¹ Die Chronik Johannis von Wintertur// MGH SS.rerGerm. N.S.1924. Bd. 3. S.142 ff. Подробнее см.: *Graus F.* Pest – Geißler – Judenmorde. Das 14. Jahrhundert als Krisenzeit. Göttingen, 1987.S. 286 ff.

ре св. Флориана. Житие содержит множество рассказов о чудесах, так что его анонимного автора в критическом отношении к «легковерию» заподозрить трудно. Приведенная им история – о чуде *transformatio*, но интересна реакция святой. Однажды, когда священник пришел причастить ее, протянутая им гостия превратилась в кусочек кровоточащей плоти. Священник тут же унес его с собою. Спустя несколько дней во время его очередного визита Вильбурга спросила, что он сделал «с теми плотью и кровью Христовыми». Священник поведал, что заключил их в хрустальный сосуд и выставил в церкви для поклонения, на что затворница с упреком заметила, что он решил хранить их именно так, дабы «получить побольше денег как сборщик пожертвований»¹².

Действительно, чудесным образом преобразившиеся Святые Дары и сами считались чудотворными, а значит, приносили немалый доход – деньги, дорогие подношения (предметы церковного оснащения, просто ценные вещи). Для любой церкви превратиться в центр паломничества было крайне выгодно по многим причинам. Если человек приходил поклониться чему-то чудотворному, будь то статуя, реликвия, гостия, он приносил этой святыне свой дар *exvoto* – по обету (в позднее Средневековье обычно деньги), а кроме того – покупал свечи, оставлял пожертвование храму (в течение дня по церкви многократно проходили клирики с кружкой для монет), покупает себе значок паломника или «фирменный сосуд» для чудотворной воды или масла, на ночь останавливается в принадлежащем церкви приюте для паломников (*hospitale peregrini*). У мест, связанных с почитанием Крови и Тела Христовых, появилось даже нечто вроде собственной специализации: туда совершали паломничества кающиеся грешники, в том числе и совершившие преступления – убийцы (также и нечаянные), клятвопреступники. Часто семья пострадавшего заключала с убийцей своего рода пакт: тот принимал обет посетить одно или несколько таких мест, где делал щедрые жертвования за себя и за упокой души своей жертвы¹³.

Не удивительно, что между паломническими церквями имела место серьезная конкуренция, поэтому о чудесах старались объявлять как можно более торжественно, изготавливали и распространяли специальные письма с сообщением об очередном

---

¹²Browe P. Op.cit. S. 279–280.

¹³Ibid. S. 278.

чуде. Но даже если чуда не случалось, в почитателях, видимо, не было недостатка. П. Брове цитирует послание некоего епископа Германа относительно монастыря в северо-баварском Андексе, где хранилась чудотворная облата. Епископ предписывает «графу Бехтольду», чтобы «на третий день праздника св. Троицы все его крестьяне, мужчины и женщины» явились для участия в процессии «с хоругвями и реликвиями», чтобы помолиться «св. сакраменту Папы Григория». При этом каждый должен принести с собой «по одному денарию и по свече, которые они пожертвуют алтарю»¹⁴. Брове специально оговаривал, что эта грамота, датированная 1128 г., на самом деле более позднего происхождения, т.е. фальшивка, изготовленная для легитимации подобной практики «древностью обычая». Но из нее видно, какими доходами могла прирастать церковная казна в местах паломничеств в более позднее время, в XIV–XV вв., от одних только крестьян (и сколько графов, имевших своих крестьян на территории диоцеза, могли получать похожие послания?), что уж говорить о пожертвованиях людей более состоятельных.

Разумеется, известия о чудесах далеко не всегда соответствовали действительности. Но представим себе эти толпы паломников и просто любопытных, перебирающиеся от одного «святого места» к другому, нищих, обычных бродяг, вырванных из привычных условий жизни войной или экономическими процессами, приведшими к обнищанию населения. Именно они в первую очередь становились питательной средой для самых невероятных слухов о чудесах и их разносчиками, а также с легкостью могли и поучаствовать в обмане¹⁵.

И все же я бы не стала рассматривать все сообщения о чудесном преображении Святых Даров как грубый обман алчных священников. При всей доходности чудотворных облат надо признать, что сами монахи и клирики не в меньшей мере, чем простолюдины, были захвачены идеей чудес *transformatio*. Получаемую от паломников прибыль они тратили в целом на вполне благочестивые цели: перестраивали и пышно украшали церкви, возводили новые капеллы, заказывали дорогие реликварии и другие предметы церковного оснащения, словом, создавали достойное обрамление для своего главного сокровища, чудесным об-

---

¹⁴ Ibid. S. 280.

¹⁵ О скандалах подобного рода упоминает П. Брове: Ibid. S. 280.

разом демонстрировавшего присутствие божественного во вполне земных субстанциях. И часто не только простые священники, но и образованные епископы верили в подобные чудеса.

Автором одного из самых ранних (ок. 1306 г.) рассказов о *transformatio* был, например, епископ Отёна. Он присутствовал на мессе в кафедральном соборе и стал свидетелем следующего происшествия. Во время таинства Евхаристии, когда служивший мессудекан уже собирался отпить из чаши вина, т.е. Крови Христовой, он заметил, что оно подмерзло. Было приказано принести жаровню с тлеющими углями, чтобы согреть на них чашу. Одна капелька при этом упала на угли и после мессы на время обрела вид человеческого лица. Епископ приказал почитать ее и хранил в запечатанной серебряной капсуле алтаре¹⁶. В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с искренним заблуждением или самообманом, потому что усмотреть в запекшейся на древесном угле капле вина человеческое лицо можно только будучи внутренне готовым к этому. Следует еще раз подчеркнуть, в религиозном сознании средневекового человека модальность чуда заложена в любом моменте бытия, когда события станут развиваться не по привычному, а потому кажущемуся естественным, пути, а чудесным образом, ведь чудо не противоречит законам природы: и чудо, и природа – все в равной мере творение Господа. В атмосфере, где, то тут, то там, обнаруживались кровоточащие гости и торжественно объявлялось о чудесах, о них постоянно говорили окружающие, вполне вероятно, что и священник, побрызгавший кровью мучную облатку, сам начинал верить, что перед ним истинное Тело Спасителя, ведь подобное чудо, по его убеждению, возможно и даже в его церкви может произойти в любой момент. А он просто ускорил события.

Но даже если признать, что представление эпохи Просвещения о «легковерии» не до конца было мифом, то в позднее Средневековье (XIV–XV вв.) границы этого «легковерия» вполне ощутимы. Наряду со слепой верой в чудеса в обществе имели место и подозрения в обмане с чудесами, реликвиями и другими священными предметами. Церковные власти понимали, что с этой вакханалией чудес надо что-то делать, но на ее открытую денонсацию решились только в начале XV в. Один из первых актов – каноны синода в Майсене 1413 г. (повторенные потом

---

¹⁶Ibid. S. 266.

синодом в Бреслау 1446 г.), запрещающие священникам «изготавливать чудесные знаки» (т.е. фальсифицировать чудеса) «для привлечения народа из алчности» — *ex cupiditate*¹⁷. Это не значит, что поддельные чудеса или реликвии никогда прежде не осуждались Церковью, но все подобные постановления формулировались гораздо более деликатно, без указания на корыстные мотивы фальсификаторов. Уже IV Латеранский собор 1215 г. (он имел статус вселенского) предписывал: «Старинные реликвии показывать верующим только в закрытых сосудах; торговля ими запрещена. Новообретенные же реликвии можно почитать публично только после того, как они освидетельствованы Папой. Прелаты не должны допускать, чтобы паломников обманывали ложными сообщениями [о чудесах] и поддельными документами, как это случается во многих местностях при сборе пожертвований»¹⁸. На протяжении XIII и XIV столетий эти запреты многократно повторялись поместными синодами, особенно запрет объявлять о новых чудесах, пока они не расследованы епископом¹⁹. Но все это предписания, подчеркну, направленные против сознательного обмана, против фальсификации чудес или некритического к ним отношения (пресловутого «легковерия»), и пока они далеки от сомнений в самой возможности чуда. Такие сомнения, недоверие появляются только в середине XV в. и именно в отношении чудесных превращений Святых Даров.

Главным борцом с культом *hostiae transformatae in hallaerubricatae* стал кардинал и папский легат Николай Кузанский. В 1451 г. он посетил с визитациями вверенные его попечению голландские, германские и бельгийские епархии и специальным циркуляром запретил паломничества к местам, где почитают чудотворные гостию, как «нечто порочное, противное нашей вере». Попутно он обвинил духовенство в том, что оно «не только позволяет такие паломничества, но и само для привлечения народа распространяет вести о чудесах во вверенных им церквах». Важно, что Николай Кузанский дал и догматическое разъяснение, почему чудо *transforma-*

---

¹⁷Ibid. S. 280 (со ссылкой на: MGH. Concilia Germ. Bd. 5. S. 38, 294).

¹⁸Ibid. S. 279 (со ссылкой на: Mansi. Concilia. T. XXII. Col. 1050).

¹⁹Ср., напр., аналогичный канон поместного синода в Нойоне (1344 г.): “Ne miracula quae de novodictis evenire in suis locis ve ecclesiis, solemnissent in populo ordinariosuo super hoc inconsulto...” (Ibid. со ссылкой на: Mansi. Concilia. T. XXVI. Col. 10).

tio в принципе невозможно: «...наша Церковь учит, что преславное Тело Христово, а также божественная Кровь в божественных Жилах полностью невидимы», поэтому все разговоры о «превращении облат и окрашивании их в красный цвет» суть оскорбление Господа²⁰. В том же 1451 г. на поместном синоде в Майнце, а затем в 1452 г. в Кельне были сформулированы и практические предписания: «Такие гостии, если возможно, употребить, в любом случае не показывать их и скрывать». Духовенству запрещалось не только их публично демонстрировать, но и объявлять о чудесах, а также «терпеть сделанные из свинца в форме гостии паломнические значки». Церквям, нарушившим канонические предписания, грозило отлучение: «Каждое такое место, в котором гостия после этого предупреждения будет показана три раза, безоговорочно будет подвергнуто строжайшему интердикту»²¹.

Конечно, мгновенного успеха эти запреты не имели, некоторые культы просуществовали до конца XIX в., в том числе и скандально известная облатка из Пулкау. Но, как видим, проблема от «веры к недоверию» обозначилась в сфере средневекового благочестия уже задолго до Реформации, и именно Церковь инициировала процесс внутреннего очищения от откровенно одиозных практик.

---

²⁰ Цит. по: Browe P. Op.cit. S.280–281.

²¹ Ibid. S. 281.

Глава 9

ОБМАННЫЕ СТРАТЕГИИ УСПЕХА ПРИ ДВОРЕ*

Хоть пропасть, а пришеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым.

Ершов П.П. Конек-горбунок

«Прошлое – пролог», – сказал когда-то Шекспир. И он как всегда прав. Многое, зародившись в далеком прошлом, получает развитие в последующие эпохи, благополучно процветая и сегодня.

В наши дни профессор университета Северного Техаса рассуждает о том, что занять положение влиятельного лидера в современной организации менеджерам может помочь «придворный путь», которому следовали желающие сделать карьеру при королевских дворах прошлого. «Ловкая, двуличная и/или коварная тактика, несомненно, является одной из составляющих жизни современной организации. Так было всегда», – пишет он¹. С этим трудно спорить. Найденный некогда путь устранения конкурентов и завоевания места в эпицентре власти, а значит и финансового процветания, активно используется в современной нам жизни. И если в XIV–XV вв. сочинители всех мастей возмущенно бичевали придворные нравы, поскольку подобное поведение еще не стало общепринятым, то теперь соответствующие способы продвижения по карьерной лестнице настоятельно рекомендуются в научной литературе.

Моралисты полагали, что двор – это средоточие греха, только ленивый не писал об этом в позднем Средневековье и даже

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ *Страттон Д.* Путь придворного льстеца к лидерству в управлении // Управление человеческим потенциалом. 2005. №3 (03). С.59–74, здесь С. 59. Хотелось бы отметить, что в русском переводе названия статьи появился дополнительный уничижительный оттенок, отсутствующий в оригинале: “Thecourtly-pathomanagerialleadership”.

существенно раньше. Специалисты находят истоки антикуртальной традиции уже в Античности. Средневековые авторы прекрасно знали своих предшественников, хотя более активно их идеи заимствовали сочинители XVI в.²

Двор вообще опасен как таковой, и об этом говорилось даже в Священном Писании, как полагал, к примеру, Гумберт Романский. В XIII в. он указывал на чрезвычайную опасность пребывания при дворах магнатов, ибо именно там – в курии первосвященника Каиафы – Петр отрекся от Христа, а четвертовластник Ирод обезглавил своей властью Иоанна Крестителя³. Сочинители сравнивали окружение правителей с адом: «Я служу Сатане», – восклицал ЭташДешан⁴. Наши современники, изучающие средневековые тексты, выражаются в духе исследуемых источников, предпочитая хоть и не столь сильные, но оттого не менее яркие образы. С их точки зрения, двор, по свидетельству очевидцев, скорее, похож на «чистилище»⁵ или на «мир после грехопадения»⁶. Критикующие двор сочинения XIV–XV вв. изобилуют в той или иной форме списками грехов: в виде прямых наставлений или традиционных аллегорических персонифика-

---

²Smith P.M. The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. Genève, 1966. P. 13–16.

³Humbertus de Romanis. De eruditione religiosorum Predicatorum (Sermones ad status, tractatus I, sermo 84) // Bibliotheca maxima veterum patrum / Ed. par Margarinus de la Bigne. Lyon, 1677. T. XXV. http://sermones.net/thesaurus/document.php?id=hdr_1.084.

⁴Oeuvres complètes de Eustache Deschamps / Publ. par le Marquis de Queux de Saint-Hilaire. P., 1887. T. I. P. 231 (цит. по: Gonzales E., Roccati G.M. La société de cour // Eustache Deschamps en son temps / Ed. par J.-P. Boudet et H. Millet. P., 1997. P. 195–216, здесь P. 196).

⁵Autrand F. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe siècle à la fin du XVe siècle // L'Etat et les aristocraties (France, Angleterre, Ecosse), XIIe–XVIIe siècles / Sous la dir. de P. Contamine. P., 1989. P. 51–78, здесь P. 52.

⁶Mühlethaler J.-C. La cour en “sottie”: folie, masque et déguisement dans L'abuzé en court // Masca, maschera, masque, mask: testi e iconografia nella culture medievale. L'immagineriflessa. 2000. №9. P. 285–303, здесь P. 289. В то же время немецкий литературовед использовал для названия своей книги, посвященной критике дворов уже Нового времени, старинную немецкую поговорку: «При дворе как в аду». См.: Kiesel H. “Bei Hof, bei Höll”. Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen, 1979. См. подробнее: Володарский В.М. Критика придворных нравов в творчестве немецких гуманистов // Придворная культура эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина, В.М. Володарский. М., 2014. С. 92–106, здесь С. 98.

ций⁷. У каждого автора – свои «болевые» точки, вызывающие у него наибольшее раздражение. Одни осуждают дурных советников, другие – алчность, развращенность и изнеженность придворных, третьи – низкородных выскочек, жаждущих сделать карьеру за счет милостей правителя.

Ален Шартье в «Придворном» сравнивал двор с монастырем, «где собираются люди для того, чтобы обманывать друг друга под предлогом общего блага»⁸. Однако очевидно, что не всякое неблагоприятное поведение при дворе имело целью обмануть окружающих. Алчность, чревоугодие, зависть, гнев, сластолюбие и тому подобные отклонения от христианской нормы были распространены в любой человеческой общности, но не служили введению в заблуждение ближнего. И даже в самом коммуникативном процессе двух и более сторон обман не является обязательным компонентом сомнительного, с точки зрения этики, поведения. Передача слухов и сплетен, божба, неблагодарность, грубость и оскорбления вскрывали совершенно иные аспекты в общении.

Какие же повседневные практики использовали придворные для обмана? Вводить в заблуждение удавалось, к примеру, своим внешним видом, и такие уловки были чрезвычайно распространены. Дорогая, по последней моде, одежда должна была свидетельствовать о высоком статусе придворного и милости принца к нему, даже если ничего из этого не соответствовало действительности, а наряд был куплен в долг. Однако нас в данной работе будет интересовать именно *вербальная* коммуникация, а также неожиданная, как кажется на первый взгляд, среди греховоборотная сторона речи – молчание.

Речи всегда придавалось особое значение в социуме. Образ коварного, лгущего, льстящего, обманывающего языка ведет свою историю еще из библейских текстов⁹. Немаловажное зна-

---

⁷ См. для примера бесконечно длинный список грехов, толпящихся вокруг царствующего Фовеля: LeRomandeFauvelparGervaisduBus / Ed. parA. Långfors. P., 1914–1919. P. 54–64.

⁸Chartier A. Le curial / Hrsg. von F. Heuckenkamp. Halle s.S., 1899.S. 22–23.

⁹ Например: «Уста его полны проклятия, коварства и лжи; под языком – его мучение и пагуба» (Пс.9:28); «Они изрыгают хулу языком своим; в устах их мечи» (Пс.58:8); «Ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные; говорят со мною языком лживым» (Пс.108:2); «Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их» (Рим.3:13) и т.д.

чение придавалось вербальной коммуникации в монастырских общинах. Отцы церкви работали над систематизацией *peccata-linguae* и насчитывали кто два, а кто и более четырех десятков речевых грехов¹⁰. Средневековые философы-богословы развивали заимствованную из античной риторики идею «обстоятельств речи», в которой первостепенная важность придавалось тому, «кто, что, кому, почему, как и когда» говорит¹¹. Постепенно начали писать об этом сюжете и авторы-миряне. Чрезвычайное распространение получил текст Альбертано Брешианского «Об искусстве разговора и молчания» (XIII в.), переведенный на многие языки и активно цитировавшийся последующими авторами. К XV в. тема речи становится важнейшей в дидактических сочинениях, что подтверждает сделанный трижды в это время перевод на французский трактата Альбертано. Вдохновленные итальянским юристом авторы, как, например, Жильбер де Ланнуа, давали своим читателям этические советы общего толка: не лгать, не быть многословными, не спорить, не раскрывать секретов и т.д., а в целом – уметь молчать¹². Однако, сочинители, жаждущие рассказать о придворных особенностях вербальной коммуникации, обращают внимание и на некоторые другие специфические аспекты этого процесса. Вместе с традиционными советами по добродетельному поведению в придворных источниках появляются новые веяния: начинают учить, как противостоять вербальному обману, будь то ложь, лесть или излишне красивая речь, в витиеватых тонкостях которой легко запутаться.

«При дворе много говорят», – делится своим мнением анонимная сочинительница второй половины XV в., – но «от многословия часто происходят большие недоразумения»¹³. Свидетельство неизвестной дамы ценно для нас тем, что двор явно не

---

¹⁰См.: Casagrande C., Vecchio S. “Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain”: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières / Sous la dir. de D. Romagnoli. P., 1995. P.89–115, здесь P. 89; *Eaedem*. Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. P., 2007. P. 19.

¹¹*Rosier-Catach I.* Le blasphème et l’invention du huitième péché capital: le “péché de langue” // PO&SIE. Trans Europe Éclairs. 2018. №162 (2). P. 94–104.

¹²*Ghilbert de Lannoy.* Les Enseignements paternels // Oeuvres de Ghilbert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / Ed. par Ch. Potvin. Louvain, 1878.

¹³Les enseignements que une dame laisse a ses deux filz en forme de testament // Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 191919. Fol. 2v–3.

был для нее привычным местом и кругом общения. Она выступает, скорее, как сторонний наблюдатель, с удивлением увидевший странную для нее картину. Она не анализирует конкретные поведенческие нюансы, которые могли бы вызвать ее удивление. Представляется, что, побывав однажды при дворе, она была поражена непривычным для нее шумом голосов, обилием разговоров, суть которых характеризует неблагоприятное поведение собеседников. При дворе не следует ни радоваться похвале, ни гневаться на осуждение. Там будут поносить вашу честь, говорить позорные вещи о вас и ваших родственниках. Но дама рекомендует не печалиться по этому поводу, а просто сделаться глухим¹⁴. На сто лет раньше ЭташДешан уже советовал в подобных ситуациях оставаться «слепым, немым и глухим»¹⁵. «Дурные» разговоры при дворе стали столь расхожей нормой, что анонимный автор поэтических «Прекрасных поучений» (XV в.), более сведущий в придворных нравах, советует дочери попросту не обращать на них внимания¹⁶. Однако делать вид, что тебя внезапно настигла глухота, видимо, довольно сложно, и авторы наоборот призывают быть постоянно настороже и активно прислушиваться к тому, что говорят вокруг, во избежание неприятностей. Неизвестный сочинитель «Обманутого при дворе» (1450–1470-е гг.) наделяет персонажа по имени Самоуверенность (*Folcuidier*) большими ушами. Именно эта особенность позволяет быть в милости у правительницы, т.е. «все слышать, но показывать, что ничего не знаешь»¹⁷. Анониму вторит его современник, бургундский придворный Жан де Ланнуа. Он советует сыну: «Нужно предоставить свои уши, коих у тебя два, в помощь рту, который у тебя лишь один; ибо выслушивание <других> не может нанести мудрому <человеку> вреда»¹⁸.

***

---

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Oeuvres complètes de Eustache Deschamps. T.2. P. 94-95 (цит. по: Gonzales E., Roccati G.M. Op. cit. P. 203).

¹⁶ Enseignemens moult beaux // Koninklijke Bibliotheek van België. Ms. 4373.Fol. 136v.

¹⁷ L'Abuzé en court / Ed. par R. Dubuis. P., 1973. P. 36–37. Ср. иную, связанную с модой, интерпретацию этого образа: Mühlethaler J.-C. Op. cit. P. 294.

¹⁸ Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // Lannoy B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Bâtisseur. 1410–1493. P.; Brux., 1937. P. 126–127.

При дворе процветает ложь. Жан Дюпен писал: «Ложь правит балом, ее придерживаются герцоги и графы»¹⁹. Это понятие в данной среде чрезвычайно тесно увязывается с понятием репутации. Являясь обманной практикой, ложь несводима к обману, поскольку представляет собой намеренное искажение знаемой субъектом истины, в то время как собственно обман провоцирует собеседника на ошибочные выводы из достоверных фактов²⁰. Чрезвычайно распространенными в придворной среде были слухи и сплетни. «Светская» беседа в кулуарах не всегда имела стратегический умысел вранья или обмана. Но, курсируя от одного рассказчика к другому, тот или иной факт мог в какой-то момент сослужить дурную службу или в чьих-то устах обрести ту самую злонамеренную стратегическую цель.

Моралисты не устают возмущаться «дурными» или «лживыми» разговорами, т.е. пересудами, имеющими цель очернить или отомстить сопернику. Речь перестает служить лишь для передачи сообщений собеседнику, отныне она формирует новое положение человека в обществе. Как метко заметила Клод Говар, «репутация – в устах других»²¹. От того, что скажут о человеке, будет зависеть его имя и дальнейшая судьба. Пущенный кем-то слух (по самым разнообразным причинам: из зависти, в отместку, в шутку и т.п.) в конце концов становится непреложным фактом для окружающих. Молвы, действительно, опасались, поскольку для авторов поучительной литературы это – один из самых злободневных и актуальных вопросов, особенно в том, что касается мест скученного пребывания людей²².

Тема «дурных языков» – одна из наиболее волнующих Кристину Пизанскую, особенно когда они затрагивают женскую честь. Люди, ведущие порочащие других разговоры, – «хуже

---

¹⁹ *Dupin J.* Le champs vertueux de bonne vie appelé Mandevie. P., 1509. P. qir.

²⁰ *Знаков В.В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. №2. С. 9–16, здесь С. 16. См. также: *Он же.* После словие. Западные и русские традиции в понимании лжи. Размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи. СПб., 2003. С. 243–267.

²¹ *Gauvard C.* La Fama, une parole fondatrice // *Médiévales*. 1993. №24. P. 5–13, здесь P. 12.

²² См. об этом в тематических сборниках: *Médiévales*. 1993. №24 и *La rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation (V^e-XVe siècle)* / Sous la dir. de M. Billaud et M. Soria. Rennes, 2011.

Иуды», писала она²³. Придворное злословие выступает в том числе и под маской христианской добродетели. Отцы церкви учили, что если окружающие не указывают согрешившему на его грех, то тем самым перекрывают ему путь к спасению. Однако разница между заботой об исправлении ближнего и оговором была, по-видимому, трудноуловима, поскольку дебаты на эту тему длились не одно столетие²⁴. Руководствуясь этим благовидным принципом, придворные поносят друг друга, не только выставляя напоказ сомнительные поступки других, но и используя клевету. Жан де Ланнуа сравнивает потерявшего доброе имя с преступником, приговоренным к смерти²⁵. Реноме закрепляется за человеком как вторая кожа. Никто не пытается проверять обоснованность «общественного мнения». Ланнуа запрещает сыну знаться с людьми дурной репутации, поскольку это ведет к гибели²⁶. Дурная слава равнялась символической смерти в обществе, а зачастую была чревата и реальной смертью.

В то же время в политических играх ложь нередко носила имя дипломатии. С помощью этой «тихой войны» было проще, чем оружием, победить противника и конкурента. Филипп де Коммин неоднократно пишет в мемуарах об интригах «великих мира сего» и намеренном введении ими в заблуждение своих политических противников. Именно ему, как он утверждает, были известны многие секреты короля Людовика XI. В ход шли все возможные виды лжи: умалчивание, недоговаривание, куртуазное красноречие, запутывающее собеседника, и прямая

---

²³ *Dulac L.* Bon et mauvais langage: la parole multipliée chez Christine de Pizan // *Cahiers de recherches médiévales*. № 6. 1999. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** От Жоффруа де Ла Тура мы узнаем, что в «свете» стала складываться традиция не обращать особого внимания на слухи о женской репутации. С одной стороны, он предается ностальгическим воспоминаниям о прошлых временах, когда «опозоренная женщина не была столь смела, чтобы вернуться обратно к порядочным дамам» (*Le Livre du chevalier de La Tour Landry pour l'enseignement des filles* / Ed. par A. de Montaiglon (далее – *Le Livre*). P., 1854. P. 226), а с другой, в его речи проскальзывает выражение «слава Богу». Он понимает, что жены чаще оказываются жертвами досужих сплетен, нежели собственного порочного поведения. См. подробнее: *Крылова Ю.П.* Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014. С. 212–214.

²⁴ *Casagrande C., Vecchio S.* Les péchés de la langue. P. 242–243.

²⁵ *Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy*. P. 141.

²⁶ *Ibid.* P. 143.

ложь (лживые обещания, обманное покровительство и любезность и др.). Выведать их, понять, почувствовать – было целью политической игры и последующего успеха дела.

***

Непременным атрибутом повседневности иерархического человеческого сообщества является лесть. Псалом сравнивает ее с «изошренной бритвой»²⁷. Лесть – это сознательное введение собеседника в заблуждение в надежде на личную выгоду. Естественно, двор стал благоприятнейшей средой для распространения и этой формы коммуникации. Именно здесь лесть была чрезвычайно действенным инструментом и всегда оправдывала свои ожидания. Ни одно придворное сочинение не обходится без упоминания льстецов. Специалисты отмечают небывалый всплеск употребления слова «лесть» во всех видах письменных источников с конца XIV в.²⁸ Лесть «работает» быстрее и действеннее, чем злословие, недовольство или даже собственно преданная служба, что становится особенно важным при дворе. Аллегорический персонаж Дама Двор из анонимного текста «Обманутый при дворе» напрямую заявляет главному герою, озадаченному вопросом, почему его честная служба не способствует карьере, что ей хорошо служат ложь, лесть и связи²⁹. У льстеца нет четкой цели непременно обмануть, но, тем не менее, именно это он и делает. Ему нужно угодить на всякий случай каждому человеку – знакомому и не знакомому, – а не только правителю. Льстецы раздавали похвалы всем, вторили эхом всему, что говорилось перед ними, признавая черное белым, т.е. активно лицемерили. Проповедники и моралисты видели опасность для сеньора в том, чтобы окружать себя подобными подхалимами, поскольку так он терял связь с реальностью и не понимал своих

---

²⁷ Пс. 51. Амвросий Медиоланский пояснял этот стих так, что бритва служит красоте человеческого лица, но может быть и опасна. См.: Обязанностях священнослужителей. Творение св. Амвросия, епископа Медиоланского. М.-Рига, 1995 (репр. Казань, 1908). С.343.

²⁸ Vincent-Cassy M. Flatter, louer ou comment communiquer à Paris à la fin du Moyen Age // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières / Sous la dir. de D. Romagnoli. P., 1995. P.117–159, здесь P. 117.

²⁹ L'Abuzé. P. 109–110.

неверных поступков и неправильных решений³⁰. Лстецы подспудно становились виновниками тирании принца, о чем небезосновательно беспокоились авторы.

При дворе так или иначе все невольно становятся лстецами. Ален Шартье писал, что здесь все вынуждены жить по желанию другого: есть согласно чужому аппетиту и голодать, когда хочется есть; бодрствовать, когда начинаешь засыпать тяжелым сном, и трястись от страха, что можешь не угодить сеньору³¹. Шартье не сдерживал негодования из-за того, что вынужден был подчиняться противоестественным распорядкам двора в отличие от сельских жителей, живущих как «император в своем доме». Отошедший от придворных забот Мишель Монтень через полтора столетия уже по-философски спокойно размышлял о неизбежности лести в отношениях господина и подчиненного: «Придворный не волен – да и далек от желания – говорить о своем повелителе иначе, как только хорошее; ведь среди стольких тысяч подданных государь отличил его, дабы осыпать своими милостями и возвысить над остальными. Эта монаршая благосклонность и связанные с ней выгоды убивают в нем, естественно, искренность и ослепляют его»³². Однако, обличая лесть и поведение лстецов, сочинители всех мастей никогда не упоминают виновников по именам. Проповедуя в придворной среде, Жан Жерсон или Жан Курткюисс, а также все прочие опасаются впасть в немилость правителя или всемогущих фаворитов³³, замалчивая таким образом правду. Лесть становится при дворе привычным образом мысли, который трудно уловить даже в собственном поведении. Так, Кристина Пизанская «со всей

---

³⁰См.: *Vincent-Cassy M.* Les péchés de la cour de Charles VI // *La Cour du Prince. Cour de France et cours d'Europe XIIIe–XVe siècle* / Ed. par M. Gaude-Ferragu, B. Laurieux et J. Paviot, P., 2010. P. 339–358, здесь P. 354–355.

³¹*Chartier A.* Op. cit. P.13.

³²*Монтень М.* Опыты. Избранные главы. М., 1991. С.127. Если Монтень размышляет, скорее, об обреченности несчастных придворных раболепно себя держать, то немецкие гуманисты XVI в. видели в лести не только грех, как их средневековые предшественники, но прежде всего глупость и невежество: *Володарский В.М.* Указ. соч. С. 97.

³³*Vincent-Cassy M.* Flatter, louer ou comment communiquer à Paris. P. 132. Лабрюйер спрячет в свое время персонажей «Характеров» под греческими псевдонимами.

искренностью и без всякого подхалимства»³⁴ воспевают добродетели Карла V, потому что «правда не может быть лестью». Однако же написание трудов на заказ и зависимость от заработка не позволяют ей быть объективной³⁵.

В благородном обществе ложь и лесть не всегда являют себя в прямом виде, но принимают форму изысканного и витиеватого послания. Не принадлежавший к придворной элите, но имеющий опыт общения в «свете», Жоффруа де Ла Тур рекомендовал в наставлении дочерям (1372 г.) избегать людей, отличающихся изысканной манерой говорить, называя их «красноречивыми», но в то же время и «лживыми языками». В его время они были особенно опасны для женщин, поскольку именно так змей обольстил когда-то Еву³⁶. Их «искусство» направлено на то, чтобы «просить всякую благородную женщину, какую найдут, о любви, уверяя ее в искренности своих чувств»³⁷. Приводя известные ему примеры из собственной жизни и книг автор настоятельно рекомендует читательницам: «Не слушайте тех, кто болтает и наделен даром красиво говорить, не слушайте их тайных и нежных речей, ибо они нередко лживы»³⁸. В следующем столетии сочинители, имевшие собственный придворный опыт, распространяют эти же советы уже на все общество, а не только на женщин. Использование красивой речи активно развивается в придворном общении, ее пускают в ход не только и не столько для обольщения сексуального, сколько для побуждения человека совершить какой-то поступок ради выгоды самого подстрекателя. С ее помощью лгут, уходят от прямого ответа, льстят высокопоставленным персонам, раздают пустые обещания. Несмотря на призывы моралистов говорить правду (даже при дворе), нелицеприятные речи не выгодны придворным. Отказ в услуге или указание на проступки могут подтолкнуть оппонента к мести или ответному отказу в дальнейшем. Именно собственная выгода является определяющим принципом в общении при дворе. Участники «игры» вынуждены соизмерять каждый свой шаг с идеей потенциальной прибыли от того или иного поступка.

---

³⁴ *Christine de Pizan*. Livre des faitsetbonnesmoeurs du sage roi Charles V / Ed. par J. Blanchard. P., 2013. P. 37.

³⁵ См.: *Vincent-Cassy M.* Flatter, louer ou comment communiquer à Paris. P. 131.

³⁶ Le Livre. P.86.

³⁷ Le Livre. P.251.

³⁸ Le Livre. P.85.

Если льстец особенно предупредительно с тобой здоровается, – отмечает Ален Шартье, – то делает он это не по причине твоих добродетелей, а ради выгоды или удовольствия, которые он надеется получить³⁹.

Придворное общение имеет свою специфику и постепенно формирует собственные законы. Это вынуждает моралистов вместе с призывами говорить правду озвучивать новый тезис. Отныне требуется не только уметь держать язык за зубами, но и правильно использовать свою речь, что должно отражаться и в соответствующем поведении. Этот дуализм проявляется в советах Кристины Пизанской принцессе, изложенных в «Книге Трех Добродетелей». Как в частной, так и в публичной сферах не только абсолютно оправдано, но даже необходимо прибегать, как бы это сейчас назвали, к двуличию и притворству. Однако пользоваться хитростью следует осторожно, чтобы никто не мог усомниться в искренности принцессы. Она должна сохранять любезное обхождение в общении с теми друзьями мужа, которых она считает дурными, а также с теми, кто распространяет о ней самой ложные слухи и пытается вывести из политической игры. Но ведя свою секретную войну, принцессе следует оставаться «хозяйкой своих уст», чтобы не испортить игру⁴⁰.

Солидарен с Кристиной и бургундец Жан де Ланнуа, проведший всю жизнь при дворе. Он рекомендует «учиться говорить», поскольку это помогает приобрести друзей и смягчить врагов⁴¹. Однако его сочинение адресовано собственному сыну (хотя и отпрыску высокопоставленного придворного, но не принцу), поэтому, понимая насколько сложны придворные игры, он советует в целом поменьше говорить, каждый раз размышляя в духе Альбертано Брешианского, в какой среде он оказался, в чьем присутствии и к каким последствиям его слова могут привести. Высказанные им принципы правильного поведения сводятся к желанию вообще держаться подальше от активных вербальных практик и больше слушать, нежели говорить. Он не устает повторять это раз за разом в своем сочине-

---

³⁹ Chartier A. Op. cit. P. 17.

⁴⁰ Vélissariou A. Discrete dissimulation et prudent cautele: les stratégies comportementales de la princesse dans le “Livre des Trois Vertus” de Christine de Pizan // Le Moyen Age. 2010. T. CXVI (3). P. 577–590, здесь P. 583–589.

⁴¹ Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy. P. 128.

нии. Но если все же приходится что-то сказать, то нужно помнить о своем лице, дабы его выражение соответствовало тому, о чем идет речь⁴².

Неудивительно, в этой связи, что активной вербальной практикой при дворе становится...молчание. Эта поведенческая стратегия использовалась в виде умалчивания, недоговаривания, полуправды или просто оставления сообщения собеседника без ответа, становясь тем самым очередной обманной практикой.

Мы помним свидетельство неизвестной дамы, что «при дворе много говорят», и, действительно, источники XV в. оставляют ощущение шума от постоянных разговоров. Карьеру при дворе делает именно «человек говорящий». Себя нужно репрезентовать любыми возможными способами, чувствовать момент, не упуская удобного случая напомнить о себе, ведь, как говорит правительница в «Обманутом при дворе», «не за красивые же глаза я должна выбирать служащих на должности? Нужно немедленно просить, когда есть время и место»⁴³. Однако в том же сочинении упоминается, что для успеха при дворе нужно «все видеть, и скрывать, что видел; все слушать, делая вид, что ничего не знаешь; слова не молвить о том, что видел и знаешь»⁴⁴, т.е. быть, выражаясь языком ЭсташаДешана, «слепым, глухим и немым». Таким образом, умение правильно и вовремя молчать становится важнейшей придворной стратегией успеха.

Намного раньше до изучаемого периода молчание (*taciturnitas*) уже признавалось грехом. Собственно, дискуссия о выборе молчания или красноречия шла все Средневековье. Еще Блаженный Августин писал о радости молчания и необходимости слова. Григорий Великий указывал на то, что молчание как грех может иметь индивидуальное и социальное измерение. С одной стороны, молчащий впадает в грех гордыни, поскольку лишен возможности исправить свои ошибки чужими наставлениями, с другой – тот, кто молчит, видя зло, совершаемое ближним, грешит против евангельских принципов, лишая другого возможности спасения⁴⁵. Кто-то мог и «неправильно» молчать, выражая тем самым презрение и оскорбление по отношению к ближнему,

---

⁴²Ibid. P. 190.

⁴³L'Abuzé. P. 104.

⁴⁴Ibid. P. 37.

⁴⁵Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue. P. 313–314.

что также категорически осуждалось⁴⁶. Это предостережение отцов церкви, адресованное в первую очередь монахам, с успехом использовалось позднее в придворных кругах.

Грех молчания активно обсуждался богословами в XIII в. Александр Гэльский, к примеру, полагал, что в дурном молчании больше греха, нежели в дурной речи, поскольку первое лишает возможной пользы, которую можно получить от слова⁴⁷. В начале XIV в. упоминавшийся ранее Гумберт Романский уже включает молчание в виде замалчивания правды в список придворных грехов⁴⁸. В XIV в. Жан Дюпен говорил, что «если не умеешь замалчивать правду, никогда не получишь богатой выгоды»⁴⁹. В современной психологии умалчивание считается пассивной ложью, которой также можно достичь нужного эффекта. Если виртуозное владение речью требует специального мастерства, то для молчания не нужно особого ума и способностей. Им, тем не менее, также можно произвести нужное впечатление, создать образ умного, куртуазного, добродетельного человека, и это не будет стоить никакого труда. Высказывая данную мысль в «Книге добрых нравов» (1414 г.), Жак Легран видел в молчании не способ введения в заблуждение окружающих, как его использовали в придворном общении, но путь к миру в отношениях⁵⁰. Сдержанность в словах достойного человека из добродетели превращается в преимущество, способное принести дивиденды.

***

Становится очевидно, таким образом, что авторы, имеющие отношение ко двору, свидетельствуют об откровенном отступлении от этических принципов, провозглашаемых не одно столетие христианскими моралистами, – принципов твердого следования евангельским заповедям, без отступлений, послаблений и смягчающих обстоятельств. Двор формирует «новую реаль-

---

⁴⁶Ibid. P. 316.

⁴⁷Ibid. P. 320.

⁴⁸Ibid. P. 317, note 2.

⁴⁹Dupin J. Le champs vertueux de bonne vie. P. Qir.

⁵⁰Légrand J. Le Livre de bonnes meurs / Ed. par E. Beltran. P., 1986. P. 321 (цит. по: Bohler D. Civilités langagières: le bon taire ou le parler hastif. Brèves réflexions sur la fonction sociale et symbolique du langage // Norm und Krise von Kommunikation. Inszenierungen literarischer und sozialer Interaktion im Mittelalter. Für Peter Moos / Hrsg. von A. Hahn, G. Melville, W. Röcke. Berlin, 2006. S. 115–134, здесь S. 120).

ность», где цель оправдывает любые средства. ЭташДешан в одной из сатирических баллад емко резюмирует, как нужно вести себя при дворе для большей выгоды: «Тебе следует уметь...лгать, льстить, говорить о непотребном – приезжай ко двору и часто этим пользуйся»⁵¹. Двор и самозарождающиеся новые правила поведения в этой среде оказались в состоянии сдвинуть устои, веками считающиеся незыблемыми, заставляя их адаптироваться под придворные условия взаимодействия людей.

---

⁵¹Oeuvres complètes de Eustache Deschamps. T. V. P.365–366 (цит. по: *Gonzales E., Roccati G.M.* Op. cit.P. 198).

Глава 10

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБМАНЩИКИ: ФРАНЦУЗСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ В КРУГУ КОЛЛЕГ И КЛИЕНТОВ*

Стратегии поведения, основанные на лжи или подлоге, при-
сущи представителям любого общества, о каком бы периоде исто-
рии и о каком бы регионе мы ни говорили. Обман всегда мно-
гообразен и многогранен: он может затрагивать и отношения
между самыми близкими людьми (родственниками или друзья-
ми), и отношения между коллегами; порой именно он становит-
ся основой в отношениях власти и подданных. Нередко обман
оказывается случайной или вынужденной стратегией поведения,
но очень часто к нему прибегают совершенно осознанно, пре-
следуя конкретные цели и стремясь удовлетворить сугубо лич-
ные потребности – прежде всего, желание наживы, повышения
общественного или социального статуса, желание обрести по-
лезные знакомства и связи.

Существует, вне всякого сомнения, и обман *профессиональ-
ный*, когда сам образ жизни того или иного человека представ-
ляет собой лишь ширму, скрывающую его подлинную личность.
К подобным стратегиям поведения можно отнести, к примеру,
занятия «профессиональных» попрошайек, псевдо-инвалидов или
женщин, собирающих деньги на лечение «больных» детей. Как
не вспомнить здесь Двор чудес, с таким мастерством описанный
в романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери»
(1831 г.)¹, или похождения господина Сент-Клера, превращав-

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта
№ 16-01-00154-ОГН.

¹ «Бедный поэт осмотрелся кругом. Он на самом деле попал на тот страшный
Двор чудес, куда никогда не заходил в такой поздний час ни один порядочный
человек. Это был магический круг, где исчезали бесследно судебные пристава
и городские сержанты, осмелившиеся переступить черту; притон воров, отвра-
тительный нарот на лице Парижа; клоака, откуда изливался каждое утро, а
ночью лился назад грязный поток пороков, нищенства и бродяжничества, все-
гда переливавшийся через край и наводнявший улицы столицы, чудовищный
улей, куда сходились вечером с добычей все трутни человеческого общества;

шегося в нищего Хью Буна и промышлявшего в лондонском Сити, из рассказа Артура Конана Дойла «Человек с рассеченной губой» (1891 г.)². Этими персонажами улицы европейских (и не только европейских) городов полны и сегодня – точно так же, как были полны в эпоху Средневековья или Нового времени³. Впрочем, профессиональными обманщиками очень часто оказываются не только уличные попрошайки, но и люди, владеющие иным ремеслом: «потомственные» предсказатели и астрологи, знахари и лекари, юристы и адвокаты с купленными дипломами или вовсе без оных знакомы нам не понаслышке. К той же категории всегда относились и до сих пор относятся те, кто занимается разного рода подделками: изготовлением фальшивых украшений «под серебро» или «под золото», якобы «фирменных» сумок и одежды, телефонов и иной, не менее «статусной» техники. Подобные «профессионалы» существовали во все времена – менялась лишь сфера применения их сил и способностей. Впрочем, и здесь, как кажется, имелись свои постоянные величины, и об одной из них – возможно, наиболее древней или, во всяком случае, исключительно устойчивой – мне и хотелось бы поговорить.

обманчивый госпиталь, где цыган, расстриженный монах, опустившийся студент и негодяи всех наций и религий – испанцы, итальянцы, немцы, евреи, христиане, магометане, язычники – днем просили подаяния, стараясь разжалобить своими искусственными язвами, а ночью превращались в разбойников, – словом, громадная одевальная, где одевались и раздевались в ту пору актеры той вечной комедии, которую воровство, проституция и убийство играют на улицах Парижа» (*Гюго В. Собор Парижской Богоматери* / Пер. с фр. Н. Коган. М., 1959. С. 85).

² «Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая? Долго длилась борьба между моей гордостью в стремлении к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками» (*Дойл А.К. Человек с рассеченной губой* / Пер. М. и Н. Чуковских // Дойл А.К. Записки о Шерлоке Холмсе. Кишнев, 1957. С. 123–148, здесь С. 146).

³ См., в частности: *Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles*. P., 1976; *Idem. La Potence et la pitié. L'Europe des pauvres, du Moyen Age à nos jours*. P., 1987; *Idem. Les Fils de Caïn. L'image des pauvres et des vagabonds dans la littérature européenne*. P., 1991.

Речь пойдет о деятельности французских фальшивомонетчиков XIV–XV вв., которые, вне всякого сомнения, не являлись какой-то уникальной социальной группой, поскольку денежные средства подделывали всегда и во всех, надо думать, без исключения странах. Однако дошедшие до нас в большом количестве средневековые судебные документы позволяют не только порассуждать о самой сути подобных обманных практик, носивших сугубо профессиональный характер, но и внимательно приглядеться к тем социальным связям, которые создавали эти люди и которые позволяли им находить себе постоянных и весьма многочисленных клиентов, а вместе с тем – создавать вокруг своей незаконной деятельности завесу тайны и доверия со стороны окружающих, что в свою очередь предоставляло им возможность долгое время оставаться вне поля зрения властей.

***

В 1487 г. перед судом французского города Лош⁴ предстал местный ювелир Луи Секретен⁵. Он обвинялся в том, что в его мастерской были изготовлены шесть фальшивых монет: два золотых королевских эю, два полуэю и два флорина⁶. Арестованный всячески отрицал собственную причастность к этому уголовному преступлению, настаивая, что чеканка производилась без его ведома. Главным виновным следовало, по мнению ювелира, считать его «молодого помощника, золотых и серебряных дел мастера, родом из Парижа», перебравшегося на постоянное жительство в Лош и нанявшегося к Секретену в подмастерья⁷. Именно к нему, как к «весьма искусному работнику», и обратился некий мэтр Этьен, «художник и миниатюрист», приближенный сеньора Лоша, попросив изготовить поддельные

---

⁴ Лош – небольшой город в современном департаменте Эндр и Луара, расположен в долине р. Луары.

⁵ Archives Nationales de France. Série JJ – Registres du Trésor des chartes (далее – JJ). JJ 219. Fol. 31. № 50 (a. 1487).

⁶ О монетах, имевших хождение на территории Французского королевства на протяжении позднего Средневековья, см.: *Hoffmann H.* Les monnaies royales de France depuis Hugues Capet jusqu'à Louis XVI. P., 1878; *Fournial E.* Histoire monétaire de l'Occident médiéval. P., 1970; *Dumas F., Bompaire M.* Numismatique médiévale. Turnhout, 2000.

⁷ “Ung jeune compaignon orfèvre natif de Paris alla demourer avecques lui en ladite ville de Loches pour besoingner avec lui de son mestier” (JJ 219. Fol. 31. № 50).

монеты⁸. Тот согласился выполнить работу, а затем отдал ее заказчику⁹. Однако сам мэтр Этьен, покидая город и возвращаясь в родной Прованс, оставил на хранение своему другу Секретену некоторые личные вещи. Среди них оказались и фальшивые монеты, которые, спустя примерно год, ювелир пустил в оборот, не подозревая, как он утверждал впоследствии, что имеет дело с подделками¹⁰.

Словам золотых и серебряных дел мастера судебные чиновники, тем не менее, не поверили и приговорили Луи Секретена к казни – варке живьем в котле с кипящими водой и маслом¹¹, однако дальнейшие события нарушили плавное течение уголовного процесса. Секретен и не думал умирать, напротив, он два раза подряд ухитрился вылезти из котла: «Упомянутый проситель был передан палачу, который, дабы привести приговор в исполнение, связал его и поместил в котел, дабы сварить [заживо]. Откуда, при посредничестве господина св. Грациана и госпожи

---

⁸ “Pour ce qu’il estoit fort bon ouvrier dudit mestier, un nommé maistre Estienne, qui lors se tenoit... avecques le seigneur dudit lieu de Loches, pintre et enlumineur, parla audit compaignon et le pria qu’il vouldist faire graver... escuz à la couronne, demy-escus et fleurains” (Ibid.).

⁹ “Ce à quoi ledit compaignon s’accorda et, de fait, les grava. Et depuis les bailla audit maistre Estienne et ne sceut ledit suppliant qu’il en fist lors” (Ibid.).

¹⁰ “Et, ung an apres ou environ, ledit maistre Estienne s’en alla dudit lieu en Provence dont il estoit. Lequel, pour ce qu’il estoit et se repputoit amy dudit suppliant, laissa à son departement à icelluy suppliant aucune de ses besoingnes en garde, entre lesquelles estoient lesdits pilles et trousseaux” (Ibid.).

¹¹ Подобное наказание фальшивомонетчиков являлось, насколько можно судить, традиционным во Французском королевстве еще с конца XIII в. Одно из самых ранних упоминаний подобной казни содержалось в «Кутюмах Бовези», составленных Филиппом де Бомануаром в 1279–1283 гг.: “Toutes teus manieres de faus monoiers doivent ester pendu et ont forfet le leur... et, avant qu’on les pende, bouli” (*Beaumanoir Ph., de. Coutumes de Beauvaisis* / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899–1900. Т. 1. P. 431–432. § 835). Та же правовая норма приводилась в авторитетнейшей «Деревенской сумме» Жана Бутейе 1393–1396 гг.: “Ceux qui falsifient les monnoyes du Roy, ou qui contrefont et falsifient les marques de sa Majesté sont aussi punis de mort... de la peine de suffoquer ou bouillir en eaue et huile les faux monnoyeurs” (*Bouteiller J. Somme rural, ou Le Grand Coustumier general de pratique civil et canon* / Ed. par L. Charondas Le Caron. P., 1611. P. 180). Подробнее о данном типе наказаний см.: *Тогоева О.И.* Между текстом и миниатюрой: наказание фальшивомонетчиков в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187) // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой / Под ред. О.И. Тогоевой и Г.А. Поповой: <http://history.jes.su/s207987840001890-8-1>.

св. Варвары, а также других святых рая, коим он препоручил [свою судьбу], он выбирался два раза наружу»¹². Тем не менее, палач при помощи вил вновь и вновь заталкивал Луи в котел, подбадриваемый криками местного прево: «Убей его! Убей его!». Толпа собравшихся поглазеть на экзекуцию жителей Лоша начала возмущаться подобным поведением судебных чиновников: зрители требовали помиловать несчастного ювелира, чудесным образом столь долго избегавшего смерти в кипятке. Дело кончилось потасовкой, в ходе которой палач оказался убит, а Секретен – извлечен из котла и отвезен в надежное место, где он поправил здоровье, после чего безотлагательно обратился к королю с письмом о помиловании, которое и было ему сразу же даровано¹³.

Столь неожиданная развязка нашего сюжета сама по себе уже вызывает огромный интерес. Ведь за совершение именно этого уголовного преступления – изготовление и распространение поддельных монет – Луи Секретен никак не мог получить официальное прощение.

На протяжении всего Средневековья власти Французского королевства рассматривали деятельность фальшивомонетчиков как сугубо незаконную и призывали всячески преследовать и наказывать их¹⁴. Уже в самых первых из дошедших до нас ордонансов данное правонарушение именовалось «королевским делом», т.е. подпадающим под исключительную юрисдикцию ко-

---

¹² “Ledit suppliant a esté baillé à l’executeur de la haulte justice le quel pour l’executer l’a lié et l’a mis en la chaudiere pour le bouillir, en ensuivant la sentence. A laquelle chaudiere, par l’intercession de Monseigneur Saint-Gracien et Madame Sainte-Barbe et aultres saints de Paradis ausquels s’estoit voué, sortit par deux fois ledit suppliant jusques sur le bord de ladite chaudiere” (JJ 219. Fol. 31. № 50).

¹³ Прощение получил также один из участников убийства палача Лоша. Именно из его письма о помиловании мы узнаем о том, что произошло на месте несостоявшейся казни Луи Секретена: JJ 219. Fol. 1. № 1 (a. 1487).

¹⁴ Впервые, насколько можно судить по дошедшим до нас материалам королевского законодательства, незаконная чеканка королевских монет и их сознательная порча упоминались в указе Людовика IX Святого от 1262 г. Здесь подобные действия рассматривались как уголовное преступление, за которое виновных следовало наказывать не только конфискацией имущества, но и «физически»: “Nuls ne puisse recourir, ne trebuchier la monnoie le Roy sus paine de corps et d’avoir” (Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723–1849. Т. 1. P. 94).

ролевских судов¹⁵ и расследующимся с использованием инквизиционной процедуры¹⁶. Бесчисленное количество издаваемых в XIII–XIV вв. от имени французских правителей указов, посвященных незаконному обороту в стране денежных средств, свидетельствовало, тем не менее, не столько об исключительном внимании властей к этому вопросу, сколько об их неспособности изменить существующую ситуацию. Крайне незначительное число упоминаний таких дел в регистрах судебной практики, представляющих собой по сути лишь декларативные заявления о необходимости уголовного преследования изготовителей и распространителей подделок, являлось тому прямым подтверждением¹⁷. Если за 1299–1355 гг. в архивах Парижского парламента сохранилось 26 дел, связанных с деятельностью фальшивомонетчиков, то за вторую половину XIV в. в них нет ни одной подобной записи¹⁸.

Однако в первой половине XV в., после установления длительного перемирия с Англией в ходе Столетней войны¹⁹, проблема оборота фальшивых денег, как свидетельствуют ордонансы и материалы судебной практики, превратилась в одну из основных для французских королевских чиновников. Они обратили самое пристальное внимание на *потенциальных* преступников и сделали все возможное для прекращения их деятельности.

---

¹⁵ Данная норма распространялась и на те земли, где право высшей юрисдикции принадлежало Церкви: “Si aliqui falsam monetam expendant in terris, in quibus ipsi Praelati omnimodam altam et bassam justitiam habere noscuntur, non impediatis ipsos Praelatos, quominus debitam justitiam faciant de eisdem” (Ibid. T. 1. P. 343. 1302 г.)

¹⁶ “Et d’estre punis comme faussonniers, se il estoit seur ce convaincus par enqueste, ou par preuve souffisant” (Ibid. T. 1. P. 524. 1313 г.). Сводный список преступлений, подпадавших к концу XIV в. под определение «королевское дело», см. в: *Perrot E. Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1910. P. 327–328.*

¹⁷ Подробнее о преследовании фальшивомонетчиков во Французском королевстве на протяжении XIII–XV вв. см.: *Тогоева О.И. Уголовно наказуемый обман. Фальшивомонетчики и их судьбы в средневековой Франции // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 293–322.*

¹⁸ До некоторой степени данный феномен объяснялся сложной политической и экономической обстановкой, сложившейся в этот период в королевстве: *Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001. С. 199–260.*

¹⁹ По соглашению, заключенному в 1396 г. представителями Англии и Франции, перемирие должно было продлиться 28 лет: Там же. С. 255–258.

Указом Карла VI от 26 мая 1397 г. от судей потребовали проводить регулярные обыски в местах, где традиционно могли изготавливаться поддельные денежные средства (прежде всего, на монетных дворах и в конторах менял). Вместе с тем, при возникновении подобных подозрений надлежало разыскивать и опрашивать торговцев любых мастей, галантерейщиков, владельцев таверн и постоялых дворов, а также людей, у которых имелись запасы биллона²⁰, – т.е. всех тех, кто теоретически мог участвовать в обороте некачественной монеты, в чеканке подделок, в их закупке за границей²¹.

Иными словами, авторы ордонанса признавали исключительно *городской* характер данной деятельности. О том же свидетельствовали письма о помиловании, которые с середины XV в. начали довольно активно выдавать людям, обвиненным в занятиях фальшивомонетничеством. Из 50 таких писем, дошедших до нас от 1448–1467 гг., по подсчетам Лорана Фелле, в подавляющем числе случаев речь шла именно о городских жителях: разнорабочих, клириках, торговцах скотом, тканями, галантереей, маслом, стальными изделиями, трактирщиках, слугах из богатых домов, бывших солдатах, галантерейщиках и, конечно же, работниках монетных дворов и ювелирах²².

Осознание факта, что в данном преступлении может оказаться замешан буквально любой, в конце концов привело к принятию радикальных мер со стороны королевской власти. Вот почему 2 ноября 1475 г. от имени Людовика XI был опубликован ордонанс, в преамбуле которого сообщалось, что изготовление и распространение фальшивых монет направлено против «пользы для общественного блага» и «процветания» королевства²³. Подробно перечислив в тексте все существующие способы подделки денежных средств, авторы указа объявляли, что отныне ни одному человеку, к какому бы сословию он ни принадлежал и какие бы причины своего проступка ни приводил, не может

---

²⁰ Биллон представлял собой низкопробное серебро (с сильной примесью меди), шедшее на чеканку монеты: *Беляков А.С.* Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 81–146, здесь С. 128.

²¹ *Ordonnances des rois de France*. Т. 8. Р. 133–135.

²² *Feller L.* Faux-monnaieurs et fausses monnaies en France à la fin du Moyen Age (seconde moitié du XVe siècle). Р., 1986. Р. 147–158.

²³ “Le bien et utilité de la chose publique de nostredict royaume” (*Ordonnances des rois de France*. Т. 18. Р. 148).

быть даровано королевское прощение, если он оказался арестован и судим как фальшивомонетчик²⁴.

И все же в 1487 г. наш герой Луи Секретен получил помилование за изготовление поддельных монет. Помимо доброй репутации, которой, вероятно, пользовался ювелир среди жителей Лоша, являвшихся его постоянными клиентами, данное решение королевской канцелярии можно также объяснить некоторыми содержательными особенностями его прошения.

Секретен сделал основной упор на безусловно *чудесный* характер своего спасения от смерти. В его письме вообще не упоминалось об устроенной зрителями потасовке и убийстве палача: основное внимание было уделено покровительству, оказанному обвиняемому св. Грацианом и св. Варварой²⁵, не позволившим Луи свариться заживо в котле²⁶. Иными словами, наш герой апеллировал к давней и хорошо знакомой подданным Французского королевства неписаной правовой традиции, согласно которой любой инцидент, произошедший на месте казни (например, внезапно пришедшие в негодность во время экзекуции веревки и лестницы или заявление юной девушки, пожелавшей взять в мужья человека, приговоренного к смерти), рассматривался как истинное чудо, как вмешательство Свыше, как прямое указание на невиновность осужденного, которого следовало немедленно освободить от наказания²⁷.

---

²⁴ “Avons voulu, ordonné et declairé... que d’ores en avant, pour quelque priere, requeste ne supplication...par quelques personnes que ce soyent... nous ne leur donnerons aucune abolition ou pardon” (Ibid. P. 149).

²⁵ Согласно легенде, св. Грациан (Гатиан) являлся основателем епископской кафедры в Туре, одним из первых проповедников христианства в Галлии, посланным туда папой римским Фабианом (III в. н.э.). Коротко о нем упоминал Григорий Турский: *Григорий Турский*. История франков. М., 1987. Гл. 1. § 30. Город Лош, в котором проживал Луи Секретен, относился в XV в. как раз к диоцезу Тура. Святая Варвара Илиопольская († 304) почиталась католической церковью как великомученица и защитница от внезапной и насильственной смерти, в том числе – от смерти на казни, не предусматривавшей покаяния и причастия. Эти ассоциации и были использованы нашим героем в его прошении о помиловании.

²⁶ См. прим. 13.

²⁷ Подробнее об этой традиции см.: *Тогоева О.И.* «Свадьба под виселицей». К вопросу о функционировании неписаной правовой традиции в средневековой Франции // *Средние века*. М., 2015. Вып. 76 (3–4). С. 376–391; *Она же. Liberatus a suspensio: судебная практика vs. литературный сюжет* // *Казус. Индиви-*

Возможно, к этой же традиции апеллировали и жители Лоша, собравшиеся попристутствовать на казни Луи Секретена, но в результате буквально вынужденные вмешаться в ход процесса. Возможно также, что теми же соображениями руководствовались и чиновники королевской канцелярии, принявшие к рассмотрению прошение незадачливого ювелира и давшие ему ход.

***

Впрочем, казус Луи Секретена вызывает интерес не только с точки зрения истории средневекового права. Не менее любопытен он и с точки зрения *социальной* истории, поскольку дает нам возможность увидеть особенности положения фальшивомонетчика в средневековом обществе и прежде всего – в городском социуме. В этой истории – как в капле воды – отразились те связи, которые подобный человек устанавливал с коллегами и потенциальными клиентами, тонкости организации его преступной деятельности, скрывавшейся за в высшей степени легальным и достойным ремеслом, отношения, выстраиваемые им с властями предрешающими...

В круг общения нашего героя входили самые различные персонажи, начиная с весьма, надо полагать, обеспеченного мэтра Этьена, состоявшего на службе у сеньора Лоша, и заканчивая местными мелкими торговцами, которые попадали в затруднительные ситуации и которым Секретен, по его собственным словам, пытался помочь, обеспечивая фальшивыми монетами. В его письме о помиловании упоминался, в частности, некий Герпен, продавший своему контрагенту стадо баранов, которые умерли прежде, чем попали к новому владельцу. Этот последний, естественно, потребовал от Герпена возмещения убытков, а поскольку платить было нечем, горе-торговец обратился за помощью к другу-ювелиру, который снабдил его «десятью или двенадцатью» золотыми экю, не предупредив, правда, что они – поддельные²⁸.

дуальное и уникальное в истории – 2017 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 12. М., 2017. С. 169–184.

²⁸ “Gerpin vint par devant ledit suppliant et lui dist qu’il avoit achapté de la merchandise qui l’avoit villainement trouvé pour ce qu’il luy vendit des moutons qui estoient morts avant qu’il les luy livrast. Par quoy il estoit en debit envers luy et, pour ce, luy prioit qu’il vouloist faire desdits escuz dix ou douze afin d’en bailler audit marchand” (JJ 219. Fol. 31. № 50).

Впрочем, и отношения Секретена с мэтром Этьеном, как представляется, были значительно более тесными, нежели попытался представить в своем прошении на имя короля сам ювелир. Не случайно, уезжая из Лоша, миниатюрист оставил часть имущества в доме своего друга (*amy*) Луи. Думается, столь же неслучайным было и обращение Этьена в мастерскую Секретена с просьбой изготовить фальшивые экю и флорины. Вероятно, друзья являлись сообщниками, и, если так, их преступная деятельность охватывала не только торговые слои Лоша, но распространялась и на городской замок, на приближенных местного сеньора, а, возможно, и на него самого.

Группа сообщников Луи Секретена являлась, таким образом, не слишком многочисленной. Помимо него самого и мэтра Этьена в нее входил только помощник ювелира, перебравшийся в Лош из Парижа. Впрочем, нашему герою большего и не требовалось: его основное ремесло не только создавало прекрасную ширму для сокрытия незаконной деятельности, но и давало все необходимые для нее материалы и инструменты. Недаром и в королевских ордонансах, и в записях уголовных процессов золотых и серебряных дел мастера фигурировали в числе основных подозреваемых, когда речь заходила об изготовлении фальшивых монет. Именно они чаще всего выступали *организаторами* преступных банд, членами которых становились их подручные, компаньоны и даже члены их семей.

Так, например, в 1353–1354 гг. в Парижском парламенте рассматривалось дело организованной группы преступников, занимавшихся изготовлением фальшивых флоринов на королевском монетном дворе в Сен-Ло. В ее состав входили золотых и серебряных дел мастер, хранитель монетного двора, лейтенант мэтра монетного двора, два лейтенанта местного суда и судебный клерк²⁹. В 1390 г. в королевской тюрьме Шатле был вынесен смертный приговор по делу золотых и серебряных дел мастера Жана Жуи, который вместе с Робине Ле Кошуа, еще одним ювелиром, организовал производство поддельных бланов-денье в Гарфлёре. В их противозаконный промысел оказались также вовлечены жена Робине Жанна, а также некая Алипс Николь,

---

²⁹ Archives Nationales de France. Série X – Parlement de Paris. Série X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 6. Fol. 170v–177.

супруга местного менялы, у которой сообщники закупали необходимый им биллон³⁰.

Местом действия подобных банд – и местом распространения их продукции – становились в основном города, где располагались сами мастерские и куда прибывали главные потенциальные клиенты фальшивомонетчиков – крупные и мелкие торговцы, также (сознательно или неосознанно) включавшиеся в эту преступную социальную сеть.

Впрочем, и сами эти торговцы вполне могли превратиться в организаторов банды фальшивомонетчиков, особенно если речь шла о ввозе поддельных денежных средств на территорию Французского королевства из сопредельных стран. Одним из признанных и хорошо известных европейцам мест изготовления подобных фальшивок являлся Маастрихт. Согласно имеющимся в нашем распоряжении письмам о помиловании, мастерская в этом городе функционировала более 20 лет³¹. Такое же «ателье» располагалось и в Льеже. Именно здесь предпочитали закупать поддельные монеты члены банды Гийома Ле Марешаля, торговца галантереей, привлечшего к своей преступной деятельности по крайней мере еще 11 человек³².

Банда Ле Марешаля действовала во Франции примерно с 1448 по 1456 г. Далеко не все ее члены были знакомы друг с другом, однако все они занимались одним и тем же обманным «ремеслом»: совершали регулярные поездки в Льеж³³, где «чеканились монеты, похожие на те, что производятся в нашем королевстве»³⁴, закупали эти подделки, ввозили их на территорию

---

³⁰ Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861–1864. Т. 1. P. 480–494.

³¹ Первое упоминание о мастерской в Маастрихте относилось к 1445 г. (JJ 179. Fol. 102. № 183), последнее – к 1468 г. (JJ 194. Fol. 164. № 288).

³² Столько участников банды упоминалось по именам в 5 письмах о помиловании, выданных королевской канцелярией в 1456–1461 гг. по данному делу: JJ 183. Fol. 180. № 224 (a. 1456); JJ 187. Fol. 186 (a. 1458); JJ 192. Fol. 16. № 22 (a. 1459); JJ 192. Fol. 8. № 13 (a. 1459); JJ 192. Fol. 24. № 32 (a. 1461).

³³ “Il a esté en querir et achapter seul et en compagnie audit pais de Liege et ailleurs hors nostre dit Royaume” (JJ 192. Fol. 24. № 32, письмо о помиловании, выданное Гийому Ле Барбье, торговцу галантереей).

³⁴ “Audit Traict en Alemaigne l’on forgeoit monnoie semblable à celle de nostre royaume” (Ibid.).

Франции и пускали в оборот на городских рынках и ярмарках³⁵. У некоторых членов банды имелись также местные заказчики и даже «спонсоры». Так, проживавшие в Алансоне священники Николя Тромган и Гийом Монбриссе субсидировали деятельность одного из сообщников Гийома Ле Марешаля, галантерейщика Люки Фортена³⁶. Они являлись его вкладчиками (*parçonniers*), предоставляя в распоряжение своего компаньона средства в подлинной монете, необходимые для закупки фальшивок, и получали процент с каждой удачно проведенной в их родном городе операции. Таким же образом Люка Фортен обслуживал другого своего клиента – Гийома де Бофиса, торговца скотом, проживавшего постоянно в Мэне³⁷.

В том же самом Мэне и его окрестностях в 1460–1463 гг. действовала еще одна группа фальшивомонетчиков, во главе которой стоял местный торговец Мишель Лоне³⁸. В отличие от Гийома Ле Марешаля и его сообщников, он закупал поддельные монеты исключительно в Маастрихте, действуя на свой страх и риск и распоряжаясь лишь собственными средствами. Тем не менее, распространением «товара» сам Лоне не занимался: в городе у него имелся посредник – Гийома де ла Эк, который не выезжал за пределы Мэна, но получал от своего напарника фальшивые монеты и снабжал ими местных жителей³⁹.

Еще более оригинальную организацию труда демонстрирует нам дело клирика Жана Душе, родом из Канапвиля, получившего королевское прощение в 1467 г.⁴⁰ Начиная с 1463 г. он также совершал регулярные поездки в Маастрихт, однако сам, строго говоря, фальшивомонетчиком не являлся, поскольку состоял *на службе* у некоего Жана де Франса и за свою работу получал от

---

³⁵ “Laquelle faulce monnaye ledit suppliant debita et plaça en nostre Royaume, en fit usaige et necessité et bailla, vendist et distribua à plusieurs merchants” (JJ 192. Fol. 16. № 22, письмо о помиловании, выданное Колену Готье, торговцу галантереей).

³⁶ JJ 192. Fol. 8. № 13 (письмо о помиловании, выданное Люке Фортену).

³⁷ JJ 183. Fol. 180. № 224 (письмо о помиловании, выданное Перрену Реньо).

³⁸ JJ 194. Fol. 125. № 288 (a. 1463).

³⁹ В прошении о помиловании де ла Эк, тем не менее, полностью отрицал свою вину, перекладывая всю ответственность за совершенные преступления на Мишеля Лоне: “Parce que ledit suppliant ne se y cognoissoit pour les distribuer, ledit Michel Launay les bailla, vendit et distribua à plusieurs personnes ainsi que bon lui sembla aux uns plus aux autres moins” (JJ 194. Fol. 85. № 154, a. 1469).

⁴⁰ JJ 200. Fol. 102. № 192 (a. 1467).

хозяина фиксированную заработную плату⁴¹. Всеми операциями по введению в оборот доставленных таким образом монет занимался лично де Франс, который не выезжал за пределы родного города.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о том, кем был этот фальшивомонетчик в «обычной» жизни и каким именно ремеслом он прикрывал свою преступную деятельность. Однако в нашем распоряжении имеется по крайней мере одно письмо о помиловании, речь в котором шла о таком же профессиональном перекупщике, чья официальная должность заставляет обратить на него особое внимание.

Звали этого обманщика Жан Жандрю, и проживал он в городке Туар в Пуату⁴². В 1448 г. он получил королевское прощение за скупку и последующее распространение среди местных жителей фальшивых монет, которые ему поставлял его постоянный контрагент Фремен Гуанье, привозивший их из Льежа (*païs de Liege*). От упоминавшихся ранее французских средневековых фальшивомонетчиков Жандрю отличал исключительно высокий социальный статус. Как отмечалось в его письме о помиловании, он являлся «человеком, [ведущим] достойную жизнь, [имеющим] добрую репутацию, всю жизнь занимающимся торговлей и разовыми меновыми операциями». Жандрю указывал также, что был женат, имел нескольких детей и ни в чем никогда ранее не подозревался⁴³. Более того, он вызывал столь беспредельное доверие у окружающих, что Антуан Вуси, королевский сборщик налогов в Пуату, назначил его своим представителем в Туаре и его окрестностях⁴⁴.

Таким образом, Жан Жандрю превратился в фискального чиновника, что, вероятно, и позволило ему вкладывать крупные суммы денег в покупку фальшивых монет и наживаться на этих

---

⁴¹ “Il est vray que ung appellé Jehan de France m’a chargé de faire un voiaige au pais d’Almaigne pour lui aler querir de la monnoye de mailles et m’a dit que pour mon voiaige il me donnera bon prix et que j’y aurai grant aquest” (Ibid.).

⁴² JJ 179. Fol. 102. № 183 (a. 1448).

⁴³ “Homme de bonne vie et renommée et qui tout son temps a usé de fait de marchandise et aucune foiz de fait de change, pour soudenir la vie et estat de lui, sa femme et enfans, en quoy et en toutes autres choses il s’est bien et deument gouverné” (Ibid.).

⁴⁴ “Telement que pour la bonne renommée de lui nostre bien aimé Anthoin Vousy, receveur de nos aide en Poitou et des tailles mises sus, tant pour nos affaires comme pour le paiement des gens d’armes logiez audit païs l’a ordonné et fait son commis au païs de Thouarçois” (Ibid.).

операциях. Впрочем, в письме на имя короля свою преступную деятельность обманщик оправдывал вовсе не собственными нуждами. Основной упор он делал на бедственном положении жителей Туара, уже давно испытывавших недостаток наличных средств, особенно в мелкой разменной монете, так что «несчастные люди не могли купить себе ни горчицы, ни свечей, ни других необходимых им вещей»⁴⁵. Так что поддельные монеты были якобы нужны Жану Жандрю исключительно для помощи своим согражданам⁴⁶.

Подобным же тяжелым имущественным положением – впрочем, на сей раз лишь собственной семьи – оправдывал свою преступную деятельность и другой известный нам фальшивомонетчик, Пьер Жиро, торговец из Пуатье⁴⁷. Он, однако, не прибегал ни к помощи золотых и серебряных дел мастеров, ни к помощи перекупщиков. Будучи по совместительству алхимиком, Жиро в один прекрасный день сам занялся изготовлением серебра, из которого заказал в Ангулеме кубки и ложки. Посуда эта являлась поддельной, поскольку не имела клейма ювелира. Тем не менее, обманщику удалось сбыть ее с рук при помощи своего зятя, Жана Гийонне, который не подозревал об истинном происхождении данного товара. Когда же подделка оказалась раскрыта, Пьер Жиро пустился в бег, оставив родственника в одиночку отвечать перед законом.

Гийонне удалось доказать свою непричастность к изготовлению фальшивых серебряных слитков, однако через какое-то время к нему явились трое людей, искавших, по их словам, его сбежавшего тестя. Жан охотно принял гостей – мэтра Луи Галлана, Гидье Реньо и Пьера Мартена – которые признались своему хозяину, что так же, как и Пьер Жиро, занимаются алхими-

---

⁴⁵ “On ne pouvoit bonnement finer de change, obstant que bien longtemps paravent on n’avoit en noz monnayes forgié doubles mailles deniers ne autre menu change et en avoit le peuple grant disette ou souffrance car souventes fois les povres gens envoyent querir mailles de moustarde, de chandelle ou autres petites choses à eulx necessaires qui n’ont de quoy plus largement en acheter” (Ibid.).

⁴⁶ “Et par ce aussi que l’on a aucunement accoustumé de user desdictes mailles en fait de change au pais, il ne cuidoit en rien mesprendre” (Ibid.).

⁴⁷ “Comme sont pauvres gens qui sont chargez de mesnaige, [il desirait] à prouffiter pour la substantation et aliment de son mesnaige” (JJ 198. Fol. 371v. № 409, a. 1462).

ей⁴⁸. Они предложили Жану Гийонне научить его изготавливать серебро в обмен на еду и кров⁴⁹. Согласившись поначалу, молодой человек, однако, вскоре понял, что все операции, которые производили в его доме пришлые алхимики, являются «всего лишь преступлением и обманом»⁵⁰. Он прогнал своих гостей прочь, однако они, желая отомстить, оговорили его перед властями города как главного организатора их банды фальшивомонетчиков. Жан оказался арестован и приговорен к смерти, однако смог обратиться в королевскую канцелярию за помилованием, которое и было ему без особого промедления даровано.

При помощи алхимии пытался обогатиться и другой житель Пуатье, Тома Жаладо, являвшийся, в отличие от Пьера Жиро и Жана Гийонне, не простым торговцем, но местным чиновником: он занимал должность городского судьи и, следовательно, был вполне состоятельным человеком. Однако, имея некоторые долги и собираясь в скором времени жениться, Жаладо задумался о повышении своих доходов и поделился возникшей проблемой со знакомым монахом-францисканцем, братом Симоном⁵¹. Тот посоветовал добыть искомое при помощи алхимических опытов⁵², и два сообщника принялись за дело. К своей незаконной деятельности они привлекли двоюродного брата и племянника Тома, а также группу городских ремесленников, которые занялись изготовлением фальшивых монет из сплава серебра и меди. Сам Жаладо не участвовал в этом процессе: он лишь снабдил своих работников исходным материалом и обеспечил их мастерской, предоставив в их распоряжение собственный дом. Данное решение он аргументировал тем, что в жилище судьи Пуа-

---

⁴⁸ “Maistre Louis tira à part ledit suppliant à une fenestre et lui dist que ung nommé Girart, allemand, lui avoit dit qu’il avoit autrefois eu congnoissance avecques ledit Girault touchant le fait d’arquemie” (JJ 198. Fol. 421. № 470, a. 1462).

⁴⁹ “Il lui monstreroit à faire de cuivre fin argent à tous essaiz, examens et jugemens quelsconques” (Ibid.).

⁵⁰ “Ce n’estoit qu’abus et tromperie” (Ibid.).

⁵¹ “Il se complainit à ung nommé frere Simon, cordelier de l’observance de sa pauvreté et des debtes qu’il devoit” (JJ 198. Fol. 456v. № 512, a. 1463).

⁵² “Le cordelier lui dist qu’il luii conseileroit ou apprendroit a faire de l’argent d’arquemie dont il paieroit ses credituers et pourroit s’enrichir” (Ibid.).

ть никто не сможет прийти с обыском, в отличие от любого другого городского здания⁵³.

Тем не менее, деятельность его банды также оказалась раскрыта. Возможно, это произошло из-за крайне низкого качества производимой монеты, одной частью которой Тома Жаладо имел неосторожность расплатиться с долгами, а другую передал в дар собственной племяннице.

***

«Господу не угодно, чтобы [мы] совершали поступки, касающиеся общественного блага нашего королевства... так записаны в Священном Писании эти слова, и так сказал Господь иудеям: “Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу”»⁵⁴.

Таковыми словами пытался оправдаться перед королевской канцелярией Жан Гийонне в своем прошении о помиловании после ареста и осуждения за изготовление фальшивых монет. Учитывая особенности составления подобных документов⁵⁵, мы с легкостью поймем, что подобные замечания, как, впрочем, и ссылки на бедственное положение собственной семьи, нищету друзей и знакомых, неоплаченные долги, неудачные торговые операции являлись не более чем уловками. С их помощью французские средневековые фальшивомонетчики – да и многие другие уголовные преступники – пытались облегчить свою судьбу и избежать казни.

---

⁵³ “Le suppliant leur dist qu’ilz le povoient bien faire en sa maison mieux que en hostel de la ville et que pour ce qu’il estoit juge de la ville personne ne venoit en sa maison” (Ibid.).

⁵⁴ “A Dieu ne plaise qu’il fasse quelque chose qui nous touche ne le bien public de nostre royaume... il estoit escript en la Sainte Escriture ces mots et l’avoit dit Dieu aux Juifs: *Reditte que sunt Cesaris Cesari et que sunt Dei Deo*” (JJ 198. Fol. 421. № 470). Ср.: «Тогда говорит им: итак отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мат. 22: 21).

⁵⁵ Об особенностях составления писем о помиловании во Франции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени и, в частности, о присущем их авторам стремлении выставить просителя в самом выгодном для него свете см. подробнее: *Braun P. Le valeur documentaire des lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e Congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d’histoire jusqu’à 1610. P., 1984. T. 1. P. 207–221; Davis N.Z. Pour sauver sa vie. Les récits de pardon au XVIe siècle. P., 1988.*

Одно, впрочем, в этих текстах не подлежит ни малейшему сомнению. Правонарушения, связанные с изготовлением и распространением поддельных денежных средств, во Французском королевстве XV в. не просто существовали. Они происходили постоянно и повсеместно, и в них оказывались замешаны представители всех без исключения слоев населения: от местных сеньоров, фискальных чиновников и судей до самых мелких ремесленников и подмастерьев.

Социальные связи, которые создавали фальшивомонетчики – золотых и серебряных дел мастера, менялы, торговцы, алхимики, – пронизывали буквально весь городской социум. За ними почти невозможно было уследить, а избавиться от этих в высшей степени профессиональных обманщиков оказывалось и того сложнее. Вот почему не вызывает удивления столь жесткие формулировки ордонанса Людовика XI, отказывавшего в прощении любому человеку, замешанному в обороте некачественных монет. Вот почему судебное дело Луи Секретена, с анализа которого я начала свой рассказ, стало после 1475 г. единственным из известных нам уголовных процессов против фальшивомонетчиков, закончившимся помилованием обвиняемого...

КОННОТАЦИИ ЛЖИ И ПРАВДЫ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ ВЕЖЛИВОСТИ*

Что такое «вежливость» и каковы ее отношения с ложью и обманом? Часто данное понятие связывается с цивилизованным поведением, с европейским типом культуры Нового времени. Однако это – феномен, присущий всем обществам разных эпох и народов, поскольку без уважительного обращения людей между собой нарушается нормальная социальная коммуникация. Однако вежливость находит свое выражение в разных культурах неодинаковым образом, в том числе и в речи, что демонстрируют нам работы филологов, показывающие многообразие данных речевых кодов¹.

Национальные формы вежливости интенсивно исследуются антропологами, филологами, семиотиками. Но все мы знаем о них из собственной повседневной практики, встречаясь с представителями различных культур. Самый распространенный пример – улыбка, которая в американской действительности демонстрирует при встрече с незнакомыми людьми доброжелательность, а отнюдь не веселье, в то время как наши соотечественники полагают, что улыбка отражает радость и хорошее настроение, а «смех без причины – признак дурачины», поэтому улыбаться без повода чужому человеку означает проявлять фальшь. Русские не любят и не понимают американских улыбок, а американцы – российской угрюмости. Чтобы не возникало конфликтов, такие знаки поведения должны быть заранее прояснены.

С точки зрения истории трансфера форм вежливости из одной социальной среды в другую, чрезвычайно показательны в России время петровских реформ, когда царь-реформатор пытался привить своим подданным цивилизованные, с его точки

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ См. библиографию по данному вопросу: *Ларина Т.В.* Категории вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

зрения, манеры и закрепить их дальнейшее существование на российской почве.

Восприятие западноевропейского этикета в России XVIII столетия изучается обычно без опоры на предшествующий период. Это объясняется тем, что древнерусский этикет остается все еще «белым пятном» исторических изысканий. И все же без таких сравнений неизвестные феномены исследователями XVIII в. часто принимаются за новое явление. Впрочем, коды вежливого поведения, привнесенные в общество Петром Великим, действительно были исключительным новшеством, и он сам личным примером пытался их вводить в жизнь: «Та область, которая обычно отводится бессознательному, “естественному” поведению, сделалась сферой обучения»².

Петр I шокировал современников манерой обращения, нетипичной для российского царя. Ее истоки, видимо, восходили к юношескому общению наследника престола в Немецкой слободе, где обхождение отличалось от московских, но именно оно так нравилось Петру. Решение переменить этикетное поведение придворных и ввести так называемый «политес» он принял, по всей видимости, на волне личных впечатлений от посещения Франции в 1717 г. Царь попытался смоделировать схожее с пространственным в парижских салонах «дружеское» общение, вводя ассамблеи. На них предполагалось совместное (*assemble*) времяпрепровождение мужчин и женщин, людей разных чинов и национальностей, без оглядок на иерархию. Но именно *на иерархии социального положения* строилось все прежнее московское общение, оно же определяло коды вежливости.

Вместе с ассамблеями возникло и понятие «политес», которому следовало обучаться. Само слово «политес» (*politeness, politesse*) – латинская форма причастия прошедшего времени *politus*, означающее «отполированный». Так она употреблялась и в русском переводе: прожектер А.А. Курбатов писал, что Петр славен «во многом добром переполеровании всероссийского народа»³. «Переполерование» действительно началось через

---

² Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 248–268, здесь С. 249.

³ Курбатов А.А. Пункты о кабинет-коллегиуме // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1987. С. 53.

новые тенденции в воспитании юношества: из «неотесанных» людей делали «отполированных». Так, в «Юности честном зерцале» говорилось: «Отрок должен быть весьма учтив и вежлив как в словах, так и в делах». «Зерцало» так разъясняло «политес», которым должен овладеть юноша, чтобы быть принятым при дворе: «Младый шляхтич... ежели в экзерциции своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве, и может *доброй разговор учинить*, к тому ж *красноглаголив* и в книгах научен, оный может с такими досуги (достижения. – *О.К.*), [быть] прямым придворным человеком»⁴. В дальнейшем речь шла уже не только о придворном этикете, а о цивилизованном поведении в *любом* общественном месте – о, как тогда говорили, «людскости» (т.е. *civilité*). Воспитание при Петре стало синонимом обучению новым манерам поведения в обществе. Учившийся в Казанской гимназии Г.Р. Державин вспоминал, что обучение в ней «сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в общении»⁵. Это и было главной задачей обучения.

Таким образом, начиная с петровских времен возникло столкновение и сосуществование разных кодов вежливости: западных и традиционных отечественных. Бурно развивавшиеся контакты с иноземцами постоянно сопровождались конфликтными ситуациями даже при взаимном добром расположении партнеров из-за того, *что* одна сторона считала вежливым, а другая – неприемлемым. Изучение набора оскорбительных слов («инвектив»), которыми в пылу ссор обменивались жители Петербурга петровского времени⁶, показал, что русские и иноземцы оскорбляли друг друга при помощи разных по своей смысловой сущности высказываний и вкладывали в них различное значение. Это было обусловлено глубокими социокультурными

---

⁴ Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. СПб., 1717 (Факсимильное издание: М., 1990 г.). С. 13 (курсив мой. – *О.К.*). Далее страницы указываются в тексте статьи.

⁵ Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 8.

⁶ Кошелева О.Е. «Бесчестье словом» петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // Одиссей. Человек в истории – 2003. М., 2003. С. 140–169.

различиями. Логично предположить, что сходные различия существовали и в учтивом дискурсе.

Стремление Петра цивилизовать подданных дискредитировало основы их традиционного уклада, которое имело собственные смысловые доминанты. Поэтому просто маркировать его как «грубое» для исследований оказывается непродуктивным. Попробуем воссоздать, пусть даже и в неполной форме, основы древнерусского вежливого поведения с тем, чтобы увидеть разницу в понимании кодов учливой речи (как производной от вежливости вообще).

К сожалению, принципы такого типа поведения в допетровской Руси мало изучены. Дело в том, что формы вежливого (от слова «ведать», т.е. знать, как правильно себя вести) обращения с окружающими не обсуждались в древнерусских текстах, т.к. регулировались обычаем и воспринимались людьми как само собой разумеющееся. Подростки усваивали нормы вежливости на практике, наблюдая за отношениями взрослых людей.

Тексты же, наставлявшие отроков, исходили из монашеской среды и опирались исключительно на поучения Священного писания и предания. В древнерусских рукописях встречается текст под названием «Беседа Василия Великого с юными учениками» – это редкий пример поучения, в котором говорится именно о внешнем стиле поведения, и в первую очередь – о речевых практиках (которые я выделю здесь курсивом): «Василей... собра юныя и начаша: душевную чистоту имети и безстрастие телесное, ступание кротко, *глас умерен, слово благочинно*, пищу и питие немятежну, *при старейших – молчание*, пред мудрейших – послушание, к преимущим – повиновение, к равным себе и меньшим – любовь нелицемерную; от злых плотских и любоплотных отлучитесь; *мало вещати*, множайшая – разумевати, не *предержзовани слово*, не *избытословити беседу*, не дерзым бытии на смеху, стыдением украшати, женам нечистым не *беседовати*, долу зрение имать, горЕ (вверх. – О.К.) ж – душу. Бегати *супротивословия*, ... ничтож вменяти, еж от всех в части»⁷. Свою карьеру Василий Великий (329–379) начал как ритор, и, вероятно, у него и в более поздний период жизни интерес к слову и беседе остался неистребим. Тем не менее, все его советы юношам сводятся к тому, что им следует по-

---

⁷ Российская национальная библиотека. Q. I. N 225. Л. 413–413 об.

малкивать в разных жизненных ситуациях или быть крайне лаконичными при общении. Эта «Беседа» Василия Великого часто использовалась в разных компилятивных нравоучительных сочинениях. Например, в «Како подобает человеку бытии» сказано «Пред старьци молчание, пред мудрыми послушание, с точными (равными. – О.К.) любовь имети, с меньшими лубовьное совещание»⁸. Следует отметить и такие популярные тексты как поучения («Главы наказательные») Василия, царя греческого, сыну своему Льву⁹, и сборник афоризмов «Пчела», в которых проводилась мысль о том, что дела, а не слова украшают человека, и молчание гораздо предпочтительнее красноречия¹⁰.

В XVII в. появились первые попытки создать письменные наставления отрокам именно в светском поведении. Монахом Евфимием Чудовским († 1705) было написано «Созрение (обзор) христианского учения ради малых детей». О том, как следует отроку говорить, сообщалось в трех параграфах: «Язык воздержати», «Злого слова хранитися (остерегаться)», «Не многословить». Все наставления здесь были взяты из вышеуказанной традиционной литературы, и проблема вежливой речи отсутствовала как таковая, поскольку совет придерживаться молчания по-прежнему оставался главным и единственным. Но все же пришло время переломить «теорию молчания»: здесь же, в Чудовом монастыре, в 1670-х гг., была переведена книга Эразма Роттердамского *De civilitate morum puerilium*, или «Гражданство обычаев детских». В ней обсуждались все нюансы встречи подростка с разными людьми, когда он должен проявить свою вежливость (в русском переводе – «отдать честь», «оказать почесть»). Не все здесь, видимо, совпадало с представлениями русского человека о том, кому и как оказывать уважение. Эразм советовал «отдавать честь» практически всем: и незнакомому человеку на дороге, и язычнику, и своим сверстникам. Более всего достойны внимания родители и учителя, а начальники всех видов должны были получать почести в двойном размере. Разъяснялось, как надо вежливо смотреть на говорящего с тобой человека, каким голосом говорить и в каком темпе, какие жесты

---

⁸ Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / Составитель В.В. Колесов. М., 1989. С. 42.

⁹ Перевод с греческого из «Базилик» императора Льва VI, сделанный в 1479 г.

¹⁰ Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). С. 101, 319 и др.

использовать, как рассуждать о недостойных вещах и многое другое. «Гражданство» прочно вошло в русскую воспитательную книжность. М.К. Брагоне считает, что следующий перевод «Гражданства», сделанный И.В. Паусом около 1705 г., был использован в «Юности честном зерцале»¹¹, но применялись ли советы Эразма на практике, неизвестно.

Различные русские источники и наблюдения филологов показывают, что коммуникативные коды речевой вежливости допетровской Руси основывались на гораздо более жестких иерархических отношениях в обществе, чем это было принято в Западной Европе. Даже равные по положению персоны постоянно «считались», кто из них «выше», а кто – «ниже» честию. На этих «вычислениях» строились законы местничества, и ошибочно думать, что они были в одночасье отменены указом 1682 г. и забыты в XVIII в. Люди по-прежнему «мерились» друг с другом возрастом, чином, государевой милостью, предками, количеством крепостных душ и прочим. Тот, кто был «ниже», чувствовал «высшего», и это была вежливость, а не унижение, как ее стали понимать в уже «цивилизованном» обществе XIX в. Поэтому русский код вежливости называют «эгоцентрическим»¹², т.е. говорящий человек, стремясь быть вежливым, употреблял по отношению к себе самоуничижительные формулы. Так, люди, равные по положению, (например, князья и бояре) подписывались друг другу в письмах «Я, холоп твой...», а в обращении писали: «Тебе, такому-то, замечательному-презамечательному...». Этим подчеркивалась огромная дистанция между адресатом и адресуемым, хотя реально ее не существовало. Возможно предположить, что и в устной речи использовался такой же прием. К персоне честию ниже себя никакой вежливости не проявляли, она оказывалась «в бесчестье».

Итак, если русская вежливость была «эгоцентрична», то западная ориентировалась на партнера якобы равного себе, даже если он таковым не являлся. Ее целью было создание для визави комфортности в общении и исключало панибратство. Этот тип вежливости являлся, по словам С.Н. Зенкина, «кодексом благо-

---

¹¹ Брагоне М.К. Традиционное воспитание и новый этикет для молодежи Петровской эпохи // В России надо жить по книге. Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015. С. 72.

¹² Ларина Т. Указ. соч. С. 140.

желательности к ближнему»¹³. Русским людям, попадавшим в сферу подобного общения, оно казалось необычным. Приведу лишь два примера. Дипломат во Франции Андрей Матвеев в 1705 г. записывал для себя явления, показавшиеся ему удивительными: «Больше же всего тот порядок в том народе хвален есть, что дети их никакой косности, ни ожесточения от своих родителей, ни от учителей не имеют, но от доброго и остраго наказания словеснаго, паче нежели от побоев в прямой воли и смелости воспитываются и без всяких трудностей вышеозначенным своим обучаются наукам»¹⁴. Андрей Болотов, попав для обучения в немецкую семью, также почувствовал разительно иное уважительное отношение к себе и к другим младшим членам этой семьи. И в учении ему было «так хорошо, весело и приятно», что он вскоре позабыл родительский дом¹⁵. Такая реакция удивления при встрече с иным типом общения связана с тем, что в России дети считались низкой категорией людей, и никакой вежливости по отношению к ним просто не могло существовать.

Итак, русские в общении были прямолинейны, эмоциональны, считали очень важным говорить «правду в лицо», а самоуничижение являлось принятой формой вежливости. С точки зрения иноземцев, все это было неучтиво, русскими же поведение, основанное на правилах галантности, *politesse* и *civilité*, воспринималось как ложь, лицемерие и кривляние.

Вышедшее в 1717 г. из печати новое пособие светских правил поведения для юношества – «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» – являлось компиляцией каких-то иностранных учебных книг с российскими азбуками. Оно было составлено впопыхах, вероятно, Яковом Брюсом¹⁶. В «Зерцале» под одной обложкой

---

¹³ Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы). М., 2001. С. 54.

¹⁴ Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева) / Публ. И.С. Шарковой. Л., 1972. С. 197 (курсив мой. – О.К.).

¹⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 4 ч. СПб., 1870. Ч. 1. Письмо 9. С. 140.

¹⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2, 1862; Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. Ч. 1. СПб., 1902; Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725 гг. / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955.

оказались соединены из разных пособий разные по своему смыслу правила, имели место множественные повторы и нелогичные связки. Понять через них принципы западной вежливости было невозможно. В «Зерцале» много места отведено правилам речевой коммуникации, но они далеко уступают «Гражданству обычаев детских» в их логичности и простоте. Очень важным для составителя «Зерцала» являлось правильно говорить с благодетелем: «Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предлагать, подобно якобы им с каким иностранным высоким лицом говорить случилось, дабы они в том тако и обвыкли»¹⁷ (с. 4). Один из советов был направлен против привычного для русского этикета самоуничижения: «Никто себя сам много не хвали и не унижай (не стыди) и ни срамоти» (с. 7). Впрочем, далее автор все же упоминал, что самоуничижение оказывается порой необходимым: «Оныя, которые в иностранных землях не бывали... имеют перед всяким себя унижать и смирать, желая от всякого научиться...» (с. 21). Другой совет также шел вразрез с привычными представлениями о родовой чести: «Роду своего и прозвания без нужды не возвышай...». О том, что с этим не соглашались и в екатерининское время, свидетельствует ответ княгини Вертушкиной в одной из пьес Д.И. Фонвизина на вопрос: «Какую разницу находите Вы между дворянскою и княжескою пороною?». Совершенно в традиции русских местнических представлений княгиня отвечала: «Я нахожу, сударь, ту разницу, что князь более дворянина рачить (стараться. – *О.К.*) должен, чтобы ему никто не манкировал»¹⁸. «Приятность» для окружающих во время беседы осуществлялась, согласно «Зерцалу», не вербально, а чисто физически (не следовало плевать, сморкаться и т.д.).

За публикацией «Зерцала» последовала вереница переводных произведений о правилах вежливого обхождения: трактат «О беседе» аббата Бельгарда, «Новые немецкие и российские разговоры» Вегелена, «Детская философия» Болотова и другие. Однако никакие книжные правила не могли научить вежливости, особенно – западного типа. Для этого нужно было общение, «погружение» в другую культурную среду, что удавалось лишь

---

¹⁷ Юности честное зерцало.

¹⁸ Фонвизин Д. Выбор гувернера // Фонвизин Д. Недоросль. Избранные произведения. СПб., 2008. С. 232.

немногим «через обходительство с другими людьми»¹⁹, через обучение иностранным языкам.

Подражание западным манерам обхождения, безусловно, вошло в обиход ко второй половине XVIII в., многие иностранцы свидетельствуют о значительной европеизации русского двора. Однако и давние отечественные коды вежливости продолжали действовать и использоваться в зависимости от ситуации. Ко времени Екатерины II уже «переполитованное» российское общество начало осуждать те манеры светского поведения, которые вводились при Петре, сравнивая их с русскими, старинными, объявлявшиеся уже не «грубыми», а более богоугодными, честными и правдивыми. Осуждение галантного поведения, впрочем, не было свойственно исключительно русскому обществу. Как пишет С.Н. Зенкин, «уже в “классическую” эпоху стала обсуждаться проблема неравноправного, несимметричного, извращенно-корыстного применения изящных манер – проблема *лести*. То было внутреннее противоречие доктрины светской учтивости, в идеале направленной на взаимное удовольствие участников светского общения»²⁰.

Действительно, в России одной из самых популярных тем (например, в журнальных статьях морализаторского характера) стало осуждение лести²¹ и «ласкательства». Именно так теперь оценивали манеры в духе западной вежливости, допускавшие элементы неискренности для приятного расположения духа собеседника. Галантное поведение, предполагавшее множество комплиментов и приятных для дам разговоров, осваивалось с большим трудом и чаще осуждалось, чем приветствовалось именно как поведение лживое, фальшивое. Д. Фонвизин зафиксировал эту тягу к галантному мужскому поведению у той же княгини Вертушкиной, к которой относился весьма критически. Княгиня говорит об учителе Нельстецове (!): «Верно, какой-

---

¹⁹ Стародум рассказывает свою историю: «...молодой граф...воспитан в большом свете и имел особенный случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания» (Фонвизин Д. Недоросль // Там же. С. 161–162).

²⁰ Зенкин С.Н. Указ. соч. С. 54.

²¹ Слово «лесть» в древнерусском языке было синонимично слову «обман».

нибудь грубиян». Сеум ей отвечает: «Неужели тот грубит, кто не льстит?». Княгиня поясняет: «Почти так»²².

Неискренней вежливости противопоставлялась российская любовь к «истинной правде» и «искренности», которую следовало говорить от души и от сердца (вне зависимости от того, насколько она была неприятна для собеседника). Герой пьесы Фонвизина Правдин рассказывает о своем друге Стародуме так: «Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил “да”, когда душа его чувствовала “нет”»²³. Так, стали восхвалять в противовес западному «старинное» и даже «петровское» воспитание, в духе которого якобы был воспитан Стародум. Таким образом, в екатерининское время сформировалась новая парадигма в воспитании вежливости, которая апеллировала уже не столько к западным, сколько к старо отеческим традициям. Говорить в лицо неприятные собеседнику вещи («Вы плохо выглядите», «Ваша одежда не в порядке» и прочее) не считалось (и не считается по сей день) невежливым, потому, что это – правда, которая является наивысшей ценностью в российском обществе.

---

²² Фонвизин Д. Выбор гувернера. С. 227.

²³ Там же. С. 154.

Глава 12

ОБМАН ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ТОРГОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ*

Что делать, если человек обманывает? Каждый из нас оказывался в ситуации, в которой он «не знал», «забыл», «не заметил» или же слышал оправдания такого рода от окружающих. Определить истинность подобных слов невозможно, нередко сам говорящий не знает ответа на этот вопрос, но в любом случае у слушателя остается возможность поверить объяснениям или нет. А как быть, если все, что мы имеем, – текст документа? Если мы читаем объяснения тех, кого давно нет в живых?

Данная публикация посвящена, вероятно, наиболее распространенному виду обмана, своеобразному «валянию дурака», который предполагал не только ложь, направленную на достижение своих целей, но и попытку оправдаться, чтобы избежать наказания. Обман такого рода трудно выявить, что дает его «автору» возможность для широкого спектра манипуляций. Здесь подобный обман рассматривается на материалах прошений торговцев Енисейской губернии пореформенного периода, которые стремились оправдать отсутствие у себя необходимых документов или же наличие более дешевых бумаг, чем это следовало, что означало неуплату или меньший платеж налога в казну. В подобных случаях исследователь видит ситуацию, в которой тот или иной человек, вероятно, обманывал государство, но также ему доступны и аргументы торговца в свою защиту.

Американский антрополог Дж. Скотт определял уклонение от уплаты налогов как «оружие слабых», как «обыденное сопротивление», при котором слабые социальные группы, не имевшие возможности изменить законы, могли исполнять их так, что конечный результат не достигал цели законодателя¹. В известном

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00154-ОГН.

¹ Scott J. C. Everyday Forms of Resistance // *Everyday Forms of Peasants Resistance*. N.Y.; L., 1989. P. 3–33. См. перевод: *Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ежегодник. 1996. С. 26–59.*

примере Дж. Скотта крестьяне Малайзии не выступали против исламской десятины и даже уплачивали ее, находя при этом способы сократить платежи в несколько раз. Схожие процессы уклонения от платежей можно увидеть и среди сибирских торговцев.

Процесс получения торговых документов в Российской империи в значительной степени основывался на доверии, т.к. торговец самостоятельно определял, каким именно родом торговли он будет заниматься, и на основе своего решения брал соответствующие бумаги. Именно от выбора предпринимателя зависело, каким его «увидит» государство, какие требования станет к нему предъявлять и какие суммы налога необходимо будет заплатить (см. табл. 1 и 2). По словам историка А.Г. Киселева, выборка промысловых и иных необходимых документов была «важным шагом на пути рационализации сознания и поведения человека, превращавшегося в “человека экономического”»².

Согласно Положению о сборах за право торговли и других промыслов (1863 и 1865 гг.) и закреплялся заявительный порядок получения торговых документов. Тот или иной предприниматель ежегодно сам определял, какой гильдии, а с 1898 г. разряду, соответствует его деятельность или заведение, и уплачивал соответствующие суммы за свидетельство (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Стоимость свидетельств на право торговли и промыслов в городах Российской империи по Положению о сборах за право торговли и других промыслов 1865 г. (в руб.)³

	Класс местности				
	I	II	III	IV	V
1 гильдия	265				
2 гильдия	65	55	45	35	25
Мелочный торг	20	18	15	10	8

²Киселев А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автор.дис. д.и.н. Омск, 2011. С. 15–16.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). II. Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г. Штаты и табели. Ст. 56.

Таблица 2

Размер государственного промыслового налога в Российской империи по Положению о государственном промысловом налоге 1898 г. (в руб.)⁴

			Класс местности		
	Столицы	I	II	III	IV
I разряд			500		
II разряд	150	125	100	75	50
III разряд	30	25	20	15	10
IV разряд	12	10	8	6	4
V разряд: развозной торг			20		
V разряд: разносной торг			6		

Обращает на себя внимание существенная разница между стоимостью свидетельств первой гильдии, а затем разряда (она была едина на всей территории Российской империи), и торговых документов остальных категорий. Она становилась тем более существенной, чем менее развитым был населенный пункт, в котором велась торговля. Так, в Енисейской губернии в 1865 г. Красноярск относился к местности 3-го класса, Енисейск – 4-го, Канск, Ачинск и Минусинск – 5-го класса; в 1898 г. Красноярск также относился к местности 3 класса, а остальные города губернии – к 4-му. В результате для ряда городов разница в стоимости свидетельств 1-й и 2-й гильдии, или 1-го и 2-го разрядов, составляла 10 раз.

По Положению о сборах за право торговли и других промыслов помимо самого свидетельства торгующий должен был иметь билет на каждое заведение, поэтому при получении свидетельства следовало взять как минимум один билет, кроме особых случаев⁵. Билеты на торговлю должны были соответствовать свидетельствам, т.е. купцу 1-й гильдии нельзя было брать билет на мелочный торг, т.к. «купцы могут производить и мелочную торговлю в больших размерах, чем собственно мелочные торговцы, следовательно, мелочная торговля утратила бы свой-

⁴ ПСЗ РИ. III. Т. 18. № 15601. 8 июня 1898 г. Штаты и табели. Ст. 217.

⁵ ПСЗ РИ. II. Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г. Ст. 16.

ственный ей характер и превратилась бы в розничную»⁶. В том случае, если торговое заведение имело несколько входов, то количество билетов должно было быть равно их числу⁷.

Полученные билеты следовало вывешивать в лавках на видном месте⁸, что давало возможность каждому желающему убедиться в том, что торговля производится на законных основаниях. В свою очередь, правильность выборки торговых документов и уплаченных налогов и сборов проверялась в ходе ежегодных генеральных проверок торговли и промыслов, а также при текущем контроле.

Тем не менее, практика показывала, что далеко не все торгующие обладали необходимыми документами⁹. По словам современника событий, «генеральная ревизия торгово-промышленных заведений, произведенная в 1882 г. в Енисейском и Канском округах чиновником особых поручений Енисейской казенной палаты» показала, что «в Енисейске, например, из 359 человек, в руках которых сосредотачивалась торгово-промышленная деятельность города, около 100 человек торговало и промышленяло вовсе без всяких документов; многие запасались таковыми уже во время самой ревизии»¹⁰.

Распространены были и случаи выборки свидетельства более низкой категории. Так, авторы газеты «Енисей» отмечали, что в 1894 г. в Канске многие торговцы, которые должны уже были относиться к первой гильдии, все еще продолжали состоять во второй. Кроме того, многие владельцы заведений имели недостаточное количество билетов на них¹¹. В Минусинске в 1900 г. ни один торговец не выбирал свидетельство 1-го разряда, хотя многие производили смешанную торговлю (т.е. и оптом, и в розницу), разрешенную только по нему. В результате, по мне-

---

⁶ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Д. 1876. Л. 170.

⁷ ПСЗ РИ. II. Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г. Ст. 24.

⁸ Под угрозой штрафа в 10 руб. за неисполнение этого требования.

⁹ В данном случае рассматривается такая возможность только у тех, кто был обязан получать торговые документы, согласно законодательству. Лица, имевшие право торговать без торговых документов (например, крестьяне, торгующие продуктами и пр.), находятся вне поля зрения.

¹⁰ Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири. Томск, 1885. С. 138.

¹¹ Енисей. 1894. № 51. С. 3.

нию автора заметки, «складывалась ситуация, что и мелкий торговец, и крупный, получавший солидную прибыль – более 100 тысяч рублей в год, содержали свои предприятия по однородным свидетельствам второго разряда»¹². Действительно, данные статистических обзоров Енисейской губернии за первое десятилетие XX в. свидетельствуют о том, что самое раннее свидетельство на торговое заведение первого разряда было взято в Минусинске и его округе только в 1909 г.¹³ Также в этот период здесь не выбирались сословные купеческие свидетельства 1-й гильдии, но это не значит, что крупной, в том числе оптовой, торговли в городе не было. Вероятно, этому способствовала указанная выше разница в стоимости свидетельств. Отметим, что и Канск и Минусинск находились в самом низком классе местности.

Итак, существовали торговцы, которые не имели необходимых торговых документов, что можно интерпретировать как обман государства. Но каким образом они объясняли их отсутствие? Рассмотрим некоторые из возможных вариантов, обратившись к прошениям этих предпринимателей. Подавая жалобу, проситель стремился показать, что его права нарушены, и требовал восстановления справедливости. А что было справедливым для торговца?

Для Якова Каминера, к примеру, справедливым было не брать торговые документы на временную торговлю. На него был составлен протокол податного инспектора канского участка за торговлю на базаре г. Канска стеклянной и фарфоровой посудой без промыслового свидетельства третьего разряда, за что Енисейская казенная палата 16 августа 1907 г. назначила ему штраф в пять рублей и обязала получить необходимое свидетельство¹⁴. Почему же Каминер считал, что решение податного инспектора и казенной палаты несправедливо, и подал об этом жалобу в Енисейское губернское по промысловому налогу присутствие в феврале 1908 г.?

По его словам, «никакого торгового заведения, как выше сказано, я не имел, а производил лишь временную распродажу в базарные дни в барахольном ряду посуды (купленной им на торгах. – *Т.Я.*), где вообще жители распродают старые и ненужные им лишние»¹⁵ вещи. Кроме того, «посуды всей мной было куп-

---

¹² Енисей. 1900. № 32. С. 3.

¹³ Статистический обзор Енисейской губернии. 1902–1907, 1909–1912 гг.

¹⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 56. Д. 183. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 2.

лено на очень маленькую сумму 15 руб. и в день составления протокола 12 июля всей посуды оказалось всего лишь на 10 руб., следовательно, не было никакого основания брать на один день базара полугодовое промысловое свидетельство»¹⁶, т.к. его стоимость и выгода от продажи оказались несоизмеримы. Подобное мнение имело право на существование, но не соответствовало требованиям закона, поэтому аргументы Каминера не убедили присутствие, и его жалобу отклонили.

Минусинский мещанин Алексей Николаев Максимов (он же Воронин), торговавший мясом в Красноярске, объяснял, что «проживает он здесь без всякого письменного вида другой уже год, и производит торговлю без установленного торгового свидетельства, не считая нужным брать такового, по той причине, что таким порядком производят торговлю весьма многие»¹⁷. Иными словами, Максимов поступил «как все», не желая переплачивать. В связи с этим у пристава Протодиаконова, обнаружившего у торговца неверные весы и начавшего разбирательство, даже возник вопрос, на который он попросил разъяснения в городской думе: «Имеются ли какие либо со стороны оной наблюдения за правильностью производства в г. Красноярске торговли»¹⁸.

Таким образом, невзятие документов на право торговли объяснялось отсутствием необходимости их получать как в том случае, если предприниматель ошибочно посчитал свою деятельность не подлежащей обложению, так и если принял осознанное решение не платить, раз так поступают «весьма многие».

В случае обнаружения нарушения торговцы стремились сократить издержки на уплату штрафов и в целом представить свое нарушение менее серьезным. Например, на крестьянина Минусинского уезда из польских переселенцев Никифора Колосовского был наложен штраф за нарушение Положения о сборе за право торговли и других промыслов. В ходе проверки выяснилось, что Колосовский «в 1898 году отправил на барке в Енисейский уезд для продажи до 2300 пудов разного хлеба»¹⁹. Этот хлеб был куплен на базаре в селе Абаканском, а около 600 пудов было собрано им с собственных пашен. До отправки хлеб хра-

---

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁷ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 568. Л. 34–34 об.

¹⁸ Там же. Л. 34 об.–35.

¹⁹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 56. Д. 10. Л. 1 об.

нился на двух его амбарах (в них – три отделения), в амбаре крестьянина Пятых, а также временно складировался (после покупки на базаре) в амбаре крестьянина Коробейникова. «Торговых документов на 1898 г. Колосовский не выбирал; в прежние же годы (1895–1897 гг.) Колосовский также занимался скупом хлеба, но в каких именно размерах и выбирались ли им торговые документы выяснить не представилось возможным»²⁰. Итак, Колосовский не имел торговых документов на данные амбары – свидетельства 2-й гильдии и двух билетов к нему. За это ему нужно было заплатить 10 руб. штрафа, 60 руб. пошлины, 8 руб. в губернский земский сбор и 4 руб. 50 коп. в пособие государственному казначейству. Итого – 72 руб. 50 коп.²¹ «Обстоятельство же производства Колосовским торговли хлебом в 1895-1897 г., в виду невозможности установить положительных данных об этой торговле, оставлено без последствий»²².

По мнению Колосовского, такое решение было неправильным. Рассмотрим его аргументы. Торговец указывал, что отправка им 2300 пудов хлеба еще не означает, что весь хлеб был его собственностью. По его свидетельству, 1000 пудов принадлежала крестьянину Демиду Жарову, сам же Колосовский владел всего примерно 1300 пудами (600 со своих пашен и 700 купленных). И у него имелись свидетели, подтверждавшие это. Кроме того, хлеб занимал три отделения в двух амбарах, т.к. сушился, и в одном отделении он бы испортился²³. «Поэтому и в виду незначительной торговли, не превышающей 400 рублей, и неумышленного нарушения торговых правил, просит освободить его от штрафа десяти руб. и пошлин за свидетельство и два билета 2-й гильдии, назначив ему только взнос в казну пошлин за свидетельство намелочный торг на первую половину 1898 г., так как на второе полугодие им взято свидетельство за №577, которое представлено им при прошении; при этом Колосовский присовокупляет, что барка его с хлебом близ Атамановой была разбита о камень во время плаванья и что от этого несчастного случая он понес только одни убытки»²⁴.

---

²⁰ Там же. Л. 1 об.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 3.

Казенная палата не посчитала жалобу Колосовского заслуживающей внимания, т.к. акт был подписан им самим, а не сыном, как он написал о том в жалобе, утверждая, что молодой человек не знал, что барка принадлежит не ему одному, а еще и Жарову. Кроме того, на барке было 4000 пудов хлеба, в том числе купленного Колосовским – 2400 и 600 пудов с пашни, а только остальное являлась собственностью Жаркова²⁵. Свидетельства же крестьян не могли служить «основанием к отрицанию фактической стороны акта торгового надзора по сему делу»²⁶. Таким образом, в подобных случаях отсутствие торговых документов оправдывалось случайностью, незнанием ситуации тем или иным участником сделки.

Следующие эпизоды демонстрируют две диаметрально противоположные тактики объяснения отсутствия торговых документов.

Крестьянин Иван Семенович Дмитриев, торговавший в Красноярске только по субботам во время базара и по базарам в Красноярском уезде, использовал в качестве главного аргумента своей защиты незнание закона²⁷. Действительно, сложность торгового законодательства требовала специальных знаний. Даже податные инспектора и члены казенных палат пользовались специальными пособиями, и поэтому неудивительно, что торговцы обращались к чиновникам за соответствующими разъяснениями.

По словам Дмитриева, «не зная хорошо узаконений и правил, касающихся торгового права, я за разъяснениями обратился к Чиновнику особых поручений г. Алхимовичу, что могу ли я торговать мануфактурными товарами, по выправленному мною свидетельству, стоящему 105 руб. по деревням, на это получил от сказанного чиновника разъяснение, что раз имею право торговли на базаре в Губернском городе, то есть в местности высшего класса, то тем более на деревенских базарах, то есть в местностях низшего класса; на основании этого разъяснения я и ограничился лишь взятым мною свидетельством»²⁸. Но постановлением казенной палаты от 10 декабря 1902 г. Дмитриева оштрафовали на 20 руб. и обязали заплатить за новое свидетельство 50 руб. промыслового налога, 5 руб. в казначейство и 7 руб.

---

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 56. Д. 42. Л. 3.

²⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 56. Д. 42. Л. 2–2 об.

земского сбора²⁹, т.е. разъяснения оказались несоответствующими действительности.

Иван Дмитриев считал себя невиновным, так как получил разъяснение чиновника, который, в отличие от самого торговца, должен был точно знать, что можно, а что нельзя. Кроме того, он указывал, что «1-е полугодие 1901 г. и весь настоящий 1902 г., я торговал во многих местах, документы мои были неоднократно проверяемы податными г.г. чиновниками, но ни один из них не обнаружил неправильностей и никто никаких протоколов не составлял. На этом основании, торгуя полтора года по сказанному свидетельству, я был уверен, что никаких других документов выправлять надобности нет»³⁰. И, в-третьих, он сообщил, что «при выправке свидетельства, я пояснил, что буду ездить по деревенским базарам и с целью торговли и что не потребуется ли надписи или другого документа на это? На что получил отрицательный ответ»³¹.

Таким образом, Дмитриев, по его мнению, сделал все от него зависящее, чтобы получить необходимые документы. Основным источником знаний о торговле стали чиновники, а не обращение к соответствующим указам. Это неудивительно, поскольку кто как не проверяющий лучше знает существующие нормы? Ведь именно в его полномочиях «видеть» нарушение или закрывать глаза на него. В подобном отношении сохранялись следы веры крестьян в начальство, в то, что их слово и есть закон. Вероятно, именно поэтому Дмитриев и не обратился к постановлениям, а искал виноватых среди лиц, выдававших документы и проверяющих. Это могла быть и намеренная тактика при отсутствии возможности обосновать свои действия отсылками к закону, т.к. текст жалобы написан не рукой Дмитриева, да и использование понятия «торговое право» указывает на лицо более знакомое с писаными нормами, чем сам торговец (или тот, кем он хотел казаться). Аргументы Ивана Дмитриева не убедили губернское по промысловому налогу присутствие, и оно посчитало его нарушение «вполне доказанным»³².

Другая тактика оправдания предполагала, напротив, под-

---

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 2 об.

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же. Л. 7–8.

черкнутое знание закона. Она активно использовалась при рассмотрении вопроса, нужно ли выбирать документы на амбары с товаром для продажи его и припасов рабочим завода. В 1890 г. два таких амбара содержал без свидетельств при своем Леонидовском винокуренном заводе Балахтинской волости Ачинского округа петергофский 2-й гильдии купец Геннадий Васильевич Юдин. Факт торговли из амбаров без документов был выявлен в ходе генеральной поверки торговли и промыслов, но управляющий Леонидовский заводом мещанин Половников не согласился с этим и подал жалобу в Министерство финансов.

Само прошение управляющего заводом мариинского мещанина Осипа Никаноровича Половникова от 30 апреля 1890 г. занимает четыре листа или восемь страниц, написанных мелким и убористым почерком. Половников активно ссылается на закон и критикует Енисейскую казенную палату за действия не по закону: «не обращая никакого внимания на мое возражение, и даже не сделавши указания, по какому именно закону»³³, «означенное решение Казенной Палаты я нахожу неправильным и несогласным с законами во всех отношениях»³⁴, «нигде в законе не установлено»³⁵, «если бы закон относил эти материальные амбары винокуренных заводов к числу таких, на которые обязательно выбирать торговые свидетельства, то, весьма естественно, в законе и было бы об этом объяснено»³⁶.

При этом Половников сообщает, что помимо официальных изданий он пользуется и частными, опубликованными акцизными чиновниками С.И. Соколовым и О.А. Куманиным – «лицами, вполне компетентными по этому делу»³⁷, в которых приведены распоряжения и разъяснения. И его главный аргумент заключался в том, что «в этих Уставах нигде не сделано никакого указания, или, по крайней мере, разъяснения, что материальные амбары на винокуренных заводах подлежат выбору торговых свидетельств. Если ни в самом законе, ни в специальных руководствах этого не указано; если г.г. чиновники Казенной Палаты при прежних поверках торговли и документов об этом ничего не

---

³³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 20. Оп. 8. Д. 1. Л. 3 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 4 об.

объясняли и если сверх того, об этом никакого закона или распоряжения и не объявлялось, то спрашивается: виноват ли заводчик, что он не взял на амбар торговое свидетельство и подлежит ли он за это наказанию штрафом?»³⁸. Половников демонстрирует знание закона по всем возможным источникам. Но при этом, что объединяет его поведение с тактикой Дмитриева, он перекладывает часть вины на чиновников. Именно *они* не разъяснили существующие правила, если действительно у них имелись основания для такого требования. Более того, он напоминает властям, что «по 65 ст. Свода Основных Государственных законов (I т. ч. I изд. 1857 г.) все без изъятия места во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований. По 52 ст. того же закона, в случае неясности или недостатка существующего закона, каждое место и правительство имеет право и обязанность представлять о том по порядку своему начальству. Коль скоро в законе нет прямого указания о выборе торговых свидетельств на материальные амбары винокуренных заводов, Казенная Палата, прежде чем наказывать заводчиков штрафом, была обязана войти с вопросом к своему высшему начальству, и если бы вопрос разрешился в том смысле, что на означенные амбары заводчики обязаны выбирать торговые билеты, то об этом, как требует здравый смысл, справедливость и существующий порядок, должна была объявить предварительно заводчикам, а уже потом налагать на виновных штраф за неисполнение объявленного распоряжения. Но на каком же основании Казенная Палата, не требовавши прежде выбора торговых билетов на материальные амбары при винокуренных заводах, и не объявивши об этом предварительно заводчикам, стала наказывать их штрафом и при том без права отзыва? Это можно объяснить только тем, что ныне вообще существует мода преследовать и теснить заводчиков»³⁹. В данной жалобе Половников указывает не только то, что казенная палата, по его мнению, была не права, но и как ей следовало поступить, опираясь на «здравый смысл, справедливость и существующий порядок» – три кита мировоззрения Половникова.

Примечательны и его представления о штрафе: «Само со-

---

³⁸ Там же. Л. 4 об.

³⁹ Там же. Л. 5 – 5 об.

боюразумеется, что штраф есть наказание за какое-либо нарушение закона, и он в некотором роде затрагивает честь штрафуемого лица; не легко каждому переносить несправедливое наказание. Например, в брошюре “По вопросу о мерах против пьянства”, мною был указан случай (стр. 18 и 19-я), что вследствие несправедливого акта, составленного тоже Чиновником Особых Поручений Енисейской Казенной Палаты, женщина-крестьянка Абаканской волости Шадрина удавилась. Что же касается находящегося в моем Управлении Леонидовского завода, за все время девятилетнего существования оного все законные требования всегда исполнялись в точности, не было ни одного какого-либо штрафа или начета ни на хозяина, ни на Управляющего заведением, и честь как хозяина завода, так и заводского Управления строго оберегалась. Об уклонении же от взноса нескольких десятков рублей торговых пошлин, если бы таковые действительно следовали, и если бы о том было объявлено своевременно, не могло быть и речи, когда за произведение завода взносится в казну акциза ежегодно около 300 000 рублей серебром»⁴⁰. Законопослушное поведение являлось ресурсом, аргументом в споре с властью. «Честь», как аргумент, находится вне дискурса права и позволяет интерпретировать данный спор как дуэль – дуэль управляющего с чиновником казенной палаты, нанесшим ему бесчестье.

В ответ на данную жалобу Енисейская казенная палата в своем письме в Департамент торговли и мануфактур подробности дела излагала очень тщательно и со ссылками на множество законов, чтобы доказать, что решение было вынесено правильно⁴¹. Несмотря на подробное изложение аргументов, прошение Половникова осталось без ответа. Новое он отправил 18 января 1891 г. Оно было уже более лаконичным – чуть больше одной страницы⁴². Третье прошение – от 1892 г. – вообще не содержало обстоятельств дела, и Половников только просил «ускорить объявление мне ответа»⁴³.

Дело разрешилось только в ноябре 1899 г. Сенат оставил жалобу торговца без последствий, ссылаясь на разъяснения, кото-

---

⁴⁰ Там же. Л. 4 об.–5.

⁴¹ Там же. Л. 1–2 об.

⁴² Там же. Л. 10.

⁴³ Там же. Л. 9.

рые были сделаны уже после подачи жалобы – «указы 22 июня 1890 г. за № 8834, 13 декабря 1891 г. за № 14785 и др.»⁴⁴. Согласно им, «содержимые владельцами фабрик и заводов амбары для отпуска жизненных припасов рабочим, в счет задельной платы, относятся к разряду торговых заведений, подлежащих платежу на общем основании, а заведующие ими лица принадлежат к числу торговых приказчиков, так как отпуск жизненных припасов из этих амбаров, по существу и значению своему, ничем не отличается от продажи или пропуска тех же припасов за деньги. Посему и, принимая во внимание, что проситель не отрицает содержание амбаров при винокуренном заводе, доверителя его Юдина, с производством из них отпуска рабочим жизненных припасов в счет заработанной платы, каковыми амбарами и отпуском из них заведует приказчик Иванов и что освобождение по закону самих винокуренных заводов от билетного сбора, а приказчиков и конторщиков при них приказчиных документов – не может быть распространено на заведения хотя и состоящие при этих заводах, но имеющие значение и характер торговых заведений вообще»⁴⁵.

Таким образом, торговцы активно указывали на промахи и недостатки чиновников казенной палаты и других проверяющих, стремясь оправдать свои действия чужими ошибками.

Особо следует отметить привлекательность тактики выборки более дешевых свидетельств: формально торговец имел документ на право торговли, но платил за него гораздо меньше, а вероятность обнаружения такого нарушения была относительно невелика⁴⁶. Торговцы получали возможность скрывать обороты, кроме того, в деле определения рода торговли могли ошибиться и проверяющие.

Рассмотрим дело о жалобе доверенного товарищества «Бра-

---

⁴⁴ Там же. Л. 19 об.

⁴⁵ Там же. Л. 19 об.–20.

⁴⁶ Татьяна Сорокина указывает, что в начале XX в. торговцы-китайцы, как правило, не брали торговые документы, пользуясь затянутостью процедуры взыскания штрафа (она могла занимать полгода), а «если свидетельство и приобреталось, то, как правило, более низкого разряда, чем положено, что вызывало массу пререканий с русскими властями»: *Сорокина Т.* «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв. // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи.* Иркутск, 2015. С. 304–305.

тя Бревновы» на постановление казенной палаты. Доверенный Николай Синицын выступал против того, что Енисейская казенная палата постановлением от 24 июля 1900 г. признала торговлю «Братьев Бревновых» на Новобазарной площади смешанной, т.е. одновременно и оптовой, и розничной. Это означало, что производить ее следовало по свидетельству первого, а не второго разряда. За обнаруженное нарушение на Бревновых было наложено взыскание и за 1899, и за 1900 г.⁴⁷ Поданная Синицыным жалоба показывает, что вопрос о роде торговли был спорным. Его можно было обсуждать. Какими же аргументами пользовался проситель, чтобы подтвердить свою точку зрения?

Для доказательства своей правоты Синицын анализировал документ, на основании которого торговля была признана смешанной. Он ссылаясь на протокол податного инспектора Красноярского уезда от 13 июля 1900 г., в котором тот указывал, что в торговых книгах «Братьев Бревновых» содержатся данные «об отпуске товаров на сумму 200-400 р. и даже свыше 1000 р., цельными партиями, в один раз и в одни руки, как потребителям, так торговцам и промышленникам»⁴⁸.

Разбирая данную фразу, Синицын поясняет, что в данном случае первый разряд был определен по размеру суммы, продаже партиями в один раз и в одни руки, но «по закону же» (ст. 3 Положения о государственном промысловом налоге и приложения к ней и т.п.) «отличительные признаки торговли первого и второго разрядов устанавливаются так: Разряд первый – «оптовая торговля, то есть продажа всякого рода товаров преимущественно партиями главным образом торговцам и промышленникам»⁴⁹. Разряд второй – «розничная торговля, то есть преимущественно раздробительная продажа всякого рода товаров, как мелочным торговцам, так и потребителям»⁵⁰. Синицын обращается к закону, приводит цитаты из Положения и аккуратно подчеркивает красным цветом ключевые слова.

Далее в тексте жалобы он также умело использует нормы права. Анализируя значение слов «преимущественно» и «главным образом», Синицын приходит к выводу, что «потребляя

---

⁴⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

слово преимущественно, закон затем нигде не заменяет его выражением исключительно, следовательно, продажа товаров партиями не есть исключительная принадлежность торговли первого разряда; напротив, такая продажа возможна и при торговле второго разряда, но с тем исключением, что по первому разряду торговля производится преимущественно партиями»⁵¹.

Далее автор убедительно доказывал, что торговцы и промышленники, которым главным образом продают товары по первому разряду, должны являться ими фактически, т.е. торговать этим товаром в розницу или использовать его в производстве как сырье. Если же товар приобретался для собственных нужд, то торговца или промышленника следовало рассматривать как обычного потребителя, а определение рода торговли по сословному статусу потребителя противоречило закону⁵². Таким образом, Синицын интерпретировал закон в своих интересах, указывая, как он должен пониматься.

Основываясь на вышеуказанных общих принципах, он анализировал торговлю «Братьев Бревновых», которые продавали железо, готовые металлические и приисковые изделия. К последним относились одежда, обувь, головные уборы и рукавицы для рабочих, которые золотопромышленники раздавали своим рабочим и служащим. Синицын подчеркивал, что «покупая такого рода товар, золотопромышленник приобретает его не как таковой, а в качестве обыкновенного потребителя»⁵³. Именно золотопромышленники являлись их главными покупателями, впрочем, как и мелочные торговцы, торгующие на базарах и в селах, которые и соответствовали торговле второго разряда, т.к. не имели средств для оптовых покупок. Розничным же торговцам было невыгодно покупать товар у Бревновых, поскольку они имели возможность обратиться к оптовым торговцам и приобрести у них товар гораздо дешевле⁵⁴.

Синицын указывал, что «точно также в законе нет ограничения для продажной суммы какой бы то ни было торговли, даже в один раз и одному лицу. Значительная сумма покупки не указывает еще на характер оптовой торговли. Там отпускаются зна-

---

⁵¹ Там же. Л. 2 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 3.

чительные партии однородного товара. Здесь же, как в торговле Бревновых, покупатель на большую сравнительно сумму непрерывно приобретает предметы разнородные, хотя бы некоторые из них и цельными незначительными партиями, напр. дюжинами, сотнями, ящиками и проч. Такими покупателями здесь являются: золотопромышленники, требующие известное количество разных принадлежностей одежды рабочих и инструментов, и домовладельцы обширных домов, нуждающиеся особенно при постройках, в один раз и в большом количестве: металла, кровельного и полосового для скреп, печных болтов, разного сорта гвоздей и проч.»⁵⁵.

В результате Синицын приходит к выводу, что «а., Продажная сумма даже в один раз и в одни руки, нигде в законе не установлена и не ограничена, почему влияния на род торговли иметь не может.б., Продажа товара цельными партиями не воспрещена, а допускается законом и при торговле второго разряда. в., в числе своих покупателей торговля «Бр. Бревновых» не имеет ни значительных торговцев, ни промышленников, по неуместности первых получать товар не из первых рук и по неимению для вторых в торговле товаров, годных для промышленной обработки. Отношения же мелочными торговцами разрешаются при торговле второго разряда; а сословие или звание покупателя, не имеющее прямого отношения к его делам по торговле, ставит его лишь на степень простого потребителя. Следовательно, признаки оптовой торговли Казенною палатою в данном случае установлены неправильно, не согласно с законом, а торговля «Бр. Бревновых» не заключает в себе законных признаков торгового предприятия первого разряда»⁵⁶.

Губернское по промысловым делам присутствие во главе с губернатором прислушалось к аргументам Синицына и решение казенной палаты отменило⁵⁷. Его мнение подтвердил и Сенат в ответ на жалобу управляющего казенной палатой на решение присутствия⁵⁸.

Таким образом, случай с торговым заведением «Братьев Бревновых» показал возникновение спорных ситуаций, в том числе и в силу относительности критериев оценки нарушения.

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 3 об.

⁵⁷ Там же. Л. 9 об.–10.

⁵⁸ Там же. Л. 13–13 об.

Многое зависело от благосклонности тех, кто разбираал жалобы, т.к. они могли не прислушаться к аргументам и оставить решение казенной палаты в силе. Вероятно, сыграло свою роль недостаточная доказательная база об оптовой торговле «Братьев Бревновых».

Проблемы с выборкой документов возникали и из-за непонимания, на какие именно торговые помещения и по каким критериям следовало брать билеты. Казалось бы, в текстах законов содержались достаточно подробные сведения об этом, но практика преподносила сюрпризы. В Сенате рассматривались достаточно курьезные случаи. Так, Казанская казенная палата обвинила купца 2-й гильдии Бахрушина в отсутствии у него особого билета на находящийся при его лавке рундук для хранения хлебного товара, но затем сама же попросила отменить его, т.к. Министерство финансов разъяснило, что состоящие при лавках подвижные помещения не подлежат особому билетному сбору⁵⁹. Иными словами, имела место попытка обложить билетным сбором, по сути, мебель.

Выборке свидетельств неправильного разряда до поры до времени способствовала сложившаяся практика, при которой нарушитель фактически оставался без наказания. Согласно Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов, лица, производившие торговлю не того рода, не теми товарами или не тем порядком (например, оптом, а не в розницу)⁶⁰, т.е. выбравшие свидетельство, несоответствующее уровню торговли, должны были заменить его на требуемое законом свидетельство, но без зачета уже уплаченных денег. На практике же после обнаружения нарушения свидетельства менялись на более дорогие, но прежняя сумма шла в зачет. Например, есть сведения о документах, выданных из Ачинского городского общественного управления с учетом обмена, т.е. с указанием суммы, шедшей в зачет при платеже за новое свидетельство⁶¹. Возможно, преобладание тактики выбора несоответствующих роду торговли документов (если это так) было связано с тем, что закрыть заведение можно было только в случае полного отсутствия у владельца промыслового свидетельства.

В 1888 г. казенные палаты по инициативе Министерства фи-

---

⁵⁹РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2459. Л. 42.

⁶⁰ПСЗ РИ. II. Т. 40. № 41779. 9 февраля 1865 г. Ст. 116.

⁶¹Архив города Ачинска. Ф. 13. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.

нансов сделали распоряжение о том, что при обнаружении нарушений о них следовало делать запись на торговом документе, а деньги, которые были уплачены за документ с надписью, не учитывать при обмене⁶². Но, вероятно, такая практика имела место и в более позднее время⁶³.

Таким образом, получение торговых документов в пореформенной России являлось процессом, вызывающим множество сложностей и сопряженным с обманом или с тем, что государство, а вслед за ним и исследователь, могли посчитать обманом. Представляется, что за нарушениями такого рода стояли самые разные причины: низкая прибыль из-за высоких налогов, разовый характер торговли, трудности с определением разновидности торгового документа и бумаг к нему, нежелание предпринимателей платить, когда их конкуренты по торговым рядам уклоняются от платежа, и многие другие. Поэтому, нарушая закон, со своей точки зрения эти люди поступали справедливо. Так или иначе, большинство торговцев, ведущих дела на постоянной основе, получали документы и стремились соблюдать правила игры, хоть и «подыгрывали» в свою пользу, а в случае обнаружения нарушения пытались оправдать свое поведение рациональными причинами, надеясь сохранить лицо и избежать штрафа. В то же время существовали и те, кто вел «теневую» торговлю и принципиально уклонялся от взгляда государства, а при столкновении с властью «валяли дурака». Имеющиеся источники не всегда дают возможность отличить одних от других, но можно констатировать, что и та, и другая тактики имели место в отношениях с властью.

---

⁶² ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 216. Л. 14.

⁶³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 425.

Наши авторы

Арнаутова Юлия Евгеньевна – Институт всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, зам. главного редактора альманаха «Одиссей. Человек в истории».

Габдрахманов Павел Шавкатович – Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Данилевский Игорь Николаевич – Научно-исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», профессор; Институт всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, соредактор (с О.И. Тогоевой) альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

Герштейн Анна Борисовна – Институт всеобщей истории РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук, ответственный секретарь альманаха «Одиссей. Человек в истории».

Кошелева Ольга Евгеньевна – Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, руководитель научного семинара «Исторические исследования повседневных практик».

Крылова Юлия Петровна – Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, ответственный секретарь альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

Стогова Анна Вячеславовна – Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, член редколлегии альманаха «Адам и Ева. Альманах гендерной истории».

Тогоева Ольга Игоревна – Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук,

соредактор (с И.Н. Данилевским) альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

Яковлева Татьяна Геннадьевна – Государственный музей-заповедник «Петергоф», специалист по музейным исследованиям, кандидат исторических наук.

Научное издание

Обманные практики и доверительные отношения.
Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных
условиях Европы (Средние века и Новое время)
Коллективная монография

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать 17.12.2018
Формат 60х84/16
Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем – 16,1 п.л. Усл. печ. л. Тираж – 500 экз. (1 завод – 100 экз.)
Зак. № _____

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А